

Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности»

Сборник сочинений абсолютных победителей,
призёров и победителей в номинациях

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Москва
ФГБОУ ВО «МПГУ»
2023

УДК 82-822
ББК 94.3
В85

Учредитель
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральный оператор
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Рецензенты

Левушкина Ольга Николаевна, профессор кафедры методики преподавания русского языка Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Несмелова Марина Леонидовна, доцент Института истории и политики кафедры методики преподавания истории ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности» :
В85 сборник сочинений абсолютных победителей, призёров и победителей
в номинациях / [сост. Ю. Л. Кудрявцева]. — Москва : ФГБОУ ВО
«МПГУ», 2023. — 272 с. : ил.

ISBN 978-5-6049967-0-6.

В настоящем сборнике публикуются творческие работы абсолютных победителей, призёров и победителей в номинациях Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» 2022/2023 учебного года, учредителем которого уже четвёртый год выступает Министерство просвещения Российской Федерации. Конкурс объединяет обучающихся общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций 89 субъектов Российской Федерации, образовательных организаций МИД России и Республики Беларусь. Главная цель Конкурса — сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР — жертвах военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

УДК 82-822
ББК 94.3

ISBN 978-5-6049967-0-6

© ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», 2023
© Авторы, 2023

Дорогие друзья!

Сердечно поздравляю вас с замечательным событием — завершением Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности»!

В 2023 году он побил очередной рекорд, объединив более 700 тысяч человек из 89 регионов нашей страны. Это замечательная возможность для каждого школьника стать частью большой дружной команды, поверить в свои силы, раскрыть таланты и осуществить мечту.

Участники конкурса интересуются историей, вдумчиво анализируют факты и, опираясь на историческую правду, проводят параллели с современным этапом.

Не спору, тяжело обращаться к этой теме. Однако память об убитых, о тех, кто покоится в братских могилах, остаётся страшным напоминанием о преступлениях нацизма. Не щадя ни женщин, ни детей, враг подвергал массовому уничтожению представителей разных народов, национальностей и вероисповеданий.

Поэтому сегодня перед нами стоит важнейшая задача не допустить искажения исторической правды, обеспечить сохранение и передачу фактов о событиях Великой Отечественной войны следующим поколениям.

Не могу не отметить вклад педагогов-наставников в ваши успехи. Они поддерживают вас, а также направляют ваши инициативы в нужное русло, открывают возможности для самореализации. Другими словами — формируют личность.

Дорогие ребята! Желаю вам интересных исследований и здорового соперничества. Каждый из вас — уже победитель. Спасибо вам за неравнодушие и активную гражданскую позицию!

*Министр просвещения
Российской Федерации*

С. С. Кравцов

Дорогие читатели!

Книга, которую вы держите в руках, — это сборник лучших работ участников Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» в 2023 году. За четыре года существования конкурс стал важным способом передачи и сохранения исторической памяти, устойчивой формой осмысления российским обществом страшных событий, связанных с геноцидом советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Образовательно-просветительские мероприятия проекта «Без срока давности», центральное место в которых отведено Всероссийскому конкурсу сочинений, стали органичной частью системы общественной деятельности по сохранению в российском и мировом сообществе исторической памяти. Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности» неизменно координируется Московским педагогическим государственным университетом, и это важнейший показатель, характеризующий наш университет как центр российского исторического образования, воспитания и науки.

В 2023 году мы отмечаем 200-летие основоположника отечественной педагогической науки Константина Дмитриевича Ушинского, который одним из первых обозначил основу исторической самостоятельности нашего народа: «Что бы ни говорили утописты, но народность является до сих пор единственным источником жизни народа в истории. В силу особенности своей идеи, вносимой в историю, народ является в ней исторической личностью».

Идею непримиримой, бескомпромиссной борьбы с абсолютным злом, которое может уничтожить наш народ и весь мир, наш народ обрёл очень дорогой ценой, она стала духовной основой Победы в Великой Отечественной войне. Поэтому сохранение исторической памяти о жертвах, которые понёс советский народ в Великой Отечественной войне, стало основой для сохранения единства и согласия в многонациональном российском обществе.

*Ректор МПГУ, доктор исторических наук,
профессор, академик РАО*

А. В. Лубков

Содержание

Абсолютные победители

Егор Самараев	8
Анна Савельева	11
Наталия Татаринцева	17
Лейла Дадашева	24

Призёры 1 категории

Виктория Ключева	30
Анастасия Касенкова	33
Полина Федотенкова	37
Кирилл Звонко	41
Татьяна Чингалева	44
Виолетта Классен	46
Владимир Тимошин	51
Татьяна Ветошкина	53
Варвара Токмакова	57
Илья Лагутин	60

Призёры 2 категории

Василиса Виноградская	66
Илья Апарен	73
Екатерина Мулкахайнен	76
Игорь Ермаков	81
Александр Крылов	85
Анастасия Навалихина	87
Анна Туранова	96
Амина Тагирова	100
Мила Росликова	102
Ульяна Фотина	105

Призёры 3 категории

Полина Гетун	112
Степан Кетов	119
Ольга Терехина	124
Полина Попова	128
Варвара Тихонова	134

Арина Тушева	137
Татьяна Глушонкова	140
Виктория Лукоянова	145
Софья Большая	150
Мария Попова	154

Призёры 4 категории

Дмитрий Орунов	162
Ульяна Сарванова	166
Ольга Никанова	175
Аскер Дотдаев	178
Яна Третьяк	182
Юлия Пономарева	186
Ангелина Борисова	189
Алиса Грин	192
Дарья Филиппова	197
Мария Гаркуша	202

Победители в номинациях

София Мухаматова	206
Анастасия Арбузова	209
Виктория Соломенникова	213
Ирина Селезнёва	217
Ренат Салахов	220
Ратмир Кудрявцев	223
Полина Шерстобоева	226
Михаил Щекотихин	229
Валентина Учайкина	232
Михаил Лукьянчиков	234
Тимофей Михайлов	238
Алина Миколюк	240
Полина Семёнова	245
Богдан Гросул	250
Софья Горева	254
Кристина Добровольская	258
Вероника Терновых	263
Софья Пожогина	269

**АБСОЛЮТНЫЕ
ПОБЕДИТЕЛИ**

**ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

ЕГОР САМАРАЕВ

7 класс

Наставник: Сторожева Татьяна Юрьевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 8
г. Петровска Саратовской области»

Саратовская область

Полка памяти

То, что в нашем музее происходят чудеса, — знают многие, так что появление в музейной комнате книжной полки никого не удивило. Подумаешь, полка! Другое дело, что там появится! На полке появились... книги.

— М-да, — подумали мы, — чудеса закончились. Просто книги.

Чтобы не обидеть вдохновлённо расставляющую книги учительницу, кто-то спросил: «Можно взять почитать?» Все рассчитывали на: «Пока нет!», но Татьяна Юрьевна посмотрела, вздохнула, было видно, что она явно что-то ещё не доделала... Вот сейчас прозвучит: «Пока нет!» И вдруг: «А берите! Только встречаемся через два дня. Всё возвращаем, нужно поговорить!» Вот это мы попали!

Разбирали по названиям, по красивой обложке, кто-то по объёму... Мне достались потрёпанные «Зимородок» Юрия Яковлева и «Обелиск» Василя Быкова. Я живу от школы далеко, время подумать над названием было. «Обелиск» — это, конечно, про войну, а вот «Зимородок»... Биология какая-то! Доставая проездной, заглянул на одну из первых страничек. Точно: «На самом деле, кукушка была одна». Про птиц!

Ну что ж, читаем!

Начал с «биологии». Оказалось, что Зимородок — это вовсе не птица. Это почти наш ровесник, партизан-подрывник, о котором юным следопытам рассказал военный лётчик Седой. Шаг за шагом мальчишки и девчонки в далёкие семидесятые приближались к тайне Зимородка. Бывшая подпольщица Михалина рассказала, как он взорвал мост. Капитан милиции Соколыч видел, как юного партизана схватили и расстреляли. От вдовы командира партизанского отряда ребята узнали, что Зимородок был награжден посмертно, но в братской могиле не похоронен. Ребята были уверены, что герой войны

жив ... И только на последних страницах рассказа они поняли, что их учитель биологии и юный герой партизан — это один и тот же человек... Как часто мы не замечаем тех, кто находится рядом с нами...

Не спал всю ночь, вспоминал экскурсии в нашем музее про красных следопытов, наши поисковые марафоны... Я знаю, что такое искать информацию. Иногда на поиски сведений о солдате Великой Отечественной войны уходят месяцы, а после обработки материала остаётся всего несколько строк. Но ты чувствуешь себя героем! Не имя вернулось — человек с войны вернулся, иногда спустя восемьдесят лет после смерти! А герои рассказа Юрия Яковлева живого Человека нашли! Нам так уже не везёт! Время ушло... Нам досталась работа с документами. Там, в книжке, были слова, которые прямо резанули по сердцу: «Все, что люди сделали на войне, может бытьем порастить. Все зависит от вас. Забвение — это ржавчина памяти. Она разъедает самое дорогое. Нужны новые силы, чтобы бороться с забвением. И еще я хотел вам сказать, товарищи следопыты: ищите в себе человека; если найдете в себе хорошего, справедливого человека — жить будете интересно, с пользой».

Кажется, я понял, почему появилась полка... Почему заработал в школе музей, почему мы всё время в поиске...

Вторую книжку я прочитал быстро! И опять про поиски! И про учителей — Мороза и Миклашевича, учителя и ученика, учителя и учителя. Я сразу вспомнил слова одного из стихотворений: «Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться!»

Но содержание этой повести не только об этом... Это о том, какие они, учителя, об их жизни в мирное и военное время, об их заботе о своих учениках, которые становятся частью их сердца, их души, ради которых они готовы умереть... Когда пришли немцы, Мороз остался в деревне, собрал всех ребятишек и «с разрешения немецких властей» продолжил их обучение. Я сначала опешил, прочитав об этом, а потом понял, что подвиг — это не только атака... Подвиг — это когда каждый день в школу, к детям, когда на тебя настороженно смотрят и свои сельчане, и немцы с полицией... Подвиг — это когда есть возможность остаться у партизан, а учитель идёт к своим ученикам, схваченным фашистами за «диверсию», чтобы быть с ними в последние минуты их такой короткой жизни.

Когда Мороза и ребят повели к месту казни, «сбежалась вся деревня». По дороге учителю удалось отвлечь внимание конвоя и тем самым дать шанс спастись самому младшему — Павлику Миклашевичу. Но после окончания войны о подвиге Мороза попросту забыли, ведь он не убил ни одного немца, к тому же добровольно отправился в плен к врагу. И только спустя много лет имя сельского учителя было реабилитировано в глазах общества.

...Через два дня все собрались в школьном музее. Мы даже поговорить толком не успели. Все были задумчивые...

Я бережно поставил отремонтированные книги на полку и сказал: «Про войну и про учителей!» — никто не обратил внимания на мои слова, только учительница как-то по-особенному на меня посмотрела.

Дождаясь разговора о моих книгах, я слушал своих друзей — «хранителей памяти», слушал... Почти каждый произносил теперь уже хорошо знакомое слово «геноцид», звучали названия книг «Облачный полк», «Краденый город», «Жаворонки над Хатынью»... Подумал, что и я читал про «геноцид». Разве уничтожение советского народа — это не запланированное заранее уничтожение людей по какому-либо признаку? Разве фашисты не планировали уничтожить советский народ, его культуру, его идентичность? Разве не об этом я читал эти два дня?

И вдруг понял, что наша учительница, как и учителя в прочитанных мною произведениях, спасает нас от духовного геноцида. И музей наш спасает (отсюда уходят другими!), а теперь ещё и эта полка, полка памяти, как её уже окрестили ребята! Ведь уничтожение бывает разным — не только физическим, но и духовным! Кто ответит за геноцид, духовное уничтожение украинского народа? Нет, не всего, конечно, но... Почему это произошло на территории, где жили молодогвардейцы? Может быть, потому что у них не было таких учителей, такого музея, таких книг?

С нами это не произойдёт — у нас у каждого внутри своя «полка памяти». У нас есть те, кто не даст уничтожить нас, россиян, нашу душу, а мы не дадим уничтожить память, мы же отряд красных следопытов, во главе которого стоит Учитель...

АННА САВЕЛЬЕВА

8 класс

Наставник: Кириллова Олеся Михайловна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное
учреждение «Средняя общеобразовательная
школа № 50» г. Дно

Псковская область

Колотушино — лагерь военнопленных в Дновском районе

Страшнее нет, когда среди людей
Один считает, что он выше, чем другие.
Страшнее нет, когда среди таких
Один мечтает завладеть другими.
Решает: жить другим иль умереть.
Нам надо, чтобы люди не забыли,
Чтоб помнили о тех, кто в муках пал,
Кого не знают, голос чей не слышен,
Но смертью он победу приближал.
Сейчас его историю мы пишем...

Анна Савельева

Война — это горе, слёзы, кровь и смерть. 22 июня 1941 года она постучалась в каждый дом нашей необъятной Родины и принесла многочисленные беды: матери потеряли своих сыновей, жёны — мужей, дети остались без родителей. Миллионы людей прошли сквозь горнило самой страшной и кровопролитной войны в истории человечества, испытали ужасные мучения, голод, холод, но выстояли и победили.

Эти трагические страницы жизни, события, перевернувшие ход мировой истории, навсегда изменившие мир, до сих пор откликаются в сердцах и памяти целых народов. Война, задуманная как средство решения экономических и политических проблем Германии, затянула в себя весь мир и огромным огненным шаром прокатилась по территории нашей Родины. Да, мы отстояли свою страну, мы спасли весь мир от фашизма, но цена, которую заплатил наш народ, ужасна. История не знала таких разрушений, такого варварства

и бесчеловечности, которые творили фашисты на советской земле. Людские потери в той войне составили 26,6 миллионов человек. Вы только вдумайтесь в эти цифры! Это почти одна шестая часть населения! Люди гибли на полях сражений, в концлагерях, получали ранения, теряли своих близких. Но как бы тяжелы ни были потери и разрушения, Советский Союз вышел из войны ещё более крепким, сплочённым и могучим.

Фашисты, считавшие себя лучшей нацией, высшей арийской расой, хотели уничтожить все остальные народы, в особенности еврейские и славянские, за ненадобностью, превратить в рабов. Такое явление в истории получило название «геноцид». А что же такое геноцид с официальной точки зрения? Какое определение этому явлению дают официальные источники?

«Геноцид — это истребление отдельных групп населения или целых народов по политическим, расовым, национальным, этническим или религиозным мотивам, а также умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этих групп...» [1].

Скупые строки определения как будто прячут за собой реальные факты. Истребление — это на самом деле убийство. А что такое убийство? Это желание забрать у человека самое ценное, что у него есть, — его жизнь! А убийству не может быть оправдания!

После Великой Отечественной войны осталось много свидетельств зверств фашизма в отношении мирного населения и военнопленных. И на этих местах воздвигнуты мемориалы. Все знают о Хатыни, Освенциме, люди нашей области помнят про Красуху и концлагерь системы «Дулаг», а я хочу рассказать про практически неизвестный лагерь военнопленных Колотушино.

Лагерь располагался на территории аэродрома Гривочки, в трёх километрах от города Дно, и относился к системе Люфтваг — концентрационным лагерям для лётчиков. Все сведения о военнопленных, содержащихся в нём, засекречены до сих пор, и информация восстанавливается по крупицам. Скупые строки документов рассказывают об ужасах произошедшего: «Акт № 43 от 1946 года мая месяца, 13-го дня. Специальная комиссия в составе... произвела расследование обстоятельств умерщвления военнопленных — Советских военнослужащих (в протоколе так и написано — Советских с большой буквы), производившегося в лагере военнопленных в местечке Колотушино в трёх километрах юго-восточнее г. Дно» [2].

После того, как фашистские войска захватили наш город в июле 1941 года, в деревне Колотушино создали лагерь военнопленных Luftlager I Dno, специально для пленных советских лётчиков. Комендантом был штаб-фельдфебель Юстман. Существовал лагерь с 1941 по 1944 год. Территория свыше 1600 квадратных метров была обнесена двойной стеной колючей проволоки. На ней располагалось два двухэтажных барака летнего типа, охраняемых не только обычными постами по границам лагеря, но и путём наблюдения со специально устроенной вышки. Помещения сплошь были забиты советскими военнопленными, которые свозились со всей округи, в том числе

и из-под Старой Руссы. С первых же дней для советских военнопленных был установлен специальный режим, рассчитанный на умерщвление изнурением, голодом и болезнями.

Питание военнопленных состояло из двухсот граммов похлёбки из гнилого картофеля с незначительной примесью муки и недоброкачественного хлеба. Работать же заставляли на тяжёлых работах: на строительстве взлётно-посадочной полосы аэродрома Гривочки и лесозаготовках. Ежедневно военнопленные в лагере подвергались избиению резиновыми палками и плётками.

По показаниям очевидцев, проживавших в годы войны в оккупации в соседних деревнях: «...военнопленные советские военнослужащие находились в исключительно тяжёлых условиях. Помещения, в которых жили люди, не имели ни нар, никакого другого оборудования. Люди валялись на грязном полу, на котором не было даже подстилки из соломы. После немногих дней пребывания в лагере от непосильной работы и голодного пайка военнопленные доходили до стадии полного истощения и умирали. Смертность достигала до 30 и более военнопленных в день. Трупы погибших полными возами вывозились на кладбище в полукилометре от лагеря. Было много случаев, когда вместе с мертвыми вывозили хоронить и живых людей, потерявших сознание. Широкое применение имели в лагере и расстрелы. Расстреливали не только за видимость проступка, но даже за просьбу о помощи питанием, за то, что не мог поднять бревно, просто за то, что пленный взял еду у кого-нибудь из местных жителей...» [2].

А дальше идут протоколы допроса свидетелей и акты вскрытия военным судмедэкспертом эксгумированных тел. Сто пятьдесят семь листов документации, на которых зверства, тела, захороненные без одежды с полностью отсутствующей жировой прослойкой, расстрелы. Всё описано скупым канцелярским языком, но иногда даже через строки протоколов проскакивают эмоции.

Захоронения погибших военнопленных велись на двух кладбищах во рвах.

Примерный подсчёт количества жертв производился по результатам эксгумации 29–30 марта 1945 года. «...По указанию очевидцев, специальной комиссией было произведено исследование и раскопки кладбища, на котором хоронили умерщвлённых советских военнопленных». Возле местечка Колотушино на заболоченной территории было обнаружено два кладбища. «На одном найдено 4 рва длиной каждый по 100 м, шириной 3 м и глубиной 2 м и на расстоянии одного километра восточнее этого кладбища было обнаружено ещё 10 рвов, длиной каждый 5 метров, шириной 3 метра и глубиной 3 метра. Главным судебно-медицинским экспертом Ленфронта, подполковником медслужбы профессором Владимирским А. П., было подвергнуто исследованию на первом кладбище 250 трупов, причём один из них опознан и является Никитиным Василием Никитичем, 1912 г.р., и 450 трупов на втором кладбище. Данные судебно-медицинского исследования установили, что общее количество захороненных на указанных кладбищах в Колотушинском лагере военнопленных 23–25 тыс. человек» [2].

Послевоенный военком был строг и жесток. Он сказал словами, приписываемыми И. В. Сталину: «У нас нет военнопленных, есть предатели», и приказал построить скотные дворы на месте захоронения на городском кладбище. А про Колотушино просто забыли на несколько десятилетий.

Вновь вспомнили про концлагерь только в конце 1980-х годов, когда на военных сборах на взлётной полосе на бетонных плитах аэродрома Гривочки обнаружили выдавленную надпись: «Это строили русские военнопленные». Именно русские, с одной буквой «С». Эта информация заинтересовала группу людей, которые начали собирать информацию о бывшем концлагере.

В 1996 году на месте входа в лагерь и бараки был установлен монумент. А потом об этом святом месте опять надолго забыли.

В год празднования семидесятилетия Великой Победы мы с друзьями, случайно узнав о существовании Колотушино, отправились на поиски концлагеря на велосипедах. Дорога туда оказалась такая же тяжёлая, как необходимость помнить о тех вещах, о которых забывать нельзя.

Оказавшись впервые в Колотушино и увидев мемориал и братские могилы, я была просто потрясена абсолютной заброшенностью этого места. Именно тогда мне очень захотелось, чтобы здесь всё стало правильно: был установлен крест, а место захоронения было расчищено, как и подобает могиле. Это даже страшно представить: на таком небольшом клочке земли лежат люди, количество которых составляет три населения нашего района! Двадцать пять тысяч чьих-то отцов, сыновей, братьев, которых никто не дождётся дома и судьба которых неизвестна родственникам. Совсем рядом есть множество мемориалов, расположенных на местах массовой гибели людей. Там установлены памятники, стелы, куда приходят люди, где проходят митинги, а тут, в полной лесной глуши, абсолютно заброшенное и такое страшное место!

Своими мыслями я поделилась с мамой, и мы решили, что просто обязаны привести мемориал в порядок. К нашему счастью, людей, равнодушных к истории нашей Родины и города Дно, оказалось немало. И уже через неделю наша семья с большой компанией друзей-единомышленников вернулась в Колотушино, чтобы навести порядок у памятников. Но на этом наша работа в святом месте не закончилась.

В августе 2020 года в Колотушино рядом с монументом был установлен ящик письменной памяти. А прошлым летом мы совершили ещё одно очень важное дело: установили на месте захоронения крест и отслужили панихиду с отпеванием всех захороненных воинов.

17 октября 2022 года на территории Колотушино группа «Лендокфильм» снимала документальный фильм о работе поисковых отрядов «Помни имя своё» (режиссёр фильма — Александр Гринёв). В съёмках фильма принимали участие поисковики из Пскова — отряд «Зверобой», молодёжный поисковый отряд из Дедовичей «Журавли», организованный на базе взрослого отряда «Бригада 60», их коллеги из Бежаниц и Санкт-Петербурга, журналисты газеты «Дновец» и представители ВГТРК «Псков». Я со своей семьёй и людьми, заинтересованными

в увековечивании памяти военнопленных, тоже участвовала в этом мероприятии. К сожалению, найти братское захоронение заключённых концлагеря Колотушино и мирных жителей, по всей вероятности, казнённых гестапо, в тот день нам не удалось, но мы обязательно продолжим поиски в следующие экспедиции.

Наш местный поэт Игорь Николаевич Фадеев написал о Колотушино стихотворение. Вот лишь небольшой его фрагмент:

*Деревеньки порушены,
Пол-России во мгле...
Как живёшь, Колотушино,
Есть ли ты на земле?
Был ли лагерь с колючкою,
Где рекой лилась кровь?
Иль худюющим, измученным
Пленным дало ты кров?.. [3]*

Работа по сбору информации о лагере военнопленных в Колотушино тоже не стоит на месте. В настоящее время удалось выяснить, что на территории Дновского района на самом деле был не один концлагерь, а два. Один из лагерей располагался в городе и служил для сортировки и пересылки военнопленных. Поступающих людей там даже не кормили. Их просто регистрировали, сортировали, загружали в грузовые вагоны или строили в шеренги и пешком отправляли дальше. В таких условиях погибала большая часть пленных бойцов, и количество жертв в том лагере составило около двадцати одной тысячи человек. Хоронили их во рвах вблизи городского кладбища. Вторым лагерем был Колотушино.

Кроме этого, выяснилось, что имеются и свидетельства родственников тех людей, кто своими глазами видел этот лагерь. Позже родители по огромному секрету показывали своим детям место лагеря, места захоронений и рассказывали о том, что видели. Свидетельств немного. Вот одно из них.

Старики начали вспоминать, что лагерь на его последнем месте возник не сразу. Сначала фашисты проложили железнодорожную ветку через аэродром и устроили место временной дислокации заключённых за колючей проволокой прямо на земле без кровли и навеса. Люди были помещены в загон, как скот, пока рядом строились бараки постоянного лагеря. Когда же начались морозы, этих военнопленных перестали кормить, и они, истощённые, больные, замёрзли. Их даже не похоронили по-человечески, а просто засыпали землей в этом загоне.

Пока это только рассказы, факты которых сейчас проверяются. Но в немецких архивах нашлись фотографии, на которых видны погибшие в лагере военнопленные. И факт данного преступления сомнения не вызывает.

Нам предстоит ещё очень много узнать про это страшное место, но несомненно одно — забывать об этом нельзя!

Я считаю, что сохранение памяти о Великой Отечественной войне — это наша святая обязанность. И наш долг — рассказать об этом всем для того,

чтобы память прошла сквозь поколения. Пока человек помнит о своей истории, о своих корнях, он — Человек.

И пока мы помним о том, что произошло во времена фашизма, мы не должны допустить повторения этого. Преступлениям против человека и геноциду нет оправдания! У этих преступлений нет срока давности. И мы должны помнить об этих страшных событиях, и самое малое, что мы можем сделать, — это сохранить документы и память о местах геноцида.

Список используемых источников

1. Геноцид / [Электронный ресурс]. — URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/34/Геноцид>.
2. Из материала С. В. Егорова на основании документа «Копия Акта от 13 мая 1945 года специальной комиссии о расследовании обстоятельств умерщвления военнопленных советских военнослужащих в данном концлагере».
3. Фадеев И. Н. Прямое зеркало любви. Стихи, рассказы. — Санкт-Петербург: ООО «Издательско-Торговый Дом «Остров», 2014.

Деревеньки порушены,
Пол-России во мгле...
Как живёшь, Колотушино,
Есть ли ты на земле?

Был ли лагерь с колючкою,
Где рекой лилась кровь?
Иль худющим, измученным
Пленным дало ты кров?

Нет, не русскими избями,
Ты явилось к парням.
А бараками длинными,
Где кричат по ночам!

Где фашистские нелюди
Копят смертные рвы.
Где кричат в небе лебеди,
Пугаясь травы...

Где стрельбою оглушены,
Крестят лбы старики.
Как живёшь, Колотушино,
В свои чёрные дни?

А война скоро кончится —
Будет что рассказать!
Только тихая рощица
Будет тихо молчать...

Игорь Фадеев

НАТАЛИЯ ТАТАРИНЦЕВА

11 класс

Наставник: Соболева Жанна Ивановна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
гимназия № 1 г. Задонска

Липецкая область

Защитник

...А может, не было войны,
И людям всё это приснилось?

Александр Розенбаум

— Да, это я его ударил! — твёрдо произнёс мальчик, потупив глаза в пол.
— Я спрашиваю в очередной раз, зачем? — инспектор ПДН уже второй час пытался выпытать хоть что-то у этого дворового хулигана, но тот лишь упорно молчал.

Лёша Лебедев рос задиристым мальчишкой: в школе был троечником, а вечера проводил во дворе с местными сорванцами. В город семья Лебедевых переехала недавно: после смерти прабабушки Лёши они продали ветхий дом в соседней деревушке и стали полноправными жителями многоквартирного дома. Мальчик постоянно был замешан в каких-то ссорах: то побьёт кого-то, а то и сам зайвится домой с синяками. Вот и сегодня между дворовыми мальчишками произошла какая-то странная ссора, в мотивах которой вот уже почти два часа пытался разобраться капитан Свердлов.

— Ох, тяжело мне с тобой, Алексей, тяжело... — ходил он из угла в угол, — значит, вину признаешь?

— Признаю! — твёрдо ответил мальчик.

— А причину объяснять отказываешься?

— Отказываюсь, товарищ капитан, — Лёша так крепко сжал кулаки, что побелели костяшки пальцев.

Разговор не сдвигался с мёртвой точки: целый час мальчик молчал, потом признался, что затеял драку и первым ударил, а о причинах такого поведения

говорить не хотел. Однако инспектор решил выяснить все обстоятельства данного происшествия. Опытный сотрудник, Свердлов чувствовал, что это не рядовая ссора, которые часто случались в этом новом микрорайоне, что здесь кроется что-то глубоко личное.

— Ну что ж, Алексей, я никуда не спешу. Будем вместе сидеть и ждать, когда объяснишь мне, почему ты набросился с кулаками на ребят.

— Я не буду вам ничего объяснять, — Лёша наконец-то поднял свои голубые, наполненные слезами глаза. — Всё равно вы ничего не поймёте, — он вытер рукавом нос. — Никто ничего не поймёт...

Свердлов отодвинул в сторону папку с документами, сел поближе к мальчику и уже мягким голосом произнёс:

— Ну, раз я ничего не понимаю, то ты расскажи мне, объясни. Да так, чтобы понятно было.

Мальчик долго смотрел в одну точку, собираясь с мыслями, затем глубоко вздохнул и начал:

— Понимаете, они сказали, что... что войны не было... Не было никаких немцев, никаких фашистов, ничего не было... И войны тоже, — голос парня срывался, слёзы подкатывали к горлу, мешая говорить. Мальчик замолчал. Губы его дрожали. Звонящая тишина воцарилась в кабинете. Через несколько минут капитан встал, прошёлся по кабинету и, по-отечески положив тяжёлую руку на плечо Алексея, сказал:

— Продолжай. Я слушаю.

— Она не могла мне соврать...

Мальчик перевёл дыхание и продолжил:

— Мы совсем недавно живём здесь. Прабабушка моя, Вера Антоновна, умерла несколько месяцев назад. Дом её мы продали, а сами переехали в новую квартиру — родителям так быстрее добираться до работы.

Ей было девяносто три года... Она родилась в 1929 году, задолго до войны. Бабушка старалась не говорить о тяжёлых военных годах, да и вопросов ей старались не задавать — все знали, какими тяжёлыми были для неё эти воспоминания. Только перед смертью она рассказала мне свою историю. Говорила о самом страшном. Я на диктофон её записывал, только вот... С того дня я ещё ни разу не дослушивал эту запись до конца. Не могу... — Лёша снова заплакал, но, проглотив ком, подступивший к горлу, продолжил:

— Хотите послушать?

— Ну, давай... Послушаем, что там тебе рассказывали...

Лёша достал телефон, положил его на стол и включил записанную историю Веры Антоновны. Послышался тихий старческий голос:

«Было мне, внучек, двенадцать лет от роду, когда война в наш дом пришла. Узнала я об этом ранним утром, от Ванюшки — брата моего меньшего. Он разбудил меня словами: «Верочка, война... Настоящая...»

Знаешь, Лёшка, в первые дни всё тихо было. Только по радио звучал суровый голос. Этот голос засел во мне: «...Началась война советского народа

против немецко-фашистских захватчиков. Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Лёша, знал бы ты, как это страшно, как страшно слышать такое... Нет, лучше этого никогда не знать...»

Речь внезапно прервалась, был слышен лишь тихий плач и тоненький Лёшкин голос, пытающийся успокоить прабабушку.

«Ох, внучек, а дня через три над селом нашим начали летать самолёты. Начался отсчёт самых страшных дней.

Уже месяц шла война, мужчины уходили на фронт, веря в скорую победу. Я и брат помогали маме по хозяйству, тяжело ей было одной — отец ушёл добровольцем. Продукты в нашем доме ещё не закончились: маленький огород пока спасал, но голод был уже где-то рядом.

Ещё через месяц по деревне нашей пронёсся слух, что проклятые фашисты уже подступили, что вот-вот войдут в наши дома. Сначала казалось, что всё это — просто слух, что не было их здесь, никогда и не будет. Но через нашу деревню потянулись подводы с беженцами. Потом — отступающие части Красной Армии. Стало ясно, что вот-вот немцы будут в деревне.

Мама, опасаясь за нас, вырыла яму на огороде. Три дня мы просидели в ней, а на четвёртый день проснулись от шума машин, треска мотоциклов и гортанной чужой речи. Фашисты бесцеремонно вламывались в дома местных жителей, резали скот, всем своим видом показывая, что они теперь хозяева на этой земле.

Сердце сжималось от страха и бессилия. Один немец на ломаном русском спросил у мамы: «Где хозяин?»

— На фронте, где ж ему быть? Родину защищает! — смело ответила она. Раздался выстрел, второй, третий. Мать замертво упала на землю.

Мы ещё не знали, что вчера в нескольких километрах от нас горстка красноармейцев разгромила немецкую воинскую часть. Теперь фашисты отыгрывались на мирных жителях.

Я была потрясена увиденным. От ужаса я крепко сжала братишку, твердя: «Мы теперь одни, Ваня... Мы теперь одни...»

Прячась в кукурузе, мы добрались до опушки леса... Детьми мы были, Лёшка, совсем детьми. Что уж и говорить тут: мне двенадцать, брату и того меньше. Но, понимая, что кроме меня, о нём никто на этом свете не позаботится, я старалась держаться, подбадривая брата.

Долго мы прятались в лесу, стараясь уйти как можно дальше от того страшного места, где мы потеряли маму и куда теперь не было обратной дороги. Мы знали, что в райцентре есть приют для сирот, и надеялись переждать там страшное время, пока отец не вернётся с войны и не заберёт нас.

Ночевать приходилось в копнах сена, под кустами. В одну из ночей мы попали под дождь и сильно промокли. Я ещё держалась, а Ваня сильно заболел. С каждым часом ему становилось всё хуже и хуже. Силы покидали его. Я не могла ему ничем помочь. От этого сердце моё разрывалось.

Через некоторое время мы набрели на лесной кордон, где жили два старика. Увидев нас, они запричитали, уложили Ванюшку на кровать, стали поить его отварами трав и растирать какими-то настойками. Но ему становилось всё хуже. В бреду он повторял: «Мамочка! Мама!»

Под утро брат затих. Я думала, что он уснул. Но старики вдруг начали креститься, произнося слова молитвы. Потом дед принёс из сарая доски и начал их строгать под навесом, при этом тяжело вздыхая. Я не могла понять, что происходит. Старушка сказала мне, протягивая узелок с едой: «Иди, милая, на восток, навстречу солнышку. А мы тут сами управимся». Страшная догадка осенила меня! Я поняла, что теперь осталась совсем одна.

Долго я шла по просёлочной дороге, вышла на большак. Обгоняя меня, проносились машины с красноармейцами. Было много и гражданских. Люди, измотанные дальней дорогой и неизвестностью, тоже шли на восток. Иногда над нами низко пролетали самолёты с чёрными крестами. Где-то впереди раздавались взрывы. Люди с надеждой вглядывались в небо. Но наших самолётов не было.

Так я добралась до города. У прохожих спросила, как мне найти детский дом. Оказалось, он был совсем рядом — в небольшом кирпичном здании, окружённом садом и цветниками. Пожилая заведующая с очень добрыми грустными глазами, узнав мою историю, сказала просто: «Будешь пока жить здесь. Иди на кухню, тебя там накормят».

Так началась моя новая жизнь среди таких же, как я, мальчишек и девочек, потерявших своих родных. Мы много работали, заготавливая овощи и фрукты, помогали пилить дрова. Девочки постарше дежурили в госпитале: стирали бинты и, как могли, ухаживали за ранеными.

Обстановка вокруг становилась всё тревожнее. Пошли разговоры о скорой эвакуации. Но в один из дней немцы прорвали фронт, и наш город оказался захваченным фашистами.

Мне снова пришлось увидеть мышиного цвета форму и услышать немецкую речь. Приют захватили.

Представляешь, Лёшка, детей они захватили. Де-тей... Есть чем гордиться...».

Мальчик внезапно остановил запись.

— Я не хочу дальше слушать...

— Почему? — поинтересовался Свердлов, хотя понимал, что дальше ничего хорошего ждать не стоит. Однако ему необходимо было услышать историю полностью — ведь не просто так Лёшка записал это страшное своей правдой воспоминание. — Включай, я хочу узнать всю правду до конца.

Лёшка без особого желания нажал на экран смартфона, из динамика снова зазвучала исповедь:

«Плакать, кричать, да и вообще говорить нам запретили. Высокий немец подходил к детям, пристально всматривался в каждого и говорил что-то другим немецким солдатам.

На улице стояла поздняя осень, близилась зима. С немецким отрядом был молодой переводчик. Говорил с акцентом, но понятно. Нас выгнали на улицу, выстроили в ряд. Некоторых детей — больных и тех, кто, судя по всему, просто не понравился немцам, — передали другим солдатам. Нас же повели к грузовым машинам. Рядом со мной шёл мальчик, чем-то похожий на моего Ванюшку. Я всё время смотрела на него, искала в нём что-то родное. Этот мальчишка не помнил ни матери, ни отца — приют был для него родным домом. Он доверял всем и даже сейчас шёл радостно, надеялся, что это спасение.

Нас привезли на железнодорожную станцию, загнали в вагоны. Куда нас везут, мы не знали. Иногда на какой-нибудь станции нам давали воды и что-то, напоминавшее еду.

Так ехали мы долго. В нашем вагоне несколько человек умерло от болезни и голода. Привезли нас в какие-то огороженные колючей проволокой бараки со сторожевыми вышками по углам. По территории ходила охрана со злобными собаками. В первый же день на построении нам объявили, что любое неповиновение — это смерть.

Заставили снять всё, что на нас было, потом по холодной земле повели в то место, которое они называли баней. Только это была далеко не баня... Нам дали несколько минут, включили ледяную воду и приказали помыться. Потом повели обратно. Это было ужасно — на улице почти зима, а нас, детей, ведут после ледяного душа босиком по уже мёрзлой земле. В тех, кто падал и не поднимался сразу, стреляли.

Мы вернулись в бараки, каждому выдали робу, похожую на пижаму, но с нашитыми личными номерами. Тогда, Лёшка, я уже не была ни Верой, ни Верочкой... В моей жизни появился номер. Номер 5467. Так я оказалась в концлагере.

После врачебного осмотра снова шло распределение на группы. Кого-то уводили в барак, который находился слева, кого-то — в тот, что справа.

Врач быстро осмотрел меня, что-то сказал эсэсовцу. Меня с другими подростками отправили в барак, который находился справа. С этого момента из моей жизни ушли слова «семья», «свобода», «детство»...

Каждый день и в зной, и в холод нас выгоняли на работы. Нам, уже измощённым детям, работу находили всегда.

Фашисты-надзиратели обычно молчали, нам отдавали только команды, которые мы должны были беспрекословно выполнять.

Мы мучались от голода, нам выдавали что-то, похожее на похлебку. Это была мутная вода с каким-то привкусом. Повезёт, если досталось это «питание» тёплым, ну а счастливчиком был тот, кому в миску попадала кожура от картошки или морковки. Особенными были дни, когда к этому всему доставался ещё и кусочек хлеба. Мы называли его хлебом, но что это было на самом деле, тогда не знал никто. Пить нам давали раз в сутки.

Сам понимаешь, Лёшка, что от такой жизни было. Дети умирали... Мучались и умирали... И некому было посочувствовать. Каждый день из барачков вывозили маленькие трупы — обтянутые кожей скелеты.

Как-то раз во время очередных работ немцы решили «подшутить» над нами. Фашисты бросили неподалёку от толпы полуживых от голода детей большой кусок белого хлеба. Все, кто ещё был в силах бежать, бросились к нему. Тут же раздались выстрелы: один, второй, третий... А немцы только смеялись. Вот такие, Лёшка, были у них забавы.

Шутки эсэсовцев были одна страшней другой. Они могли объявить детям, что за ними приехали родители, а потом, когда те подходили к забору, спускали на них собак.

Тогда я думала, что наш барак — самое ужасное место. Как же тяжело, Лёшка, осознавать, что бывает что-то хуже.

Мне всегда было интересно, что происходит там — за стеной, у «левых».

Когда-то, работая на территории, мы увидели, как немцы заносили туда коробки с надписью «*Zucker*». Позже я узнала, что это сахар.

— Да, и всё-таки в левом бараке они живут по-особенному. Им даже сахар приносят! — сказала я сама себе.

Лёшка, как же я ошибалась... Потом стало известно, для чего давали этот сахар. На детях там, Лёшка, опыты медицинские ставили. У кого-то забирали кровь, чтобы лечить немецких солдат, кому-то вводили ядовитые вещества, а потом проверяли реакцию. Некоторых детей специально заражали вирусами, а были и те, кому делали операции. Так немецкие врачи отрабатывали мастерство хирургии. Так что сахар им носили не из хороших побуждений, а только лишь потому, что нужно было продлить им жизнь на несколько дней, чтобы взять больше крови или испытать на них что-то новое. Вот так, Лёшка, бывает...

В 1994 году лагерь освободили. Советские солдаты вывели всех, кто остался в живых. Из приюта нашего никого не было. Тогда-то и увидела своими глазами ужасы, происходившие в левом бараке...

Оттуда почти никто не вышел — тех, в ком ещё теплилась жизнь, из того барака наши солдаты выносили на руках. Это были изувеченные тела...

Мой взгляд остановился на мальчике, лежащем на носилках. Черты лица чем-то напоминали моего Ванюшку.

Ноги его были перевязаны свежими бинтами. Потом, уже через много лет, в какой-то газете я прочитала, что фашисты пробовали новый метод забора крови: они подвешивали детей за подмышки, сжимали им грудь, срезали кожу с пяток, а потом делали глубокие надрезы, чтобы кровь стекала быстрее. Если она начинала сворачиваться, то немецкие врачи вводили в детские тела какое-то вещество. После таких экспериментов в течение нескольких дней дети умирали. Тот мальчик тоже умер, прямо на моих глазах...

Мне, Лёшка, как видишь, повезло. Оказалось, мало кто вернулся оттуда живым!

А было мне всего пятнадцать лет...».

Лёшка поднял взгляд на капитана. Свердлов, нервно барабанив пальцами по столу, смотрел в одну точку и почти не моргал.

— Знаете, — начал мальчик, — прабабушка тогда сказала мне, что об этом нужно знать. А я долго не понимал, зачем нам, детям, живущим в мирное время, слушать эти страшные истории. Прабабушка всегда заставляла меня идти на парад 9 мая, а мне так хотелось поспать... Она всегда плакала в этот день, всегда... И только сейчас я начинаю всё это понимать... Мне ведь тоже всего двенадцать лет! Она умерла через два дня после этого нашего разговора...

Я сегодня, когда гулял, выронил телефон, случайно включилась эта запись. Они у меня его отобрали, начали смеяться, кричать, говорить, мол, не было никакой войны, что это всё придумали, чтобы нас запугать, чтобы было о чём поговорить, чтобы было время отдохнуть в начале мая. Больше всего я боялся, что они эту запись удалят, а для меня это самое дорогое, что осталось от бабушки — её воспоминания! Вот поэтому-то я и бросился с кулаками на них... Хорошо, что чехол не сняли...

— А что, он какой-то особенный?

Мальчик снял с телефона чехол и достал маленькую чёрно-белую фотографию пожилой женщины.

— Эта фотография мне очень дорога. Для меня это — символ стойкости! Если прабабушка смогла выжить в те страшные годы, смогла выстоять против врага, то почему я не могу защищать мир от таких бездушных людей? Мне иногда становится страшно, что они, мои друзья, не верят в то, что была война. У них было и ещё будет детство, у моей прабабушки его не было!

В кабинет вошёл майор Воронов. Он принёс Свердлову какие-то документы.

— О, Лебедев! Ты ещё здесь? — поинтересовался он. — Друзья твои уже мне всё рассказали, а ты вину признать не можешь?

Свердлов отвёл его в сторону и долго объяснял, что произошло с Лебедевым на этот раз. Воронов сказал:

— Да, это всё меняет... Получается, что он защищался!

— Я не себя защищал... — неожиданно вмешался в разговор Лёшка.

— А кого же? — с ухмылкой сказал Воронов.

— А я, товарищ майор, историю защищал! Родину! Но никак не себя...

ЛЕЙЛА ДАДАШЕВА

1 курс

Наставник: Сардарова Зарита Рагимовна,
преподаватель филологических дисциплин

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение Республики Дагестан
«Профессионально-педагогический колледж
имени М. М. Меджидова» г. Избербаша

Республика Дагестан

Три звезды

1

Мерный стук колес и какое-то радостное, рвущееся из груди чувство настраивали на долгожданную встречу. Сердце то умиленно успокаивалось, то начинало биться в унисон с шумом железнодорожного полотна, то вдруг сладкий аромат надежды начинал дурманить и клонить ко сну. Глядя в запотевшее стекло, Махмуд любовался красотой зимнего пейзажа, когда солнце ещё не вошло в свои права, а только начало выползать ласковыми щупальцами и бросать лиловые тени на безбрежные заснеженные степи Приволжья.

Здесь, именно здесь восемьдесят лет назад шли ожесточённые, кровопролитные бои. Здесь наши бойцы, уставшие и не желающие более отступать, отдавать фашистам родную землю, наконец остановили врага, поверившего в своё превосходство и безнаказанность. Трудно подумать, что когда-то здесь люди с поразительной яростью «уничтожали» друг друга. Столько жизней, разных судеб, любимых и любящих сердец было стёрто с лица земли. Где-то здесь его дедушка Салават, будучи совсем ребёнком, попал в плен...

Мысли Махмуда прервал телефонный звонок:

— Доброе утро, Махмуд. Мы встретим Вас на вокзале. Как выйдете из вагона, дайте нам знать.

Выпускник юридического колледжа Керимов Махмуд первый раз приехал в Москву. Уже какой год он планировал эту поездку, но никто не поддержал его идею, считая её бредовой и никому не нужной. Но он дал слово и сделал всё, чтобы его сдержать.

На Павелецком вокзале, как всегда, было многолюдно, но Махмуд сразу нашел взглядом молодых людей, которые пришли его встретить. Высокий

курчавый юноша и очень приятная синеглазая брюнетка улыбались, глядя на него. Махмуд видел их впервые, хотя уже несколько лет они переписывались, говорили по телефону, общались по видеосвязи. Найти друг друга им помогли интернет и страстное желание, горевшее в каждом из них.

Горячее рукопожатие само по себе перешло в дружеские объятия. Необъяснимое чувство душевной близости охватило молодых людей. Им сейчас представилась картина многолетней давности: трое мальчишек, грязные, оборванные, потрёпанные войной, стоят, улыбаясь и смело глядя вперёд.

Именно такая картина много лет висела над кроватью Махмуда и терзала его мальчишеские чувства. Дедушка Махмуда, Салават-буба, как его все называли, написал эту картину и внизу подписал: «Макар, Насим и Салават». Много раз внук интересовался, кто же изображен на картине, но дед только отделивался отговорками, потом уходил в сад, садился на большой камень и подолгу курил.

Но однажды, когда Махмуд, сдав выпускные экзамены в школе, готовился поехать в город на учебу, Салават-буба позвал внука в сад, где они сели в беседке, и за чашкой чая дедушка завёл разговор со своим уже повзрослевшим внуком.

— Махмуд, сынок, скоро ты уедешь учиться. Я очень стар, и никто не ведаёт, увидимся мы ещё или нет, всё в руках Всевышнего. Но я хочу, чтобы ты знал, ведь тебя всегда это интересовало: картина над твоей кроватью мне очень дорога, поэтому я и поместил её в твоей комнате, а остальные все, как ты знаешь, я передал в наш районный музей. Эта картина — моя память о трудном детстве, о моих друзьях, с которыми мне пришлось выживать и делить самые тяжелые дни. Я не знаю, как сложилась их жизнь после войны, нас раскидала судьба. Но я хочу, чтобы ты знал: им я обязан жизнью. Помню только, откуда они, их имена и фамилии: Насим Давидович из Баку, Макар Ерёменко из Горловки. Я хочу, чтобы и после меня кто-нибудь помнил о них.

— Салават-буба, почему ты мне не рассказывал об этом раньше? Я же сколько раз просил тебя об этом.

— А что толку, сынок? Мне нелегко было вспоминать об этом. Когда я ничего не помнил после контузии, было легче жить, а как вернулась память, я стал писать картины — в этом себе отдушину нашёл. Кому нужны были мои воспоминания, и так людям тяжёло жилось: столько горя в каждой семье, столько погибших... А я, хоть и контуженный, но живой вернулся.

И дедушка Салават рассказал внуку о том, о чем никто ещё не слышал.

2

Мы с отцом в то время были на нефтяных промыслах недалеко от Баку, куда отправлялись на заработки мужчины многих сёл Дагестана. О том, что немцы напали на нашу страну и наступают по всему фронту, мы слышали по радио. Отец отправил меня поездом домой, а сам остался работать на оборонительных сооружениях, потому что врагам нужна была наша нефть и они пытались прорваться к ней любой ценой.

Когда я приехал на вокзал, поезд Баку — Ростов готовился к отправке. Пассажиры, с узлами и чемоданами, с плачущими детьми, искали свои вагоны, прощались, плакали, обещали найти друг друга после войны.

По наказу отца я должен был сойти с поезда в Дербенте, а потом добраться до дома попутками. Утром я полагал уже быть на месте. Но случайное знакомство заставило меня принять другое решение и впервые в жизни послушаться родителя.

Моим знакомым был Насим из Баку, мой сверстник, который, по его словам, бежал из дома, чтобы отправиться на фронт, где уже воюют его отец и старший брат. Всю ночь мы тихо беседовали, не сомкнув глаз. Теперь я и Насим горели одним страстным желанием: взять оружие в руки и встать в один ряд с защитниками нашей Родины. И ничто не могло нас остановить. Нам нужно было незаметно пересесть на поезд в другом направлении. Сойдя из пассажирского вагона (под покровом ночи это несложно было сделать), мы забрались на платформу цистерны, видимо, с топливом, кое-как уселись и, когда эшелон покатился по рельсам, нашей радости не было предела. Поезд мчал нас в сторону линии фронта. В неизвестность. Мы громко разговаривали, смеялись, не думая о голоде, неудобствах, об опасности дальней и незнакомой дороги. Мы представляли, как нам выдадут оружие, научат им пользоваться, как мы станем бойцами. Главное, не нужно будет скрываться и прятаться ни от кого. Я даже придумал текст письма, которое отправлю домой, и, прочитав которое, мать сначала поплачет, а потом будет гордиться своим сыном. Так, представляя каждый свой родной дом, мечтая о скорой победе, мы незаметно уснули.

Проснуться нас заставил страшный рёв немецких самолетов, которые один за другим, разворачиваясь в ночном небе, возвращались и сбрасывали на наш поезд бомбы. В один миг всё слилось: взрывы, пожар, грохот, крики горящих людей, которые в панике прыгали из вагонов и бежали в разные стороны. Нам тоже надо было прыгать на ходу: в любой момент бомба могла попасть в цистерну с топливом, на подножке которой мы устроились. Мы с Насимом еле успели добежать до деревьев, как раздался страшный взрыв. Помню только, что всё кругом, даже ночное небо, на какое-то мгновение стало, подобно солнцу, желто-красным. Потом в глазах потемнело...

Не знаю, сколько времени прошло, но ни самолётов, ни взрывов, ни пожара уже не было. Поезд сошел с рельсов и лежал на боку. По обочинам местами догорали, тлели обломки, дым и копоть стояли столбом. Я ничего не слышал, руки и ноги, словно ватные, не слушались. Только приложив усилия, мне удалось сесть. Я оглянулся, пытаюсь найти Насима. Оказалось, нас взрывной волной отбросило в разные стороны. Я не смог подняться на ноги и пополз в ту сторону, где, засыпанный снегом и землёй, лежал без движения мой друг.

Грязные, мокрые, оборванные, мы выбрались из леса, дошли до незнакомого города и постучались в окно крайнего дома. Дверь заскрипела, и на пороге показался одетый в овечью телогрейку седобородый дед. С надеждой стояли мы перед ним, вдыхая тёплый вкусный запах домашней еды и надеясь на помощь, но хозяин хлопнул перед нами дверью со словами:

— Проваливайте, хлопцы...

В недоумении переглянулись мы с другом и пошли дальше. Вдруг нам послышалась непонятная лающая речь, прерываемая громким лаем собак. Это были немцы, которые пошли по нашему следу на снегу. Недолго думая, они спустились на нас остервеневших овчарок.

Закрыв лица и съёжившись, мы валялись по грязному снегу, кричали, звали на помощь, но в ответ слышали дикий смех фашистов, которые хладнокровно смотрели и получали дикое наслаждение. Это было началом наших мучений.

Потом от пленных в бараке, куда нас приволокли и бросили на цементный пол, мы узнали, что оказались на Украине, в городе Горловке, и теперь будем работать на шахте, или нас отправят в Германию. Немцы с пленными не церемонились, а пуще них над нами измывались полицаи. Хуже фашистов были они. И как же надо было ненавидеть своих... Да какие они свои? Предатели... Иуды... Евреев, своих соседей, они сдавали, не задумываясь, лишь бы выслужаться перед фрицами. Не жалели ни детей, ни стариков, ни женщин. Даже вызывались сами расстреливать их.

Работать на шахте нас заставляли с рассвета до заката. Кормили как свиней: отходами, мороженой картошкой. Ночью мы шёпотом переговаривались: кто, как зовут, откуда, как попал в плен. Пытались поддержать словом, шуткой, согревались, прижавшись друг к другу. Каждое утро из барака выносили еще теплые тела тех, кто не дожил до утра или не доживет до завтрашнего, и бросали на снег. Жестокости этих нелюдей не было предела. Того, кто пытался возмущаться, забивали до полусмерти.

Однажды, когда после тяжёлой работы мы вышли из шахты и присели отдохнуть, я услышал тихий свист и понял, что кто-то пытается нас позвать. Мы с Насимом одновременно обернулись и увидели рыжего мальчишку примерно наших лет. Он бросил нам небольшой свёрток. Убедившись, что за нами никто не наблюдает, я потянулся за ним. В свёртке были хлеб и записка: «Ночью приду за вами».

Когда в бараке стихло, мы выглянули в мутное окно, где промелькнула тень. Пытаясь никого не разбудить, потому что среди пленных было немало доносчиков, мы с Насимом пролезли в окно и ползком добрались до колючей проволоки, натянутой вокруг бараков. К счастью, охранников не оказалось на месте, и мы беспрепятственно поползли к оврагу, где ждал наш незнакомый спаситель.

Сердце готово было вырваться от счастья: оборванные, измученные войной, голодом, горем, мы никак не могли поверить, что смогли уйти от немецких палачей и их приспешников, что мы уже на свободе. Но рано было радоваться. Нужно было не мешкая бежать, пока в лагере не спохватились. Молча мы долго бежали за мальчиком-спасителем, пока не выдохлись. Только когда отдышались, мы разговорились. Оказалось, что из плена нам помог бежать внук полица, того самого седобородого старика, который не впустил нас в дом и послал по нашему следу немцев. А внук его, Макар, узнал, что всех пленных собираются на днях загнать в вагоны и отправить в Германию, потому что наши войска

перешли в наступление. Вот он и решил бежать вместе с нами от ненавистного деда-предателя, который избивал внука за неповиновение и попытки уйти на фронт, где был его отец.

Скоро до нас донеслись пронзительные звуки сирены и лай собак. Это в лагере спохватились и бросились нас искать. Наш новый друг хорошо ориентировался в лесу — он без труда нашел еле заметную тропинку, и мы стали углубляться в лес.

— Об этой тропинке никто не знает. Я по ней уводил людей к партизанам, за что меня фрицы и дед пытали. Вот, смотрите, — и он оголил спину, на которой остались следы утюга и плети. — Но я не сказал им, где партизаны! Вот им! — сказал Макар и сопроводил это не очень приличным жестом.

Незаметно перед нами, словно из-под земли, появились двое, они привели нас в партизанский отряд, где отмыли, накормили, окружили теплом и заботой. Здесь мы познали мудрости партизанской жизни. Здесь мы повзрослели, закалились. Однажды командир партизанского отряда вызвал нас троих:

— Юные мои друзья-партизаны, решили мы вас отправить на учёбу. Фронту нужны артиллеристы. Как выучитесь — мы вас ждём. А это вам, — он протянул нам три остроконечные красные звёздочки. — Вы их заслужили.

После учёбы раскидало нас, младших лейтенантов, по разным фронтам. Прощаться было тяжело. Мы обменялись звёздочками с нацарапанными нашими именами и обещали после войны встретиться на этом же вокзале... Но, к сожалению, так и не встретились. У меня память отшибло из-за контузии. А что с моими друзьями стало — я так и не узнал.

Салават-буба тяжело вздохнул, закурил и больше на эту тему ни с кем до самой смерти не говорил.

3

Мечта Махмуда сбылась: он выполнил то, что обещал своему дедушке. Он нашёл, пусть не боевых друзей Салавата Керимова, а их внуков, которым дорого то, что связано с именами их дедов. Целую неделю они провели вместе: говорили о своих любимых дедушках, рассказывали о них и их воспоминаниях, листали альбомы с фотографиями, делились впечатлениями.

— Как стало легко на душе, — признались они друг другу. — Мы не имеем права забывать то, что пришлось пережить детям военных лет.

Три молодых человека — Махмуд из Дагестана, Даниял, приехавший на эту встречу из Израиля, и Наталья из Горловки — прощались на вокзале, и у каждого в ладони была красная звёздочка с именем дедушки. Они сейчас хорошо понимали, какой ценой досталась мирная жизнь. Война отняла детство у их дедов, лишила здоровья, любви, возможности наслаждаться заботой родителей. Но они не могли понять: что заставляет людей сейчас воевать, неужели нет такой силы, которая остановит войну...

ПРИЗЁРЫ
1 КАТЕГОРИИ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

ВИКТОРИЯ КЛЮЕВА

6 класс

Наставник: Мохова Марина Петровна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Школа № 154» г. Нижнего Новгорода
Нижегородская область

Лучший фильм о войне

Что знает летящая птица,
Погибшего детства пути,
Им выпало в пекле родиться,
И в этой золе прорасти.

Наталья Шахназарова

Спотыкаться и падать — всегда больно... Это боль физическая. Но бывает так, что словно споткнёшься душой и упадёшь: дыхание перехватывает и замираешь на вдохе. Именно такие переживания я впервые испытала после просмотра фильма «Подранки». Тяжело было так, что перехватывало дыхание... Но хотелось пересматривать кинокартину и испытывать снова и снова те сильные эмоции, будто сбившие меня с ног! Автобиографический фильм Николая Губенко «Подранки» обострил моё чувство восприятия мира, оголив нервные окончания на всю жизнь!

...В начале года на канале «Культура» я встретила взглядом с мальчиком моего возраста. Так дети не смотрят... Я не могла отвести глаза. Алексей Бартенев — маленький житель детского дома, потерявший в начале войны отца и мать. Казалось, что этот серьёзный мальчишка затмевает известных актёров, столь блистательно сыгравших в фильме, заполняет своими эмоциями весь экран моего телевизора.

Признаюсь, мне трудно давалось сначала понимание многих сцен. Но я старалась: вслушивалась в речь героев, старалась уловить смысл в расставленных режиссёром акцентах, разгадывала символику лучей солнечного света и пугающих теней. Вглядывалась в шероховатость лиц актёров, надрывно эмоциональные глаза детей. И, как пазл, передо мной начинала

складываться картинка фильма о войне, точнее, о маленьких человеческих душах, переживших трагедию... Сколько детскости и жёсткости, трогательности — и ощущение взрослого горя в лицах детей-сирот!

Некоторые эпизоды каждый раз действуют на меня, как потрясение. Это сцена гибели детдомовца, бывшего узника концлагеря, Вальки Ганьдина, попытавшегося взорвать пленных немцев. Я готова была зажмуриться, чтобы ничего не видеть... Но видела! Даже с закрытыми глазами. И винила себя в невозможности остановить и спасти мальчика. Как мне хотелось заглянуть в Валькино сочинение о подвиге отца в Великой Отечественной войне! И я фантазировала... Глядела в его глаза, полные боли, и была уверена, что так почувствовать и передать трагедию может только девчонка!.. А потом случайно узнала, что Вальку в фильме играла именно девочка из детдома, Зоя Евсеева, со своим потаённым горем в глазах...

Пересматривая фильм недавно, я вдруг до боли остро ощутила жалость к учителю, которого сыграл сам режиссёр, Николай Губенко, так как актёры, его друзья, отказались от этой роли. Сначала я возмущалась его отношением к детям! Бесчувственный Криворучко! А позже поняла, что он сломлен войной. Очень напряжённая сцена: учитель ударил ученика, после чего вышел в коридор и заплакал... Как меня злил раньше этот непонятный эпизод: персонаж осознал свою неправоту или просто жалеет себя? Не понимала... А Алексей Бартенев пожалел учителя. Он был младше меня, а всё понял. И простил... Великодушие ребёнка той военной поры! Он чувствует чужую боль... Эти качества сделали его личностью! Став взрослым, герой снова и снова возвращается в детство, когда надо сделать правильный выбор. Оно стало эталоном оценки взрослых поступков.

Сторожа детского дома сыграл Евгений Евстигнеев. Именно эта роль открыла для меня великого артиста. В фильме он задаёт пронзительный вопрос учителю, ударившему ученика: «Скажите, а Вас когда-нибудь били?» Не могу сдержать слёз. Нельзя унижать этих мальчишек! Нельзя, имея власть и силу, ставить себя выше этих маленьких подранков.

«Подранки»... Для меня было открытием, что так называют раненых птиц. Мои первые ассоциации связаны с понятием «рана». Раны на теле человека. Ранки в душе ребёнка. Маленькие, незаметные. Не видя название фильма, я предполагала, что пишется оно в два слова (под ранки), и ощущала детскую боль. Чувствовала, как в «ранки» войны попадают частицы одиночества, страдания, непонимания, а порой и жестокости взрослых. Хотелось закрыть эти раны. И каждый раз я радовалась, что «ранки» медленно, оставляя рубцы, но затягиваются. Алёша Бертенев трогательно влюблён в Аллу Константиновну, учительницу биологии. Значит, жива душа! Война её не убила!..

Именно с этим фильмом, с его военной тематикой вошли в мою жизнь музыкальные произведения Антонио Вивальди, Арканджело Корелли и Алессандро Марчелло. Сначала — удивление: почему от этой музыки исходит спокойствие, умиротворение? Ведь нужен надрыв, напряжение. И я поня-

ла, что именно гармонии с миром не хватало героям фильма, мальчишкам и учителям, которые пережили войну. Музыка возрождала их души. Фильм заканчивается, а мелодия продолжает звучать в моей голове, в моей душе. Она способна сделать всех великодушнее и милосерднее — ведь именно этого не хватает нашему времени, этого не хватает мне.

И ещё одно открытие. Это строчки стихотворения Геннадия Шпаликова, сына погибшего фронтовика, друга режиссёра. В конце фильма незримый персонаж даёт нам мудрый совет: «Никогда не возвращайся в прежние места...» Как проникновенно звучат поэтические строки:

*«А не то рвану по следу —
Кто меня вернет? —
И на валенках уеду
В сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю,
Там, где — боже мой! —
Будет мама молодая
И отец живой.*

Здесь и ностальгия по детству, и желание изменить мир, вернуть в него родителей. Автор стихов, как и главный герой, даёт совет не возвращаться в прошлое, чтобы не беречь раны, которые так тяжело затягивались ...

«Подранки» — фильм о детях войны. Он меня заворожил и не отпускает. Это пронзительное, разрывающее душу, горькое и нежное, исповедальное, честное кино. «Подранки» — моё открытие. Это лучший фильм о войне!

АНАСТАСИЯ КАСЕНКОВА

7 класс

Наставник: Соболева Татьяна Павловна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Паньковская основная
общеобразовательная школа»

Орловского муниципального округа
Орловской области

Орловская область

А яблоня живёт...

Шероховатая поверхность ствола приятно щекотала руку Александра Сергеевича, любовно гладившего старую яблоню. Всё реже и реже приезжал он на свидания к ней: дела, заботы, работа крепко держали его в городе. Но уж если выдавалось несколько свободных дней, то никакая сила не могла заставить его отказаться от поездки сюда. Александр Сергеевич никогда не приезжал сюда на автомобиле, только на автобусе. В этом была своя магия. К дому он шёл той же узкой тропинкой, которой ходил, будучи ещё молоденьким студентом, по этой же тропке когда-то ходила баб Валя, всегда приносившая из города невероятно пахучие пирожки. По этой же тропинке уходил тогда его отец. И по ней же ещё долго бегал босоногий Санька в июне 1945 года, вопреки всему надеясь встретить возвращающегося домой папку.

И теперь, каждый раз проходя по этой тропке, Александр Сергеевич мысленно кивал и кланялся каждому кустику, состарившемуся вместе с ним, каждой раките, которая, кряхтя и поскрипывая, склонилась к земле, будто от вековой усталости.

Но всего дороже была для Александра Сергеевича эта яблоня. От прежнего дома, в котором он вырос, не осталось и следа: сгорел в ту суровую зиму 1943 года, когда немцы зверствовали в деревне. И людей, видевших это всё, осталось очень мало: старики потихоньку уходили из жизни, кого-то дети забирали в город, чтобы легче было присматривать. А вот эта яблоня помнит всё. Потому так ласково щекочат руку её жёсткие листья, так заботливо подсовывает она для угощения своё красное с приятной кислинкой яблочко.

Рука Александра Сергеевича продолжала нежно гладить шершавый ствол его давней подруги. Вот... вот он, тот изгиб, та рана, нанесённая немцем

несколько десятилетий назад. «Выдержали мы с тобой... сдюжили... поранились, но не сломались. Живём дальше, других радуем».

Мысли Александра Сергеевича побежали по привычному кругу. И вот он уже чувствует, что не по шершавому стволу яблони скользит его рука, а по отполированному мозолистыми отцовскими руками черенку старенькой лопаты:

— ...И дерево посадить, — доносится до Александра Сергеевича насмешливый голос отца. — Эх, Санёк, не с того ты мужиком становишься. Опять всё перепутал, — в прищуренных отцовских глазах искрятся смешинки, им там тесно, они так и норовят перерасти в добродушный смех.

— Надо ж для начала сына вырастить, дом построить...

Санька с удовольствием опёрся на ручку лопаты и смотрел на отца, сидящего на старом пне и подставляющего свои широкие плечи под ласковые лучи майского солнца.

Таким он и остался в памяти сына: сильным, молодым, с лукавой улыбкой в уголках обветренных губ.

Вместе они посадили маленькую яблоню. Санька сам выбирал для неё место: поближе к дому, чтоб, когда вырастет, тень давала, а он бы протягивал руку в открытое окно да рвал наливные яблочки.

Только не сложилось, не успели... Нет того окна, из которого мог бы Санька руку протянуть...

В ту весну Санька почти каждый день подходил к яблоне. Уж очень ему хотелось, чтобы она росла побыстрее. Но она пока была тоненькой и гибкой. Только несколько веточек успело вырасти на ней, а цветов и того меньше, лишь три цветочка насчитал Санька. «Ну, ничего, — по-хозяйски размышлял парнишка, — три цветка — это три яблока, попробуем с батькой, узнаем, что за вкус, а там, если надо, привьём...»

А потом наступил июнь 1941 года. Санька охотно помогал отцу по хозяйству, ездил с ним в поля. Вот там-то, в просторном поле, среди одурманивающего запаха разнотравья и непрерывного стрекотанья неутомимых кузнечиков, и застала их страшная весть. Ещё издали увидели они соседского Генку. Тот мчался верхом на лошади, неумело подпрыгивая всем телом и едва удерживаясь за гриву. Это удивило Саньку: Генка был ещё мал, ему не разрешали ездить верхом, а тут... Ох, нехорошо это... Всё и впрямь оказалось нехорошо. Страшную, дурную весть привёз Генка. Война...

И всё завертелось в каком-то безумном вихре. Вот все собрались около клуба: кто-то стоит неподвижно, бабы ревут, председатель взобрался на деревянный ящик и хриплым голосом что-то оттуда кричит...

Вот мать судорожно бежит по дому, хватается то за одно, то за другое, а сама украдкой то и дело вытирает передником непрерывно льющиеся слёзы.

Вот отец с вещмешком уходит по той самой тропинке вместе с другими деревенскими мужиками. Молчит, исчезли из прищуренных глаз смешинки, с твердо поджатых губ будто стёрли привычную улыбку. Молчит отец и крепко сжимает руку сына в своей. Не держать ему больше лопаты, не опираться

на соху... А Санька хмуро шагает рядом. Вот бы так идти вечно. Только бы отец не отпустил руку.

— Ну всё... иди, — голос отца прозвучал хрипло, слышалось в нём что-то, чего сын тогда понять не смог, понял только спустя годы. Это была тревога, мёртвой хваткой сдавливающая горло. Тревога не за себя, а за них: за сына-подростка, Саньку, за жену, за баб Валю.

— Санька, ты матери помогай... береги... — отец судорожно и крепко обнял сына. Саньке даже стало больно, но приятно: раз больно — значит, вот он, отец, рядом. А когда отпустил, тогда и стало плохо. Хотелось кричать, когда смотрел на удаляющиеся спины деревенских мужиков. Вон отец идет твёрдой походкой, по старой привычке сильно размахивая правой рукой; вон дядь Ваня семенит мелкими шагами, то и дело нервно поправляя сползающий на глаза картуз; а вон Митрич, прихрамывая, старается не отстать от товарищей. В ту минуту Санька ещё не знал, а теперь Александр Сергеевич знает, что он уже никогда не увидит этих людей. Дядь Ваня погибнет, даже не добравшись до фронта: их состав разбомбит фашистский истребитель. Митрича возьмут в плен, больше о нём никто ничего не услышит. А отец... Эх, отец...

Трудно вспоминать то лето, ещё труднее — зиму, и совсем невыносимо — весну 1942 года. Именно тогда, в уже почти тёплый апрельский день, крадучись и пряча глаза, нервно теребя ремешок сумки, подошла к дому тётя Галя, деревенская почтальонка. Она стояла перед крыльцом, не решаясь войти. И Санька, и мать уже знали: это плохо. Уж перед сколькими домами она так стояла, уж сколько горьких вестей принесла овдовевшим жёнам и осиротевшим детям. И в этот раз вместе с нею пришло в их дом страшное известие. И сейчас, вспоминая тот день, Александр Сергеевич вздрагивал: от безумного крика матери, от свинцового холода, разлившегося по всему телу. «Погиб смертью героя...» И это не о ком-то, а о его отце, его папке...

А потом пришли немцы. Страшные, злые. Никогда, даже став взрослым и повидавшим виды мужчиной, Санька не забудет того ужаса. Все ходили по своей деревне крадучись, словно это они, а не немцы, были здесь чужими. Санька знал, что немцы могли прийти в любой дом и забрать все съестные припасы, кур, визжащих поросят. А потом будут сидеть в доме у полицая Михаила, пить шнапс, петь на своём страшном, будто лязгающем языке уродливые песни.

Добрались немцы и до них с матерью. Пришли три рослых фашиста с засученными рукавами, с автоматами за плечами. Мать в это время была в доме, а Санька около яблони кормил кур. Один солдат зашёл в дом. У Саньки остановилось сердце: как же мать? Двое других, весело цокая языками, о чём-то переговаривались и всё посматривали на кур, деловито подбирающих крошки. Один немец направился к Саньке. Парнишка понял: тому нужны куры. Но немцу было неудобно ловить кудахчущую птицу, мешал бряцающий автомат. Поискав глазами, куда бы его деть, он не нашёл ничего лучше, как

со всего маху бросить его на ту самую яблоню: пусть, мол, повисит, а сам, присев и растопырив длинные руки, принялся ловить кур. Беззащитный ствол яблони согнулся и чуть надломился: трудно было деревцу удерживать стальное оружие. Трудно было и Саньке сдержаться: это дерево сажал его отец...

По сей день Александр Сергеевич удивляется, как он, будучи хрупким мальчиком, не побоялся броситься на фашиста с диким, звериным криком. Очнулся он уже позже. Увидел на фоне неба склонённое к нему лицо плачущей матери. Во рту ощущался железный привкус крови. Так и остался у него на всю жизнь шрам над верхней губой как напоминание о тех годах. Не пожалел храбрый вояка мальчонку, не дрогнула рука, ударил со всей силы. Поймал курицу и, не оглядываясь, жив ли паренёк, грубо схватил автомат с яблони, и направились фашисты пировать. А на земле лежал ребёнок, из разбитой губы которого сочилась на чёрную землю алая кровь, сочилась и впитывалась в ту самую землю, за которую погиб его отец. С яблони, словно слёзы, падали оторванные небрежной и жестокой рукой немца листья.

— Выжили мы с тобой... сдюжили, — едва шевеля губами, повторяет Александр Сергеевич, приходя в себя от горьких воспоминаний и поглаживая тот самый надлом на стволе яблони.

Наверное, нет уж на свете того немца, заржавел его автомат. А яблоня живёт, каждую весну покрываясь белой кипенью цветов и по осени угощая соседских ребятишек красными с приятной кислинкой яблоками. Живёт и Александр Сергеевич, тот самый Санька, храня в сердце память и об отце, и о тех деревенских мужиках, на удаляющиеся спины которых он так долго смотрел летом 1941 года...

ПОЛИНА ФЕДОТЕНКОВА

7 класс

Наставник: Селиванова Татьяна Алексеевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя школа № 4»
муниципального образования
г. Десногорска Смоленской области
Смоленская область

Надежда...

Новые рощи встают, хороши,
День прибывает...
Раны земли заживают.
Души — не заживают.

Семён Ботвинник

Жарким выдалось лето 1941 года в далёком приволжском селе с дивным названием Встреча. На рассвете женщины и старики уходили в заливные луга и косили духмяные волжские травы, в полдень сушили сено и ближе к вечеру сгребали его и складывали в копны. Матери брали с собою деток. Хоть и закончилась война, но большой радости не было. Все жили в тягостном ожидании: вернутся ли отцы, мужья, сыновья, дочери с фронта.

Надежда... Она жила в каждом материнском, отцовском, детском сердце...

Пьянит аромат свежего сена. Зной такой, что испарина идёт от земли. Детям же жара не помеха. Фросин сынок Саша достал из кармана рубашки кругленькое зеркальце и ну давай пускать солнечные зайчики. Солнечный зайчик пробегает по щекам Вали, светится в глазах Полинки, прыгает по веснушчатому носику Андрюши, золотистым пятнышком скользит по юбочке Поли. Смеются дети, колокольчиком звенят на лугу их голоса. И только одна девочка в ситцевом сарафанчике не шелохнётся. Чтобы развеселить её, Сашок светит зеркальцем прямо в её серые глаза. Солнечный зайчик пробегает по сарафанчику, прыгает на худенькое плечико, скользит по лицу и вот уже прячется за тоненькие косички. У всех детишек за лето выгорели на солнце волосы. Но у этой девочки... Волосы у неё словно снег. Неужто так солнышко потрудилось? Не замечали раньше ребятиш-

ки этой ослепительной белизны. Да и платочек Надюша впервые сняла с головы... Жара стомила.

– А Надька-то седая. Седая, как наша бабушка Дарья, – раздался бойкий голосок Пети.

– И точно... – протяжно подтвердил Вася. – Ты, Надя, как тот одуванчик. Помнишь стишок?

*Одуванчик золотой
Постарел и стал седой,
А как только поседел,
Вместе с ветром улетел.*

И вдруг детишки затихли. Не звенят, не рассыпаются колокольчиками их веселые голоса.

А Наденька седая...

Лютым, морозным выдался январь 1942 года. Шла Великая Отечественная война. Где-то в стороне от смоленской деревни Тимошино гроыхали снаряды, а небо по ночам светилось от зарева пожаров. По большой дороге шли танки, их гул не утихал.

Местные жители поговаривали, что неделю назад фашисты сожгли соседнее село Чернички, а жителей расстреляли. А тимошинцев Бог пока ещё миловал.

Через два дня фашисты ворвались в Тимошино. Хотя деревню и окружали болота, но враги нашли дорогу. Заполыхали в огне амбары, сараи, избы. Заголосили женщины. Выла вьюга, но женские плачи были надрывнее. Дети держались за материнские юбки. Боялись разлуки.

— Партизаны, партизаны... — кричали фашисты, тыча стволами винтовок в грудь деда Кузьмы, его шестнадцатилетнего внука Михаила, в тихую, скромную учительницу Асю. А русоволосая дочка Надюша цеплялась за подол материнской юбки, чуть всхлипывая, размазывая кулачками слёзы, и никак не хотела отпускать маму, как ни упрашивала её Ася. На глазах у Наденьки расстреляли её любимую мамочку. Семилетняя девочка посела от горя за одну ночь. И перестала разговаривать. Она только крепко прижимала к груди плюшевого медведя, подаренного ей ещё до войны отцом. А по лицу горошинами скатывались слезинки.

Всю ночь лютовали фашисты. Расстреляли десять жителей Тимошина, а остальных угнали в Германию. Даже собаки помешали им. На пепелище осталась Наденька, прижимавшая к груди медвежонка, и испачканная в золе кошечка Ириска. Сиротиночка-девочка и мяукающий пушистый комочек. Две жизни. Два слабеньких росточка.

Через пять дней советский солдат Пётр Сидорович Иванов доставил Надюшу с кошечкой и медвежонком в детский дом. Девочка не умела говорить. В её карточке воспитатели написали: «Фамилия и имя неизвестны. Родина – Смоленщина. Село Тимошино. Девочка с седыми волосами».

Спустя месяц смоленских детишек отправили в эвакуацию на восток. Так и оказалась Надюша в приволжском селе Встреча. Сердобольные, жалостливые были матери в этом татарском селе. Не позволили смоленским детишкам жить в детском доме. Каждая взяла на воспитание либо сыночка, либо дочку. А некоторые, потерявшие на фронте своих детей, приютили две сиротинушки.

И Надюшу приласкала тётя Женья.

Девочка только через год произнесла первое слово. И было это слово «Мама»!

А потом и имя своё назвала: «Надя. Надежда». Евгения Матвеевна всей душой полюбила Надюшу. Своих-то сыновей не довелось встретить с фронта. Погибли братья-близнецы на Курской дуге, сгорели заживо в танке. Остались только довоенные фотокарточки в рамке на стене. Вечером мама Женья рассказывала Надюше, какие были у неё сыновья. Богатыри... мечтали о лётной школе, но попали в танкисты. На войне не выбирают. Забрал Господь сынов у матери. В раю они теперь, потому как защитники Отечества. За правое дело воевали.

Надюша вдохнула жизнь в осиротевшее сердце матери, подала ей надежду жить дальше. А мама Женья спасла девочку с седыми волосами от одиночества. Вот так и стали неразлучны мужественная женщина и хрупкая девочка-тростиночка.

Прошли годы. Надюша выросла, выучилась, стала учительницей. Свои седые волосы никогда не красила. Наоборот, они стали её украшением.

Каждый год накануне Дня Победы Надежда Ивановна проводила в школе Уроки Мужества. Звучали стихи:

*В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.
А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.*

И однажды как бы невзначай учительница спросила у ребят:

- Дети, а какого цвета счастье?
- Белого, ослепительно белого, как крылья ангелов.
- И голубого, как цвет мирного неба...
- И золотого, как лучи тёплого солнца...
- Многоцветное оно, счастье, как радуга.
- А какого же тогда цвета горе?
- Чёрного, как уголь, и седого, как пепел.
- Красного, багрового, как пожар.
- И ослепительно белого, как седина на висках.

— Да, цвет горя может быть ослепительно белым, — произнесла учительница и поправила седые пряди в причёске. В классе стало тихо-тихо. В одно мгновение память пролистала страницы её судьбы.

Январь 1942 года... На пепелище родного дома плачет худенькая девочка с белыми волосами. Пушистая кошечка согревает её озябшие ручонки, слизывает слёзы на щеках. А кругом простираются белые снега, присыпанные седым пеплом. Такого оно цвета, человеческое горе-страдание. Не дай бог ему повториться. Не дай бог...

КИРИЛЛ ЗВОНКО

6 класс

Наставник: Авраменко Елена Геннадьевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное казенное
общеобразовательное учреждение
Палехская средняя школа

Ивановская область

Дедова память

Вот это новость! Родители решили отдохнуть от меня, отправив в деревню к деду. Что я там буду делать? Без друзей, без цивилизации, наконец! Но мама с папой были непреклонны. «Погостишь у деда Ивана, сходите на рыбалку. К нему должен приехать то ли друг, то ли родственник, тоже заядлый рыбак. Познакомишься. Свежий воздух — это то, что тебе необходимо», — сказали родители.

И вот я в деревне. Обстановочка так себе. Дом из брёвен, вода в колодце, еда в печи, удобства во дворе. Адаптировался. Первый уровень пройден. Дальше — рыбалка.

Вечер. Сидим с дедом за столом, пьём чай из трав. Разговора не получается. От нечего делать я начал рассматривать комнату. И тут увидел рядом с иконами засушенный пучок травы. Это была лебеда. Сорная трава. По ботанике у меня «отлично» да и с логикой неплохо, и поэтому я спросил деда:

— Зачем рядом с иконами лебеда? Это же сорняк!

Дед ответил:

— Ты правда хочешь узнать или так спросил? Если интересно, то расскажу, только не перебивай меня. Давно это было, но помню как сейчас. Помню, как ходили с батей на рыбалку. Бывало, рано утром подойдёт ко мне, шепнет тихо:

— Ну что, Иваха, пойдёшь со мной на озеро?

А мама отвечает:

— Да пожалей ты малого! Спи, Ванютка!

Какое тут! Я мигом — и одет!..

А *то* утро запомнил на всю жизнь. Только вышли с батей из избы, как вбегает сосед и кричит: «Война! Война! Германия напала на нас!»

Вскоре батю забрали на фронт. Мамке приходилось трудно. Как и всем. Но надо было выживать! И мы помогали взрослым, как могли: пололи, молотили овёс, пасли скот. Собирали грибы, ягоды, щавель. Мамка пекла лепёшки из лебеды и муки. Тяжело, внучек, вспоминать.

Дед замолчал, склоняя голову всё ниже. Я терпеливо ждал.

— А потом... в соседнюю деревню привезли детей... из блокадного Ленинграда. Мы бегали на них посмотреть. Какие они были страшенькие! Худые! Еле держались на ногах. Жители разбирали детей по домам. Мама привела парнишку, Петьку. Первым делом намыла его в корыте и уложила на печку. Нам сказали, чтобы еды мальчику пока много не давали. Петька всё время молчал, только ночью иногда вскрикивал. Я не понимал почему. А мама подходила к Петьке, брала его за руку и легонько гладила, успокаивала.

Петька немного окреп, стал с нами разговаривать. Мы узнали, что дом, в котором жила семья мальчика, был разрушен. Пришла зима, в Ленинграде началась страшный голод. Все родные у Петьки умерли, осталась только бабушка. Вскоре умерла и она. А потом — детский приёмник-распределитель, эшелон, эвакуация... Так Петька стал у нас жить. Мы подружились.

Дед вновь замолчал, словно что-то мешало ему говорить.

— Один случай не могу забыть. Стал я замечать, что Петька куда-то пропадает. Может, решил в свой город уехать? Готовится к побегу и где-то собирает узелок? Я незаметно стал следить за Петькой. Он крадётся, и я за ним крадусь. Пробрался Петька в огород, нашёл кустики лебеды и жадно накинулся на них. Рвал зелёные листья и ел их, давясь, и постоянно оглядывался, словно боялся, что кто-то отнимет у него эту траву. Вдруг наши глаза встретились. Петька убежал в дом, залез на печку и долго не слезал к нам...

Потом мальчика нашли родственники. Мы искали Петьку, но ниточки все оборвались. И только недавно, случайно, в одной из телепередач про детей блокадного Ленинграда я узнал его. Позвонил в студию, спросил адрес. И вот он завтра к нам приедет.

— А как мне его называть?

— Как и меня, дедом. Ладно, пошли спать. Засиделись уже.

Утро завтрашнего дня прошло в ожидании гостя. К дому подъехало такси. Из машины вышел подтянутый, худощавый, седоволосый мужчина. Подошёл к крыльцу.

— Ну здорово, Петька!

— Ну здорово, Ванька!

Пожали руки, похлопали по плечам. А потом долго смотрели в глаза друг другу, искали спрятавшиеся за глубокими морщинами детские черты.

Дедушка Петя вошел в избу, остановился, оглядывая всё кругом. То самое корыто, та самая печь, то самое довоенное фото родителей деда Ивана.

Вечером уставшие, но довольные, мы вместе жарили рыбу на костре, а потом дружно ели. Вернее, деда ели, а я уплетал за обе щеки. После пили

чай. Дед Петр то и дело бросал взгляд на засохший пучок лебеды, и щека у него начинала подёргиваться. Он прищурился, словно ему внезапно стало больно. Я увидел в его глазах слёзы.

Через несколько дней дедушка Петя уехал. На прощание он подарил мне свои снасти. А вскоре и за мной приехали родители. Как-то сразу стало скучно. Но нужно было адаптироваться к городской жизни. Пока мама и папа укладывали вещи и расспрашивали деда обо мне, я сбегал в огород и нарвал пучок лебеды.

Теперь мою комнату украшает фото, которое я сделал в день встречи с новым знакомым. На меня со стены смотрят два деда: Иван да Петр. А рядом — пучок лебеды, тревожный отголосок *того* времени. Я узнал, что название растения произошло от того же слова, что и «лебедь», то есть белый. И верно, если разглядеть лебеду поближе, то её листья с внутренней стороны тоже белого цвета. Цвета, который означает чистоту, добро, жертвенность, страдания. Чувства, которые пронесли через всю жизнь дети блокадного Ленинграда.

ТАТЬЯНА ЧИНГАЛЕВА

6 класс

Наставник: Гришина Наталья Михайловна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Киржеманская СОШ»

Республика Мордовия

Гава и Тобик

Посвящается 27 000 жителей
Ростова-на-Дону — жертвам массовых казней
в Змиёвской балке в августе 1942 года

У него было очень смешное имя — Агав. Когда во дворе мама звала его домой, нам всем казалось, что она лает, как собачка: «Гав, гав!» Он был маленький, чёрненький, и наша детская фантазия нарекла его Гавчиком.

Он не обижался. Смеялся, с удовольствием откликаясь на прозвище, а однажды даже притащил домой щенка, объяснив маме, что гавкать вдвоём им веселее. Мама приняла щенка так же радушно, как и шутивное дворовое имя сына. Она даже сама его иногда называла как-то похоже: «Гава моя...»

Весёлый, общительный, скорый на выдумку, он с лёгкостью сходил со всеми ребятами и в школе, когда пошёл в первый класс. Учился легко, особенно любил математику. Учитель его хвалил, а он опять смеялся: «Нам, евреям, от природы положено хорошо считать».

Да, он был еврей. Но как тогда, так и теперь мы меньше всего обращали внимание на национальность. Мы делились на мальчишек и девчонок, шалопаев и тихонь, тех, кто любит футбол, и тех, кто ходит со скрипкой. Да как только мы не делились! Главное, однако, было в том, что нас объединяло: мы любили жизнь, родину, школу, семью и друг друга — весь мир!

Мы любили мир, а его у нас отняли.

Когда началась война, Гавчику только-только исполнилось тринадцать лет.

Немцы назвали наш город «воротами на Кавказ», и все взрослые уже с июля 1941 года начали рыть окопы и строить блиндажи. Мы, мальчишки, не могли остаться в стороне. За Агавом с нами всегда увязывался Тобик — так Гавчик назвал своего щенка, который к тому времени превратился в милого лохматого пса. Вёл Тобик себя очень прилично: не играл, не рыл землю

(мы боялись, что он по собачьей глупости будет мешать нам), а лежал, вытянув морду в том направлении, где был его маленький хозяин. Время от времени переползал, чтобы всегда быть рядом.

Когда осенью в город вошли немцы, жизнь словно стала ниже ростом. Мы не играли в футбол, не ходили в школу. Даже лишний раз на улицу носа не высовывали. То там, то тут фашисты расстреливали людей. Прямо на улицах. Один раз даже открыли огонь по очереди за хлебом. Мы не знали, когда в следующий раз увидим друг друга и увидим ли вообще.

В первых числах августа 1942 года объявили о переселении евреев, которым исполнилось четырнадцать, в Европу. Агав принёс листовку во двор, и мы почти шепотом снова и снова перечитывали её. Там было написано, что евреи должны собрать вещи, взять с собой еду и прийти на сборный пункт. Их, говорилось, увезут в цивилизованный мир, где они получают нормальную работу и будут жить по-другому. Агав, которому четырнадцать исполнилось на днях, не очень верил листовке. Мы тоже. Поэтому, когда его семья начала собирать вещи, мы прощались. Вытребовали обещание у любимого Гавчика, что вернется, как только сможет. Если получится, будет писать.

Отдельной большой бедой был Тобик. Мы были убеждены, что собаку немцы взять с собой не разрешат, и уговорили Агава оставить его нам. Но как удержать Тобика, когда Агав пойдёт со двора? Решили привязать покрепче...

Утром 11 августа семья Агава в последний раз вышла во двор. Никто не плакал. Не плакал до тех пор, пока не завыл привязанный Тобик. Этот вой словно ножом полоснул нас по сердцу, и мать Агава зарыдала. Агав рванулся к Тобику, потом к матери и буквально вынес её на улицу. Они ушли. От отчаяния и разрывавшего душу воя собаки мы выскочили за ними и, таясь, пошли вслед за все сгущавшейся толпой.

Было страшно. Людей гнали, как скот. В воздухе нарастало напряжение, у кого-то падали узлы, чемоданы, но на это уже не обращали внимания. Плакать в голос боялись. Все уже почти бежали, стремясь только не потерять близких из виду.

Когда людей разделили на колонны (детей отдельно), мы побежали окольными путями туда, куда гнали Агава. Гнали их до Змиёвской балки, что на окраине города. Издали мы увидели, как всех построили парами: мальчик с девочкой — и так же парами стали заводить в помещение. Это немного успокоило ребят, и заходили все туда почти как в школу. Агав держал за руку девочку, время от времени наклоняясь к ней. Подбадривал, конечно!.. А перед дверью вдруг посмотрел в небо.

Мы ждали, когда детей будут выводить обратно, но не дождались. А когда мы ушли, там начался ад. С той стороны города стреляли два дня.

А на третий день Тобик перегрыз верёвку и исчез. Мы нашли его там, у Змиёвской балки. Он сидел у свежесасыпанной земли и выл.

Война давно закончилась, но этот вой я слышу до сих пор.

ВИОЛЕТТА КЛАССЕН

7 класс

Наставник: Кузьмина Татьяна Леонидовна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Кингисеппская средняя
общеобразовательная школа № 5»

Ленинградская область

Мы родом не из детства — из войны

И, пусть мы были маленькими очень,
Мы тоже победили в той войне.

Роберт Рождественский

Мне по наследству от деда остался домик в Гатчинском районе в посёлке Вырицы. Пару часов — и я на месте. Бесспорно, места здесь живописные: леса, река — с городом не сравнить. Меня возили к деду в гости, когда я был маленьким, мне очень нравилось. Дед находил, чем меня увлечь: то мы ходили в лес, то что-то строга́ли из дерева, то вместе ловили рыбу на реке Оредеж. Когда подрос — компьютер, друзья... и в деревню ездить отказался.

Дом искал недолго, но узнал его не сразу. Не таким он мне запомнился. Пробравшись через заросли давно не кошенной травы, я оказался у двери. Вошёл. Всё было таким родным и знакомым... Странное чувство охватило меня. Казалось, что сейчас в комнату зайдёт дед и скажет: «Чего копаешься, рыба тебя ждать не будет». Мой взгляд невольно остановился на полках с книгами. На одной из них нашел старый, потрепанный временем альбом. В нём — выцветшие, чёрно-белые фотографии, открытки, письма... и старая пожелтевшая тетрадь, бережно обернутая в газету. Открываю её и читаю...

Никогда раньше не вёл дневник... рассказывать-то я не очень люблю... Мама говорила, что я замкнутый ребёнок и слова из меня не вытянешь. Но Отец Серафим дал тетрадку и сказал: «Фиксируй всё происходящее! Кто, Василий, если не мы? Отчасти это занятие спасёт тебя, отвлекая от постоянного чувства страха и голода».

Мы в посёлке Вырица Ленинградской области (это мне рассказала Катька, она местная). Нас здесь много... человек двести или триста, сложно сказать. Территория лагеря обнесена колючей проволокой, как будто мы преступники.

В «детский дом» я попал совсем недавно.

Однажды вечером я, мама и мой братишка, которому только-только миновал годик, сидели дома. За окном завывал ветер, барабанил дождь, словно предвещающая беду. Вдруг послышались крики. Выглянув в окно, мы увидели, как немцы из соседних домов на улицу выгоняли детей... Ворвались и к нам. Мама схватила Мишку на руки, а меня так дернула, что в одно мгновение я оказался за её спиной. Немцы пытались вырвать из рук мамы Мишку и меня. Раздался выстрел... второй... Открыв глаза, я увидел неподвижно лежащую на полу маму и Мишку в её объятиях... Я бросился к ним, но фашисты поволокли меня на улицу...

Сначала меня и других ребят привезли на станцию Горы Мгинского района. Фашисты заставляли нас, детей, сидеть вдоль железнодорожного полотна, чтобы наши самолёты не бомбили составы, в которых немцы подвозили горючее для аэродромов, расположенных где-то под Ленинградом. Пройдёт состав, нас запирают в сарай до следующего...

Через пару месяцев нас посадили в крытые грузовики и привезли в Вырицкий лагерь.

Ребят с восьми лет гоняют на работу в поле, в лес, в овощехранилище. Меня тоже отправили работать, несмотря на то, что мне семь с половиной лет.

Кормят нас обычно три раза в день турнепсовой похлёбкой, заболтанной мукой. Мы сначала съедаем жидкость — это первое, потом густоту — это второе, а на третье у нас маленький кусочек хлебца, который мы сосём, как конфетку. Очень редко дают кусочки тухлой конины, и, как ни странно, мы радуемся им.

Как я соскучился по маминым пирогам! Сейчас съел бы даже тыквенную кашу, от которой всегда нос воротил.

Очень болит спина... Досталось мне от Бруно за то, что медленно работал. Бруно — надзиратель. Холёный, упитанный, всегда ходит в пенсне, с плёткой в руке и применяет эту плётку при каждой удобной возможности:

посмотрели на него не так, что-то сказали, идут медленно... Мы его называем Адольфом (как Гитлера).

Сегодня у нас был Дель Фаббро, наш комендант. Он приезжает нечасто, но всегда на тройке с колокольчиками, звон которых наводит ужас и страх. Услышав этот звон, прячемся, кто куда может...

Как это ни странно, но здесь не только немецкие, но и русские надзиратели... Славится у нас своей жестокостью надзирательница Вера в чёрной форме с широким ремнём. В первый же день она сказала, что за попытку сбежать расстреляют.

Сегодняшний день, как обычно, начался с криков. Вера проходила по палатам, осматривая постели, и того, кто провинился, беспощадно била плёткой. Очень боялся, что она найдёт мою тетрадь с записями. Прятать-то особо некуда: в палатах стоят только койки с какими-то бумажными матрацами без подушек и одеял. Спим в одежде.

Снова ходили за ягодами в лес. Норма — два котелка в день. Танька не смогла набрать норму, но мы, каждый понемногу, добавили ягод... иначе она не получила бы обед.

Эти ягоды складывают в большие банки, отправляют в Германию. Также и овощи с полей, которые мы выращиваем и собираем.

За работой нас заставляют петь «Катюшу». И мы поём. Но переиначиваем слова: «Это наша русская Катюша немчуре поёт за упокой!» Конечно, такое петь опасно! Но главное, чтобы не было рядом русских надзирателей. Одного из ребят чуть было не расстреляли за такую песню.

Как хочется есть! Всё время хочется есть... Дождался свою похлёбку в лопуховом кульке. Чего только не увидел я в ней: картофельные очистки, брюкву, ещё какую-то мерзость. Но съел за один приём и не почувствовал отвращения. Очень хотелось встать в очередь второй раз, но Сашка предупредил, что за такие проделки привязывают колючей проволокой к столбу... не поверил, но и проверять не стал.

Сашку сегодня выпорол: он для своей младшей сестрёнки на поле своровал картофелину, маленькую такую, вмещающуюся в руку... Он ни звука не произнёс, когда Вера стегала его плёткой.

Как так? Ведь Верка русская! За что она так нас невзлюбила?

Но не все жестоко обращаются с нами. Прасковья Фёдоровна, помощница лагерного врача, умеет ловко лечить фурункулы, а они были у каждого из нас. Она говорит, что мы постоянно покрыты гнойными нарывами от болезней, недоедания и непосильной работы. Прасковья Фёдоровна читает нам Библию, рассказывает о Боге.

Нескольких из наших забрали в лазарет. Непонятно, что происходит, но немцы явно чем-то напуганы, сторонятся нас...

Вечером Димка сказал, что в лагере начался тиф. Что будет?..

Комендант грозился сжечь всех детей... Мы слышали, что немцы недавно на глазах у жителей поселка сожгли барак с советскими военнопленными, заболевшими тифом.

Мы с Димкой вчера попытались убежать. У Димки недалеко мать живёт, тётя Маша. Из лагеря можно уйти через речку Оредеж, она неглубокая, узкая. Мы, перепрыгивая с камня на камень, добрались до противоположного берега... Но нас настигла облава... плётками загнали нас обратно и посадили на ночь в карцер-подвал. Там жутко, темно, сыро и бегают крысы.

Вроде бы всё обошлось. Про тиф больше не говорят.

Утром Димка жаловался на боли в голове и очень сильно кашлял. Видимо, ночь в подвале не прошла для него бесследно. Его забрали в лазарет.

Сегодня у нас появились новенькие: Нинка лет восьми и ее братишка, маленький совсем, годика два, наверное. Нина мне очень нравится, братишка у неё хорошенький, на Мишку нашего похож, такой забавный, улыбается, когда видит меня...

Отец у них погиб на фронте. А мать работает на строительстве дороги: вручную вколачивает в землю деревянные чурки.

Нинка заботится о братишке. Сама голодная ходит, но ему самое вкусное отдаст. Хотела брюкву ему выдернуть, но была наказана плёткой.

Димка так и не вернулся из лазарета... Я видел, как его хоронили за оградой лагеря, там уже целое кладбище...

Нас осматривал врач... Тех, кто выглядел здоровее, забрали. Это самое страшное — видеть, как уводят твоих друзей...

Через некоторое время ребята вернулись. У них брали кровь для раненых немецких солдат.

Ленку снова увели. «Саша, у меня уже и крови нет, а они все берут», — сказала она брату.

Ленка умерла... Недавно она сидела здесь, разговаривала со мной... а теперь её нет... и уже никогда не будет. Больно смотреть на её брата Сашку: он ни с кем не разговаривает, даже есть отказался.

Сегодня день не похож на другие. Нас не отправили работать. Немцы очень спешили. Что-то укладывали в ящики, наверное, ценное что-то, всё ненужное бросали. Потом нас выстроили, отобрали тех, кто постарше, здоровее... и уехали.

Тех, кто остался, помладше и послабей (человек сорок), в числе которых был и я, перевезли в новое здание.

Сегодня Вырицу освободили. Группа разведчиков обнаружила нас в подвале, где прятались мы, едва живые от голода, от болезней, от страха. Нас вымыли, накормили, сказали, что отправят в настоящий детский дом, Шлис-сельбургский.

Меня забрала к себе тётя Маша, Димкина мама...

Я закрыл тетрадь. Это дневник моего деда — Василия Тимофеевича. Глаза наполнились слезами. Слезами по детям, оставшимся без детства, по дедушке, который столько лет носил тяжесть воспоминаний... А ведь он никогда не рассказывал мне о своём детстве... Или я не спрашивал?.. И всё, что у меня осталось от него — старенькая тетрадь, которая сохранит в моём сердце память о страшных днях войны.

Р. С. Написано по воспоминаниям бывших узников лагеря

ВЛАДИМИР ТИМОШИН

7 класс

Наставник: Закутнева Светлана Викторовна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 121»
г. Снежинска

Челябинская область

Мадонна с младенцем

«Вова, сегодня мы пойдем с тобой в музей», — сказала утром мама. Я даже расстроился, ведь так давно ждал эту поездку в Минск. И опять... музей. Но мама, погладив меня по голове, тихо произнесла: «Это не обычный музей, сынок, там живёт память...» Я понял: меня ждёт что-то серьёзное. Настроение поменялось, и странное чувство тревоги охватило меня.

Всю дорогу я молчал, пытаясь предположить, о какой памяти говорила мама. И вот мы пришли. Перед нами Музей истории Великой Отечественной войны. Медленно поднимаемся по ступенькам и попадаем в зал, где расположена выставка картин Михаила Андреевича Савицкого «Цифры на сердце». Вокруг тишина. На стенде написано, что художник сам был пленником концлагеря. В зале шестнадцать картин.

Подхожу к полотну «Танец с факелами» и замираю. Ничего не могу сказать, как будто онемел. На картине — костёр из узников, вокруг них со страшными, искажёнными лицами фашисты с факелами. Мне хочется попасть туда, прекратить эти зверские пытки, но я здесь и не в силах помочь. Разве может так поступать человек с человеком? Нет! И слова мамы о памяти звучат по-другому. Мы помним вас! Такое не должно повториться!

Стою и не могу сдвинуться с места, но рядом новое полотно — автопортрет, где я вижу измученного художника, в глазах которого сильнейшее желание жить. Это сам Михаил Савицкий, заключённый номер 32815, смотрит на нас. «Смертию смерть поправ!» — так можно назвать этот «документ эпохи».

Мне показалось, что художник взглядом отправил меня к следующей картине. Это полотно «Мадонна Биркенау». Из трубы печи крематория вылетает в небо душа молодой женщины с ребёнком, вокруг них сияние, как на иконе.

Эта мадонна — символ всех погибших матерей. Она и после смерти вместе с сыночком. Их образы бессмертны и неуязвимы. Никакая страшная сила не сможет убить в людях любовь, красоту души.

Моё сердце готово разорваться от боли, от сострадания к бедным людям, слёзы текут по щекам. Мама подошла и обняла меня.

— Мы помним их, а значит, они живы. Именно об этой памяти я и говорила тебе утром.

Я прижался к маме и показал на маленькие полевые цветы, которые несмело росли около чёрного крематория.

— Эти цветы — символ жизни, возрождения. Я клянусь, что буду помнить о погибших и замученных в концлагерях.

— Да, человеческая память — очень важная вещь, — ответила мама, — человек силён, если помнит, благодаря кому он живёт!

Посмотрев все картины, мы молча вышли на улицу. Придя в гостиницу, я немедленно взялся за карандаши. На листе появилось голубое небо, а на нём та самая мадонна с младенцем. Они сидели на облачке и улыбались. Малыш прижался к маме. Ему было тепло и спокойно. Слёзы капали на рисунок, но я продолжал рисовать ромашки для мадонны и мягкого мишку для ребёнка. Пусть у них будет всё, как в мирной жизни.

Так я и уснул прямо за столом. Снились мне горящие факелы, людские стоны и та самая мадонна с младенцем.

Утром мама разбудила меня и сказала: «Вова, а сегодня идём в кино!» Но я тихонько ответил: «Мама, а давай опять пойдём в Музей Великой Отечественной войны. Меня там ждут...»

ТАТЬЯНА ВЕТОШКИНА

7 класс

Наставник: Красота Ирина Семёновна,
учитель русского языка и литературы

Наставник: Ветошкина Надежда Васильевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
средняя школа № 31 г. Сургута

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра

Бабушкины воспоминания

Детям, прошедшим ужас войны,
посвящается...

Яблоневый сад. Это моё первое воспоминание о бабушке. Дом, где они живут с дедом, окружён яблонями. Весной наслаждаешься ни с чем не сравнимым ароматом, летом и осенью — вкусом яблок. Сколько помню, бабуля с дедушкой постоянно работают в саду: что-то сажают, обрезают сухие ветки, подкармливают деревья, собирают урожай. Но мне никогда в голову не приходило спросить у них, зачем нужен такой огромный сад.

Год назад дед попал в больницу: прихватило сердце. Впервые за всю свою долгую жизнь ему пришлось обратиться к врачам. Бабушка начала искать его документы. Она достала шкатулку, где хранились самые важные и необходимые бумаги. Я сидела рядом, мне хотелось как-то помочь, но что делать, я не знала. Перебирая документы, бабушка что-то приговаривала вслух, и вдруг она застыла. Я внимательно посмотрела на неё: в руках она держала пожелтевшую фотографию. По щекам бабушки текли слёзы. Увидев моё испуганное лицо, она попыталась меня успокоить.

— Всё в порядке, милая. Просто я всегда плачу, когда смотрю на эту фотографию.

Она протянула её мне. На карточке я увидела мужчину и женщину, стоявших возле большой яблони. Рядом с ними находились маленькая девочка и мальчик чуть постарше. На руках у мужчины был младенец.

— Бабушка, а кто это? — спросила я.

— А это, внученька, мои родители, я и два моих брата, Фёдор и Степан. Это мы во дворе нашего дома в Сталинграде ещё до войны. Деда Фёдора ты помнишь, мы ездили к нему несколько лет назад, когда он ещё был жив. А все остальные остались там, в осаждённом Сталинграде. Они погибли.

Мне очень захотелось узнать, что произошло тогда. Я уже слышала и читала о страшном сражении за город на Волге. В школе проводились различные мероприятия, посвящённые победе наших войск в Сталинградской битве. Недавно я сама делала стенгазету о героях той войны. А тут моя родная бабушка была там, в Сталинграде, во время тех страшных событий.

Я долго упрашивала бабулю рассказать мне всё, что с ней произошло.

— Ты хочешь знать, как всё было? Но мой рассказ будет не о подвигах и героических поступках, которые показывают в фильмах. Я не сражалась, не участвовала в битвах с врагом. Я, как и многие другие дети, пыталась выжить. Умирать страшно, а о смерти я знаю не понаслышке.

Я не очень хорошо помню наш старый дом и двор. Из детских воспоминаний осталась только стоявшая за домом яблоня. В августе яблоки, еще до конца не созрев, начинали падать: ветви не выдерживали их тяжести.

В то лето стояла жара, небо было синее-синее, пыль лежала повсюду. Шла война, но нам, детям, казалось, что до нас она не дойдет. Мы с братишками были предоставлены сами себе: наша мать умерла зимой, а отец работал на заводе и пропадал там сутки напролёт. Тот летний день начался как обычно, ничто не предвещало беды. Вдалеке послышался гул, который с каждой секундой всё нарастал и нарастал. Небо потемнело, но это были не тучи, а ... самолёты. Огромное множество. Мы закричали, выбежали из дома и спрятались в погребе. Из рассказов взрослых мы знали, что, если самолёты будут бомбить, нужно прятаться в убежище под землёй. У нас таким убежищем был погреб, хотя сейчас понимаю: уберечь он не смог бы, попади бомба в него. В нем было прохладно, сыро и темно. И вдруг раздался страшный удар, потом ещё один, и ещё, и ещё... Казалось, что им не будет числа, что грохот никогда не закончится. Голова разрывалась, в ушах стоял шум. В погребе осыпалась земля. Просто чудо, что ни один снаряд не попал в наше укрытие! Не знаю, сколько прошло времени, но внезапно всё стихло. Старший брат открыл с трудом крышку погреба, и мы вылезли наружу.

Как всё изменилось! Наш дом исчез. На его месте была глубокая воронка. По всей улице валялись камни, доски, деревья. И дым. Дым поднимался стеной, не было видно ни неба, ни соседних домов (если они, конечно, уцелели). Вокруг ни души. Мы стояли у нашего дома, которого уже не было, и молчали. Я не могла плакать, я просто стояла и всматривалась в то, что осталось от нашего жилища. Стемнело, а мы всё стояли и молчали. Вся наша жизнь разом обрушилась. Что делать дальше? Как жить? Были бы рядом взрослые, они могли бы что-то решить. А мы, что мы могли? Старшему брату было десять, мне — девять, а младшему — пять лет.

Всю ночь мы просидели у воронки. Спать не могли. Решили ждать отца. Следующие дни мы обживали наш погребок, наше укрытие: пытались сделать его прочнее, соорудили кровать. Собирали доски для костра, тряпки, чтобы застелить постель. Обошли соседние разрушенные дома, пытаюсь найти людей, но никого не обнаружили. Чувство голода пришло позднее, когда немного отступил страх. Запасы, которые хранились в погребе, были съедены. Рыли на огородах картошку. Страшное зрелище: огород чёрный-чёрный, все погорело сначала от солнца, потом от огня. Как определить, где что росло? Копали руками и палками. Радость была, если находили картошку или морковь. Искали траву, которую можно было бы есть. Слава Богу, колодец не засыпало землёй, и воды мы пили вдоволь. Так и жили. А бомбёжки продолжались. Самолёты прилетали каждый день, бомбили. Над нами не так часто, а всё больше вокруг нашего района. Видимо, бомбить у нас было уже нечего. Отец всё не приходил. (Как мы потом узнали, он погиб в первые дни бомбёжек). Мы ждали его каждый день, а его всё не было. Счет дням мы уже потеряли. Ночи стали холоднее, к голоду добавился холод. И мы решили идти искать людей. Ведь если мы живы, то и другие где-то тоже выжили. Мы вспомнили, что за Сталинградом живёт двоюродная сестра отца. Дорогу мы точно не помнили, но сидеть на месте означало смерть. И мы пошли.

Как описать всё это? Город будто вымер. Кругом руины. Самолёты постоянно бомбили, а мы шли и шли. Порой падали, обессиленные, голодные, ноги стёрты в кровь. Иногда хотелось лечь на землю и больше не вставать. Иногда думалось, что лучше бы мы погибли от первой же бомбы. Куда мы идём? Зачем? Младшенький еле передвигался, вначале плакал, а потом уже сил не было. Мы пытались его нести на руках, но и у нас сил уже не оставалось. Поэтому мы шли очень медленно, часто отдыхали, лежали на голой земле или камнях. Наши скудные запасы таяли, воды почти не осталось.

В один из таких привалов погиб наш младший братишка. Мы лежали, наверное, даже заснули. И тут начался налёт. Укрыться было негде. И он вскочил и побежал, испугался или, может, хотел куда-то спрятаться. Я не успела ни крикнуть, ни побежать за ним: раздался взрыв. Там, где он был, ничего... нет. Я была в оцепенении, не могла пошевелиться, не верила. До сих пор перед глазами он стоит... Потом рыдала, билась в истерике, не хотела уходить отсюда, хотела умереть вместе с ним. Старший брат не мог ничего со мной сделать. Целую ночь просидели возле воронки, могилы нашего братика.

Что было дальше, помню смутно. Мы опять шли, отдыхали, потом вставали и продолжали наш путь. Шли в никуда. Ты идёшь и не знаешь, что там впереди. Мы надеялись, что мы дойдём, но гибель брата подкосила нас. Во время очередного привала нас подобрала наши солдаты.

Очнулась я в подвале, укрытая шинелью. Старый солдат с усами протянул мне небольшой кусочек хлеба. Что это было за хлеб! Никогда после я не ела

хлеба вкуснее! Мне хотелось ещё, но он сказал, что много есть сейчас нельзя, погладил меня по голове, и от этого ласкового прикосновения мне стало так легко, тепло, и я уснула.

Проснулась от стрельбы. Солдаты, у которых мы с братом оказались, вели оборону дома. Немцы были в городе уже давно, и только по чистой случайности мы с ними не столкнулись во время нашего похода.

Один из гитлеровцев прорвался в дом, но был застрелен нашим пулемётчиком. Именно тогда я впервые увидела немца. Мне казался он страшным, не человеком, а чудовищем, монстром. Мой детский ум не понимал, зачем он пришёл в мой город, уничтожил его, убил моего братика?..

Бой был недолгим, наши бойцы остановили атаку немцев. Установилась тишина, которая оказалась ещё страшнее бомбёжек и стрельбы. Неизвестно, что будет в следующую минуту.

Командир сказал, что ночью попробует переправить нас на другой берег Волги. В полночь мы вместе с несколькими солдатами вышли из подвала и пробрались к переправе. Нам удалось перебраться на другой берег благополучно. Нас разместили в детском доме. Я очень долго болела, поправилась только в конце зимы, когда наши защитники отбросили врага от города.

В мае мы с братом попали в Сталинград, нашли нашу улицу, наш разгромленный дом. Ничего не уцелело, даже наше убежище было засыпано землёй, кроме... цветущей яблони. Вся в бело-розовых цветах, она стояла на пепелище старой жизни как символ того, что будущее есть. И мы, двое детей, пережившие ужас войны, испытывавшие огненный смерч бомбёжек, голод и лишения, стояли возле неё.

Бабушка прикрыла глаза и замолчала.

— Ты, наверное, удивляешься, почему мы с дедом развели такой сад. Это просто память. Моя память о моем доме, о маме, об отце, о моем братишке, который погиб просто так, просто потому, что кому-то показалось мало земли, на которой он родился. На месте нашего старого дома стоит уже давно другой, многоэтажный. Той яблони нет и в помине. Но все они: и дом, и яблоня, и мои погибшие родные — продолжают жить в каждом листочке, цветке, яблоке из нашего сада.

Бабуля умолкла. А я, неспособная вымолвить ни слова, поражённая рассказом, сидела рядом.

ВАРВАРА ТОКМАКОВА

7 класс

Наставник: Ванькова Светлана Владимировна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Псковский технический лицей»

Псковская область

Потерянное детство

В декабре 1942 года я попал в концлагерь. До него мы ехали три дня в битком набитом поезде. Со мной был раненый отец, моя мать, старший брат и младшая сестра. Поезд, на котором мы добирались до Веймара, был полуразваленным. В нашем вагоне не было двух окон, из-за чего в период сильнейшей метели в лицо бил противно мокрый снег. Но в то время даже этот ужасный снег стал для нас спасением, несмотря на тот холод, который был в вагоне из-за него. Ведь, как известно, снег — замёрзшая вода, и именно она немного спасала нас от жажды. Сама атмосфера поездки была ужасающей: постоянные крики, стоны, плач детей, истерики больных людей. И тем не менее, все мы хотели одного — тишины.

Когда мы прибыли в концлагерь, нас распределили по группам. Я оказался в одной колонне со своей мамой, отцом и сестрой. Нам велели раздеться и пройти в специальную комнату, чтобы принять душ. В самый последний момент моя мама успела оттолкнуть меня в другую группу людей, где шли только молодые. После этого свою семью я больше не видел никогда.

Я сразу не понял, почему мама не разрешила мне пойти в душ и где теперь все они, но мне объяснили.

«...Никакого душа здесь нет. Всех непригодных (так называют их надзиратели), то есть детей, инвалидов, стариков, раненых и слабых отправляют в комнаты с удушающим газом. Там у человека за три минуты пытки сгорают все органы. Он находится в сознании и до последней минуты жизни чувствует ужасную боль и дикий ужас. Затем тела сжигают, используя в качестве дров для обогрева, но не наших барачков, а жилищ этих чертей,

которые ставят над нами эксперименты, морят голодом, уничтожают, доводя до истощения, и лишают рассудка».

Это только малая часть рассказа человека, прожившего в концлагере два месяца. Имени его я не знаю до сих пор, но человеком он был замечательным. Он взял меня под опеку, отдавал большую часть своего, и без того мизерного, пайка, уговорил некоторых заключённых выполнять часть моей работы. Мне было одиннадцать лет, и я действительно не справлялся с той тяжёлой работой, которую нас заставляли делать.

Как я уже сказал, имени этого доброго человека, спасшего меня от смерти, я не знаю. У него был номер 33027. Каждому пленному присваивался номер, на плече ставилось клеймо с этим номером. Я был — 120227. Этот номер остался со мной на всю жизнь.

Тот год, который я провел в Бухенвальде, был самым страшным годом в моей жизни. Годом, который я прожил в бараке — огромном сарае с огромными дырками между досок, в котором было ужасно холодно зимой и невозможно душно летом. Деревянные стены и крыши были изъедены насекомыми и набухли от влаги. Еды, как таковой, не было. Непонятные консервы, напоминавшие жижу, и хлеб, сделанный из опилок, песка, камней и из чего угодно, только не из муки. Грязнейшая переваренная крупа без соли с кружкой грязной воды. В праздники могли дать полусохший мармелад и напиток цвета кофе.

Очень трудными были и ежедневные работы. Были те, кого отправляли работать в подземные заводы. Оттуда люди уже никогда не выходили. Это делалось для того, чтобы не было разглашения какой-то государственной тайны. Я не знаю какой. Одна изготовленная ракета, которую делали там, под землёй, стоила тридцати жизней заключённых.

Тот ужас, который пришлось пережить, я, конечно же, не забуду никогда. Бессчётное множество людей, которых сожгли заживо; эксперименты гитлеровцев, которые доводили людей до сумасшествия; пытки и издевательства над людьми, которые хотели просто жить; ужасное питание, голод, холод, из-за которых каждый день тысячами гибли пленные; реки крови, еженедельные самоубийства на электрических проводах, смерть, смерть, смерть со всех сторон.

Я давно забыл тех людей, которые лишили меня детства, но я никогда не прощу их за то, что они отобрали у меня семью и весёлые, добрые, полные любви детские годы. Почему у меня в детстве не было торта на день рождения? Почему я радовался чёрствому куску хлеба и крошкам? Почему я не мог свободно и весело играть в футбол, в салки, в лапту? Кто вернёт мне моё детство?! Кто сотрёт из памяти все те страшные картины, которые я увидел в свои одиннадцать лет и которые до сегодняшнего дня стоят перед моими глазами?

Я очень благодарен тому человеку под номером 33027 за то, что он позаботился обо мне в концлагере и не дал сгинуть в этом аду, за то, что он

сумел остаться человеком среди этих ужасных зверей-гестаповцев и помог остаться человеком мне. Где мой брат, я не знаю до сих пор. Единственное, что меня радует, это то, что из лагеря он точно был освобождён.

Номер 33027 не дожид до спасения всего три дня. Он простудился, заболел и умер. Ему не хватило сил выжить. Больше всего я жалею о том, что, спасая меня, он не смог дожить до той минуты, когда небо снова стало голубым, на полях зацвели васильки, вокруг перестали греметь взрывы, а во дворах снова зазвучал звонкий детский смех.

ИЛЬЯ ЛАГУТИН

6 класс

Наставник: Нагорнова Наталья Ивановна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа
с углубленным изучением
отдельных предметов № 7
имени А. С. Пушкина» г. Курска

Курская область

Иринка

Записки из блокадного Ленинграда

Новая учебная неделя, как всегда, началась с «Разговоров о важном».

— Тема сегодняшнего занятия — годовщина прорыва блокады Ленинграда, — объявила Светлана Григорьевна, запуская презентацию.

На экране замелькали кадры хроники: измождённые лица, разрушенные дома, замёрзшие трупы...

И как-то невольно среди всех этих призраков прошлого я вдруг начинаю искать молоденькую девушку с тёмными вьющимися волосами, хорошо знакомую мне по старой выцветшей фотографии, которую всю жизнь бережно хранила моя прабабушка Маня. На фото — её старшая сестра Иринка. С лета 1941 года по весну 1942 года она провела в блокадном Ленинграде. О том, что пришлось ей пережить в те страшные десять месяцев, я знаю из пожелтевшей и почти уже рассыпавшейся тетради, на обложке которой ровным ученическим почерком выведено — «Личный дневник Ирины Александровны Черненко».

12 мая 1932 года

Мама говорит, что с продуктами стало совсем худо — скоро нам придётся грызть кору с деревьев. Маруся ещё маленькая, а я — взрослая, поэтому должна ехать к братьям в Ленинград. Они моряки-подводники, у них довольствие, прокормят. А мне боязно. И маме, наверное, тоже — сегодня я видела, как она плакала.

25 июля 1932 года

Оказывается, Ленинград стоит на островах. Самый большой из них — Васильевский. Здесь, в здании Военно-морского училища, у Шурки квартира. Он капитан 2 ранга. Его жена Надя — добрая. Я помогаю ей по хозяйству и с Аликом. Шурка говорит, что 1 сентября я пойду в школу. Он уже купил мне ранец — настоящий, новенький!

А ещё вчера я наконец-то попробовала мороженое. Это как замёрзшее молоко с сахаром, только в сто раз вкуснее.

11 апреля 1937 года

В следующем году я оканчиваю школу. Надя говорит, что пора уже задуматься о будущем. Советует идти работать на завод. А я хочу стать учительницей!

28 июля 1938 года

Ура! Поступила! Ирина Александровна Черненко — теперь студентка педагогического института! Надо написать письмо маме и Марусе, пусть тоже порадуются.

22 июня 1941 года

Разбудил нас громкий топот по крыше (квартира Шурки была на самом последнем этаже). Надя решила, что разбушевались курсанты, и отправила Шурку их уgomонить. Брата долго не было. И вдруг он ворвался с криками: «Надя, вставай быстро, быстро... Война началась». До нас не сразу дошло, о чём он. Мы стояли как в каком-то дурмане. И тут, чтобы Надя пришла в себя, Шурка её ударил. Первый раз я видела, как мой брат бьёт женщину...

Руки до сих пор совсем не слушаются, дрожат.

8 сентября 1941 года

Бомбёжке, казалось, не будет конца. Пол ходил ходуном, будто мы не дома, а на борту корабля. Пришлось спуститься в убежище. То, что мы увидели утром... На соседней улице все дома через один были словно разрезаны ножом, в остатках квартир виднелись печи, картины на стенах, в одной из комнат над бездной повисла детская кровать. Людей не было нигде.

15 сентября 1941 года

Пришел приказ из пединститута — ехать под Нарву, копать окопы.

3 октября 1941 года

Шурку с семьёй эвакуировали. Квартира их опечатана. Я осталась одна. Страшно!

10 октября 1941 года

Комендант сказала, что всё, что можно было сжечь, сожгли, и отапливать общежитие больше нечем. Термометр сегодня уже опустился ниже десяти градусов. Холод в комнате страшный. Попыталась согреться, завалившись в кровать прямо в валенках и пальто. Бесполезно. Тело всё равно дрожит, пальцы коченеют. В голове — пустота и отупение. А еще вечером идти на дежурство: сбрасывать зажигательные бомбы с крыш.

9 ноября 1941 года

Все запасы продуктов в городе закончились. У кого было — съели даже кожу с диванов и стульев. Кто-то из девчат предложил оборвать в комнате обои и размочить их в воде. Получился противный серый клейстер с привкусом пыли. Съели. Лена Перова рассказала о матери, которая накормила дочь бульоном из собственных туфель. Долго она варила их. Часа три. Кожа разварилась в мелкую труху. Бульон был мутный, безвкусный. Ели его несколько дней.

25 ноября 1941 года

Добираться до завода с каждым днём все труднее. Сил нет. Но обречённо плетёшься. Кстати, заметила, что все давно по улицам именно «плетутся». Нормально не ходит никто, ноги не поднимаются.

За двадцатичасовую смену у станка положена пайка — сто двадцать пять граммов хлеба. Хлеб — это, конечно, громко сказано: жмых, мучная пыль да столярный клей. И всё равно: отлочишь от пайки небольшой кусочек, положишь за щеку и сосёшь. Пытаешься обмануть голод.

11 декабря 1941 года

Помню, как-то на Новый год Шурка подарил Алику санки — такие узенькие, с полозьями, ярко окрашенные в красный и жёлтый цвета. Теперь такие санки вдруг появились повсюду. Они движутся к ледяной Неве, к больнице, к Пискаревскому кладбищу. Монотонный скрип полозьев пробивается через свистящие пули. Этот скрип оглушает. На санках — больные, умирающие, мёртвые... Неделю назад в первый раз увидела грузовик, доверху набитый трупами. Показалось, что они шевелятся. Но нет, не шевелились. Просто от сильных порывов ветра качались свесившиеся руки и ноги.

Постепенно глаз привыкает к обледенелым мертвецам.

По городу бегают крысы, обгрызают умерших или обессиленных.

20 декабря 1941 года

Город накрыла лавина смерти. Повсюду чёрные горки на снегу — трупы. Умирают целыми семьями. Иногда покойников выбрасывают прямо из окон, сил спуститься и вынести — нет.

27 декабря 1941 года

Два главных правила: долго не лежать, много не пить, чтобы не замёрзнуть насмерть или не умереть от опухания.

9 января 1942 года

Голод не только убивает людей, но и сводит их с ума. Соседи, интеллигентная семья преподавателей Электротехнического института, пустили под нож свою овчарку. Съели всё до последней косточки, ещё и нахваливали — баранину напоминает.

28 января 1942 года

Сегодня на ступеньках нашего общежития лежала старушка. Она уже не двигалась, только как-то странно закатывала глаза. Её перетащили в комнату и засунули в рот крошку хлеба. Через несколько часов она умерла. На следующий день выяснилось, что «старушке» было семнадцать лет...

11 февраля 1942 года

Дёсна ужасно опухли и кровоточат. Сегодня выпал первый зуб. Цинга. Иван Михайлович, который до войны работал врачом, говорит, что нужно есть овощи. Так где ж их взять-то?..

16 февраля 1942 года

Город все больше погружается в какое-то всеобщее безумие. Сегодня посреди улицы замертво упал конь. Приличные с виду люди разорвали животное на части за несколько минут. Выскакивали из соседних домов. С топорами, пилами, ножами. Как они отталкивали друг друга и кромсали его! До сих пор перед глазами эта жуткая картина.

27 февраля 1942 года

Вот уже два месяца по разнарядке коменданта ходим собирать по городу трупы. Свозим их на Пискарёвку. Здесь трупы складывают в огромный глубокий ров штабелями: голова — ноги — голова — ноги. Засыпают землей. В ночи сапёры взрывают рвы динамитом.

Поначалу мне казалось, что собирать и свозить трупы — ужасно.

Но по-настоящему ужасно свозить на Пискарёвку своих! Сегодня отвезли туда Володьку из нашего цеха. Заснул прямо у станка...

11 марта 1942 года

Неужели это закончилось? Трясусь в старом грузовичке по «дороге жизни» и все ещё боюсь поверить. Со слезами вспоминаю, как на пороге комнаты появился Шурка, как он целыми днями пропадал где-то, пытаюсь выправить мне разрешение на эвакуацию...

Ленинград остаётся позади. Не знаю, вернусь ли я ещё туда. Сейчас я просто хочу жить. Хочу домой, к маме...

Но вернуться домой Ирине Черненко было не суждено. 11 марта 1942 года колонна, в составе которой был тот самый старенький грузовичок, попала под немецкий обстрел. Капитан 2 ранга Александр Александрович Черненко получил тяжёлое ранение, восемь месяцев провел в госпиталях и вернулся к месту службы. Ирина Александровна Черненко и двое ехавших в грузовике офицеров погибли на месте...

Полгода спустя шестнадцатилетняя Ниночка, почтальон, с опущенными глазами, словно заранее за что-то безмолвно извиняясь, протянула небольшой сверток Анфисе Ивановне Черненко. В нем оказалась похоронка и толстая тетрадь — «Личный дневник Ирины Александровны Черненко».

Этот дневник мог быть историей о том, как одиннадцатилетняя девочка из маленького курского села, спасаясь от голода, уезжает к старшим братьям в Ленинград, становится учительницей и живёт здесь долго и счастливо. Но по иронии судьбы он оказался трагическим повествованием о ста двадцати пяти граммах блокадного хлеба — тяжёлого, липкого, как замазка, пахнувшего керосином. Повествованием о холоде, бомбёжках и безумии. Рассказом о безмерных страданиях и безвозвратных потерях людей, прошедших через настоящий ад и заглянувших в лицо самой смерти. Рассказом о мужестве и стойкости жителей непокоренного героического города.

ПРИЗЁРЫ
2 КАТЕГОРИИ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

ВАСИЛИСА ВИНОГРАДСКАЯ

9 класс

Наставник: Виноградский Станислав Владимирович, психолог

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 2
г. Лакинска Собинского района

Владимирская область

Секрет плаката Кукрыниксов: «Потеряла я колечко...»

На Мамаевом кургане тишина,
За Мамаевым курганом тишина,
В том кургане похоронена война,
В мирный берег тихо плещется волна.

Виктор Боков

Но кисть художника малюет,
Даже когда идёт война, —
Врага разит не только пуля,
Иной плакат опаснее штыка!

И. Разов

«Потеряла я колечко...» — с самого предновогоднего утра напевал папа, и это, по обыкновению, свидетельствовало не столько о его добром расположении духа накануне всеми любимого праздника, сколько о весьма обнадеживающих вестях с фронта специальной военной операции на Украине. Я давно заметила эту связь папиного настроения со степенью успешности Вооружённых сил РФ по решению задач СВО: если сообщения военных корреспондентов из «горячих точек» боевых действий звучали не столь оптимистично, как бы ему хотелось, то колечко не терялось, напев не звучал, и при всём его внешнем спокойствии и ровном поведении мы не чувствовали в нём ту искру радости и удовлетворения, которая вспыхивала при благоприятном для России развитии событий на Донбассе и «позитивной динамике» освобождения исконно русских территорий от украинских неонацистов киевского режима. В то утро я впервые подумала: «А ведь эта

фраза из старинной русской народной песни зазвучала из папиных уст уже давно, задолго до СВО, скорее всего, лет восемь назад...»

«А что же случилось тогда? — продолжала я свои размышления. — Какое важное политическое событие могло поднять папе настроение восемь лет назад?» Единственно правильный ответ на этот вопрос пришёл неожиданно быстро. Ну конечно, это мог быть только март 2014 года — День воссоединения Крыма с Россией! Для него, корабельного старшины, проходившего службу на минно-тральном корабле Черноморского флота в Севастополе, включение республики Крым и города федерального значения Севастополя было лично значимым событием. Я вспомнила, что в тот день на папе, конечно же, появились бережно хранимые и неизменно надеваемые им каждый год в День Военно-Морского Флота, в последнее воскресенье июля, бескозырка и гюйс. Зазвучала и песенка про потерянное колечко... «А потом, — всё дальше вели меня воспоминания, выстраиваясь в логическую цепочку, — папа запел про потерянное колечко, когда «заварился» Дебальцевский котёл 2015 года, когда ополченцы самопровозглашённых республик ДНР и ЛНР нанесли сокрушительный удар по националистическим батальонам ВСУ и антитеррористическая операция (АТО) киевской хунты захлебнулась. Пел папа свою песенку и в сентябре 2022 года, после подписания в Георгиевском зале Кремля Договора о вхождении в состав России новых (а на самом деле исконно русских) территорий. Вот уж, действительно, четыре огромных «колечка» потерял киевский режим в ответ на геноцид людей, генетически связанных с русским миром, с традициями русской культуры!

За праздничной суетой последнего дня уходящего 2022 года я ненадолго отвлеклась от своих мыслей, но они вернулись уже за праздничным столом во время традиционного новогоднего поздравления Президента Российской Федерации В. В. Путина, поздравления, снятого в необычном формате, в штабе Южного военного округа, рядом с людьми в военной форме.

Президент говорил о суверенном статусе России, защита которого — наш «священный долг перед предками и потомками», и сама собой возникла аналогия нашего времени со временем Великой Отечественной войны, когда от победы над фашизмом зависело не только будущее нашей страны, но весь миропорядок в целом. И, наверное, как от звучащих когда-то сообщений Левитана, от слов Президента уходила из сердца внутренняя тревога и укреплялась вера в нашу победу в этой современной «гибридной прокси-войне», объявленной России нашими бывшими партнерами, а теперь откровенными врагами.

А когда закончилось новогоднее застолье, и за окном смолкли громыхания салютов, и исчезли толпы гуляющих, я снова невольно подумала о том, что только благодаря нашим военнослужащим, добровольцам и ополченцам, отбивающим яростные атаки украинских неонацистов и иностранных

наёмников на Украине, мы находимся в безопасности глубокого тыла, живущего привычными буднями и праздниками.

Уже перед тем, как пойти в свою комнату спать, я зашла на кухню, где родители загружали посудомоечную машину, пожелала им спокойной ночи и сказала: «Наше дело правое, победа будет за нами! Ура!»

— Конечно, — улыбнулся папа, — такое «колечко», как Россия, миру потерять невозможно.

— Ох уж это твое «колечко», — съязвила я и, возвращаясь к своим утренним размышлениям, спросила:

— Откуда, вообще, у тебя взялась именно эта песня? Ты же раньше всё время пел то арию Сусанина из оперы Глинки, то арию князя Игоря из оперы Бородина, они бы тоже подошли к этим событиям. Как там, у Игоря? — и я пропела: «Я Русь от недругов спасу...»

— Нет, только так: «Потеряла я колечко...» (А в колечке 22 дивизии). 1943 год. Кукрыниксы, — услышала я в ответ.

— Какие дивизии? А кто этот Кукрыниксы? Похоже на «бамбарбия, киргуду» из «Кавказской пленницы», — «бухнула» я и испугалась, предчувствуя то, что последует за этим.

И точно, на лице папы появилось выражение, которое больше всего мне не нравилось и меня обижало. Лучше бы сердился, возмущался моим невежеством! Нет, он посмотрел на меня с выражением горького сострадания к существу ничтожному и жалкому в своём неведении. С чувством стыда за своё незнание чего-то очевидного и важного для всякого нормального и образованного человека я ушла спать.

А утром я увидела на своём письменном столе два больших альбома по искусству, на обложке которых было одно слово — Кукрыниксы. Один альбом был совсем новым, от издательского дома «Комсомольская правда» 2011 года, и отпечатан на мелованной глянцева бумаге. Другой был от издательства «Советский художник» 1955 года, в матерчатом и изрядно потрёпанном переплёте, на обложке которого без какого-либо рисунка было написано — Кукрыниксы. Передо мной лежала разгадка тайны потерянного колечка из песенки папы: с какими дивизиями она связана и с какими Кукрыниксами.

Я решила начать с альбома почти семидесятилетней давности, скорее всего, именно его держал в руках папа в своем детстве и юности. Если бы только я могла предполагать тогда, как эта книга может захватить своим содержанием и открыть для меня истину неразрывной связи прошлого с настоящим, как может помочь многое понять в сегодняшней сложной обстановке, переживаемой сейчас каждым россиянином, понять именно через трагические события Великой Отечественной войны.

Итак, сначала о Кукрыниксах. Оказалось, что за этим странным названием стоит уникальный творческий союз трех художников-карикуристов, выпускников московских Высших художественно-технических мастерских

(ВХУТЕМАС). Название их группы (псевдоним) родилось от сложения начальных букв их фамилий и имен. От фамилии Михаила Васильевича Куприянова взято Ку, Порфирий Никитич Крылов — это Кры, Николай Александрович Соколов — Никс. В целом получилось — Кукрыниксы — группа мастеров гротескно-сатирического стиля, жанра шаржа, политической карикатуры и агитационного плаката, политическая роль и значимость творчества которых в период Великой Отечественной войны трудно переоценить. Чем дальше я читала, тем больше удивлялась тому, как же я могла до сих пор не знать о художниках, которые с первых дней войны играли такую значительную роль в формировании общественного сознания. Они, создавая негативно-уродливый образ врага и противопоставляя его образам мужественных защитников Отечества прошлого и настоящего, воспитывали в людях патриотизм и укрепляли веру в моральное превосходство советских людей над захватчиками. С убийственной иронией клеймя врага, разоблачая нацистскую идеологию, художники «ковали» мощное и грозное оружие нашей победы. Не случайно их называли тогда «снайперами советской сатиры», «художниками Победы».

Я быстро перелистывала страницы альбома, чтобы как можно скорее найти нужный мне плакат про колючку. И вот, наконец, по всем признакам — он! На ярко-жёлтом фоне, стилизованном под карту «междуречья Волги и Дона», в левом нижнем углу — страдальчески согбенная чёрная фигура в рваных галифе и изрядно потрёпанном мундире, поверх которого наброшена тёмная «бабушкина» шаль. Узнать в этой «плакальщице третьего Рейха» Гитлера было очень легко. Художники-карикатуристы мастерски обыграли и гипертрофировали физиономические данные горе-стратега: чёлка набок, утиный нос, щётка усов под ним и искривлённый в горестном плаче корытообразный разинутый рот. Скорбная физиономия Гитлера по-старушечьи подперта одной, сжатой в кулачок ладошкой... А в верхнем правом углу, рядом со словом Сталинград, состоящее из «паучьих» свастик большое кольцо, обведённое ярко-красной линией. Было понятно, что именно по поводу этого «колючка» (как я потом выяснила, с остатками 6-й армии вермахта под командованием фельдмаршала Паулюса) «убивается» Гитлер, причитая то, что написано внизу плаката: «Потеряла я колючку...» (А в колючке 22 дивизии). 1943 год. Так вот о чём говорил и пел папа, проводя аналогию между современными событиями на Украине и днями Сталинградской битвы, которая считается «самой ожесточённой и кровопролитной» за всю историю мировых войн и которая стала «началом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны». С неё началось изгнание немецко-фашистских войск с территории нашей страны.

Как же я сразу не догадалась, услышав про 22 дивизии в «колючке», что это связано со Сталинградом, а теперь — городом-героем Волгоградом, который в нашей семье считается «родным» и в котором мы неизменно бываем несколько раз в год?! В 1942 году Сталинград защищал мой пра-

прадед, Петров Виктор Иванович, стрелок-снайпер войск НКВД по охране оборонных предприятий промышленности. А сейчас в Волгограде живёт его сын, Петров Анатолий Викторович, подполковник ракетных войск стратегического назначения в отставке, наш любимый дядя и дед Толя. Я смотрела и смотрела на плакат Кукрыниксов, и невольно перед глазами вставали военно-исторические места и памятники Волгограда, свидетельствующие о страшной цене нашей победы над фашизмом. Каждый год, приезжая в город, я прихожу к ним. Каждый год, поднимаясь к вершине Мамаева кургана, к статуе Родины-матери, я отсчитываю двести ступеней по количеству дней и ночей, пришедшихся на Сталинградскую битву, 200 дней и ночей из 1418 дней и ночей всей Великой Отечественной войны. Каждый раз мне хочется идти по этим ступеням на цыпочках, не опираясь на ступню целиком, потому что здесь каждый сантиметр земли пропитан кровью, потому что за сто тридцать пять дней битвы за курган здесь остались лежать более тридцати четырёх тысяч советских воинов. Каждый раз в Зале воинской славы от «Грёз» Шумана, от траурных знамен из красной смальты с именами погибших, от огромной беломраморной руки, держащей факел Вечного огня, от чеканного шага смены Почётного караула у меня что-то обрывается внутри, и я плачу какими-то очень жгучими слезами, от которых потом так болят глаза. А однажды, выйдя на яркий солнечный свет из Музея-панорамы «Сталинградская битва», я как будто ослепла, а потом несколько мгновений не видела ни сверкающей от серебряной ряби реки, ни красивой набережной... Из серой мглы выступали с пустыми оконными глазницами обугленные скелеты домов на огненном фоне пылающей Волги от горящего в ней мазута, нефти и бензина. Это было всё, что осталось от жилых кварталов, школ, больниц, детских садов после двух тысяч самолётовывлетов 4-й воздушной армии Люфтваффе, ковровыми бомбардировками уничтожившей мирное гражданское население города. В чудовищном костре задохнулись в подвалах под обломками домов, сгорели заживо тысячи женщин, детей, стариков... Видение исчезло, зрение быстро вернулось, но потрясение осталось. Свыше сорока тысяч мирных жителей Сталинграда погибли в этом аду!

Я пролистала оба альбома, но неизменно возвращалась к одной странице, к плакату, который не хотел меня отпускать. В особом его притяжении, невероятной силе воздействия скрывалась какая-то психологическая подоплёка. И это, несомненно, было связано с виртуозным использованием и обыгрыванием строк из русской народной песни: «Потеряла я колечко...». Именно на её основе рождался и визуальный образ. Я заметила, что большинство сатирических плакатов этих художников строятся на фольклорном материале: «Потеряла я колечко», «Есть на Волге утёс», «Против молодца — сам овца», «Фрицкин кафтан»... В этой глубокой народности политической сатиры Кукрыниксов и заключается, скорее всего, её невероятная магия, потому что в ней зашифрован особый ментальный тип русского

человека и война, наш национальный культурный код. Именно этот код передаёт зрителю целый комплекс эмоциональных переживаний, где самое сильное чувство — презрение к духовной нищете врагов, злобных авантюристов, «кровавых шутов с манией величия», подлежащих уничтожающему осмеянию. Именно простонародный характер органического единства словесных и образных элементов плаката рождает такой характерный для русского человека смех. Этот смех с позиции абсолютного нравственного превосходства, смех лукавый, уничижительный, убивающий морально, но лишённый звериной злобы и мстительности.

Многое заставили меня передумать сатирические плакаты Кукрыниксов, но ещё какая-то мысль, пока не оформившаяся в слова, не давала успокоиться. А вечером первого школьного дня после зимних каникул она, наконец-то, обрела формулировку. Во время уже совместного с папой исполнения его песни о потерянном колечке по поводу первой победы российских войск в новом, 2023 году (победы в Соледаре), я высказала вдруг созревшую идею:

— Вот взять бы этот сюжет у Кукрыниксов, заменить только главного персонажа, сам знаешь кем, а вместо Сталинграда вставить Соледар — и на фронт нашим бойцам для поднятия духа!

— Интересная мысль, — улыбнулся папа.

— Только, мне кажется, градуса злости, ненависти в карикатуре не хватает, — продолжала я. Но тут папа покачал головой, со мной не соглашаясь, а потом спросил:

— Знаешь, чему больше всего удивился адъютант Паулюса, Вильгельм Адам, находясь уже в плену?

— Мужеству и стойкости наших солдат, жителей и рабочих Сталинграда? — предположила я.

— Этому тоже, но прежде всего тому, как советские солдаты среди развалин своего города вытаскивали из карманов и предлагали пленным немцам, истощённым и оборванным, свой кусок хлеба, папиросы, махорку...

— Это ты сейчас о загадочной русской душе?

— Ничего загадочного в нашей душе нет, — как-то очень серьёзно, помолчав, ответил папа, — это, наверное, просто тип сознания, в котором нет агрессивности, жажды насилия и мщения, чувства превосходства и ненависти, вопреки всему...

Папа сказал про «тип сознания», и мысль, беспокоящая меня, наконец, нашла свое слово — «самопознание». Нет, точнее, «самоидентификация»! Это труднопроизносимое слово, ранее мало значащий для меня книжный термин, кажется, из учебника по обществознанию, стал вдруг востребованным и понятным! Плакат Кукрыниксов «Потеряла я колечко...», так подействовавший на моё воображение, отражал не просто важное историческое событие Великой Отечественной войны, он передавал одновременно его оценку с традиционной для русского человека точки зрения. Он призывал

прислушаться к ней, поверить в её оправданность и мудрость, принять её в своё сердце. И сердце говорило: «Да!» Плакат точно «запустил» во мне процесс, который и можно назвать только так — самоидентификацией: я думала, вспоминала, чувствовала и воспринимала всё так, как это свойственно моему народу!

Секрет песни был разгадан, но теперь рядом со мной навсегда останутся Кукрыниксы, «снайперы советской сатиры», плакаты которых «работают» и сейчас так же, как и в годы Великой Отечественной войны. Они «работают», укрепляя нашу веру в Победу добра и справедливости, в Победу во имя памяти о героическом поколении наших прадедов, памяти, которая даёт нам только одно право — быть достойными их. Да будет так!

ИЛЬЯ АПАРЕН

9 класс

Наставник: Апарена Надежда Валерьевна, учитель русского языка и литературы

Государственное бюджетное
общеобразовательное учреждение
Самарской области средняя
общеобразовательная школа
им. Е. М. Зеленова п. г. т. Новосемейкино
муниципального района Красноярский
Самарской области
Самарская область

Вахта Памяти

Вновь обрётшие имя из забвенья встают,
И над скромной могилой сияет звезда.
«Вахту Памяти» внуки благодарно несут,
Чтоб уроки войны не забыть никогда.

«Вахта памяти», Tsagana

Прошлым летом мой друг Юра — студент Самарского университета, член поискового отряда «Сокол» — пригласил меня на выставку, где были представлены экспонаты музея Самарского отделения «Поискового движения России». За холодным стеклом витрин на зелёном сукне в строгом порядке желтели документы о расстрелах фашистами мирных жителей, застыли кадры с вагонами, заполненными женщинами и детьми, которых угоняли в Германию. На открытых стендах — найденные в солдатских захоронениях предметы: смертные медальоны, котелки, кружки, ложки с нацарапанными инициалами, номерные значки, награды, донесения о боевых потерях. На стене — цветные фотографии с поисковых работ. На одной из них старушка в чёрном обнимает могильный холмик...

В сердце кольнуло: прабабушка Олимпиада, по-домашнему Пияда, гладит сухой жилистой ладонью единственную фотографию своего первенца Саши. Она виновато вздыхает и потихоньку утирает слёзы уголком чёрного шерстяного платка. Такой я её и запомнил. Александр Лаптев погиб в январе 1944 года. Ему было девятнадцать. А сухая фраза из похоронки «Пал смертью храбрых» не могла рассказать родным о том, где его могила и есть ли она вообще.

В этот день на выставке я дал себе слово стать участником поискового отряда.

Осенью я пришёл на первое собрание... Зимой мы изучали архивные документы, составляли маршруты полевых экспедиций, намечали места возможных захоронений, готовили инструменты, учились ставить палатки. В апреле выехали к месту поиска в поле, освобождённое от старых мин и снарядов.

Командир отряда Иван Кузьмич говорил по-военному четко:

— Каждая мелочь важна, каждая пуговичка, каждый осколок... В этом лесу в январе 1944 года шли длительные бои за Винницкую область. Были большие людские потери. Ребята, будьте предельно внимательны! Удачи!

Крепко сжав губы и сложив руки за спиной, прихрамывая на левую ногу, он скрылся в темноте штабной палатки. Мы знали, что Иван Кузьмич, воевавший в Афганистане и прошедший Чечню, возглавил поисковый отряд не случайно. Он уже много лет не терял надежды найти останки без вести пропавшего в годы войны деда.

Прихватив сапёрную лопату и длинный шуп, я направился в свой квадрат поиска. Апрельский ветер непредсказуем: то теплом обдаст, то освежит морозной прохладой. От работы стало жарко. Пришлось скинуть куртку. Капли пота обжигали глаза. Но я не останавливался, всматриваясь в каждую песчинку, проверяя каждый сантиметр земли шупом. Копать становилось всё труднее. Мой утренний энтузиазм поубавился. Вдруг шуп на что-то наткнулся. Пришлось поработать щёткой, сметая слой за слоем песок и землю.

— Ребята, сюда! — крикнул я, не веря своим глазам. Вот это удача! Не зря говорят, что новичкам везёт!

На дне ямы виднелся обожжённый край командирского планшета. Кожа на нём местами истлела, да и ремешок еле держался. Иван Кузьмич помог мне аккуратно обкопать находку и освободить её от пристывшей местами земли. Все ребята прибежали посмотреть на ценный предмет и поздравить меня с почином. Я светился от счастья.

После обеда нас позвали в штаб. В центре палатки на большом столе лежали извлечённые из планшета бумаги: пожелтевшая от времени, вся в красных и синих отметках карта, потёртая красноармейская книжка, полуобгоревшие карточки с едва читаемыми записями донесений о боевых потерях.

— По обрывкам фраз из найденных документов ясно: взвод относился к 17-му гвардейскому стрелковому корпусу и участвовал в прорыве из окружения группировкой германских войск в районе Корсунь-Шевченковского направления на 1-м Украинском фронте в январе 1944 года, — пояснял Иван Кузьмич, записывая информацию на диктофон. — Шло наступление на Жмеринку через Липовец. Под хутором Конюшевка завязался бой с противником, пытавшимся непрерывными атаками приостановить продвижение наших войск в направлении Винницы. Не обошлось без убитых и раненых...

При свете фонарей в штабе раздавалось только шуршание пожелтевшей бумаги. Мы бережно раскладывали на столе донесения о безвозвратных

потерях. На каждом из них размашистым почерком синим химическим карандашом данные о погибшем. Я тщательно проверял информацию и заносил сведения в полевой дневник: Малышев Георгий Васильевич, Лукашин Александр Петрович, Родионов Пётр Григорьевич, Панов Иван Миронович... Лаптев Александр Степанович...

Однофамилец? В солдатских списках тысячи Лаптевых! Пытаюсь разобрать место рождения: «Куйб...ая обл., Кр...кий р-н, с. Стар...кино». Буквы расплываются перед глазами.

Читаю дальше: «Год рождения: 1925».

Меня словно окатило ледяной водой... Это Саша — младший сержант, сын бабушки Пияды. «Убит 24 января 1944 г. Место первичного захоронения: Винницкая обл., Липовецкий р-н, х. Конюшевка». Мысли роем пронеслись в голове. Но я понял одно — мой святой долг теперь поклониться его могиле. Долг и перед ним, и перед бабушкой.

Мы сидели у вечернего костра. Иван Кузьмич по-отечески положил мне руку на плечи. В глазах ребят-поисковиков отражались отблески огня. В торжественной тишине каждый думал о том, что мы не только возвращаем людям их близких, но и дарим надежду всем, кто по сей день ищет пропавших без вести солдат. Для себя я решил: на следующий год обязательно поеду с отрядом.

Эти ржавые каски, медальоны простые
Лучше всяких учебников помнят войну.
Их хозяев поныне ждут и помнят родные,
Имена их Истории надо вернуть.

«Вахта памяти», Tsagana

ЕКАТЕРИНА МУЛКАХАЙНЕН

8 класс

Наставник: Челнокова Людмила Михайловна,
учитель русского языка и литературы

Государственное бюджетное
общеобразовательное учреждение
гимназия № 397 Кировского района
Санкт-Петербурга
имени Г. В. Старовойтовой

г. Санкт-Петербург

Ермак и Крысиный Царь (блокадная сказка)

...Их становилось с каждым днём всё больше.
В атаку шла прожорливая рать.
Но в Ленинграде не осталось кошек,
Чтоб одолеть зубастую напасть...

Айрин Зэд

Высокие стены дворца не давали резким порывам ледяного ветра сбить девочку с ног. Ей было десять лет, но на вид больше шести, наверное, никто бы не дал. Она шла, низко наклонив голову, пытаясь укрыться от колючей пронизывающей январской выюги, изредка вскидывала голову, чтобы проверить, сколько ещё осталось до спуска к реке, где была ближайшая прорубь. В руке у неё был большой бидон, и это ещё был вопрос, донесёт ли она свою ношу обратно...

Маше сегодня было особенно тяжело на душе: именно в этот день, год назад, умерла мама, и она осталась с бабушкой. Бабуля у неё была самая лучшая: шустрая сухонькая старушка — служащая того самого огромного дворца-музея, мимо которого сейчас шла Маша.

Год назад они вдвоём тянули санки с телом матери на кладбище. И вроде груз был не тяжелый — голод первой блокадной зимы превратил статную дородную женщину в скелет, обтянутый кожей, — да и сами тянувшие были измождены до предела... В тот день Маша повстречала на улице ещё одного страшного врага ленинградцев — целую стаю крыс. Колышущаяся серая масса вылилась на улицу и стала пересекать проспект. Люди в ужасе шаркались в стороны. Попятилась и Маша. Бабушка тогда нагнулась поправить скорбный груз и процедила сквозь стиснутые от отвращения зубы:

— Отожралась на человеческих трупях! Вот поэтому мы обязаны с тобой довести маму и похоронить!

Да, в ту первую страшную зиму Маше довелось часто видеть умерших прямо на улице людей. Конечно, их пытались убрать и похоронить, но сил у еле живых горожан не хватало.

Потом пришла весна, и город превратился в один большой огород. В вишачем саду дворца тоже стали выращивать овощи. Маша вспомнила, как её поразила тогда, в мае, сирень — её вырвали с корнем для увеличения места под посадку, — кусты стояли там же, у стен, с кусками земли на корнях, медленно увядая. Много в ту блокадную весну видели люди смертей. Тяжело умирала и эрмитажная сирень...

Так, погрузившись в воспоминания, добрела Маша до заветных ступеней, спустилась к проруби и потом с полным бидоном, стараясь не расплескать драгоценную ношу, стала карабкаться по обледеневшим ступенькам. Девочка почти уже дошла до входа в Эрмитаж, как из подвала ей под ноги кинулось несколько десятков отвратительных грызунов. Они с невероятным писком свалили её на землю, вода, естественно, вся вылилась, а мерзкие твари продолжали бежать по ней прочь от открытого подвального окна. Маша сильно ударилась головой, и ей показалось, что она потеряла сознание. Придя в себя, первое, что она увидела, были два огромных зелёных глаза. Большой серый кот сидел около её головы и пристально наблюдал за девочкой. Его уши, одно из которых было изрядно потрёпано, да так, что с него капала кровь, были сосредоточенно наострены уловить малейший звук от ребенка. Маша закричала, схватилась за голову и села.

— Ты как? — спросил кот.

Это было настолько неожиданно, что Маша, завизжав, стала отползать к стене.

— Постой, не бойся! — кот подошел к дрожащей девочке и уселся напротив. — Я понимаю, как это выглядит: говорящий кот. Такого быть не может! А вот видишь — бывает... Мне помощь твоя нужна. Потому что, видимо, одна ты меня слышишь и понимаешь... — кот вздохнул, поднялся и отошёл к двери, гордо подняв дымчатый хвост.

Маша медленно приходила в себя. Голова побаливала, сидела она в луже, промокла насквозь — нельзя было и думать о том, чтобы идти опять за водой. «Нет-нет! Я упала, ударилась — вот и причудилось мне! Коты не разговаривают! Что за глупости!» — думала девочка, поднимаясь на ноги. Она собралась дойти до подвала во дворце, где они с бабушкой жили уже год, и переодеться.

— Иди аккуратно, здесь могут прятаться крысы, — раздалось откуда-то справа. Маша подпрыгнула от неожиданности:

— Ты кто? Ты, правда, говорящий кот?!

— Конечно! А ты — Маша. Послушай, ты вся мокрая. Пошли, провожу тебя и объясню кое-что по дороге.

Путь до второго бомбоубежища проходил через Двенадцатиколонный зал. Светомаскировки на окнах не было, впрочем, и самих окон осталось мало. Остатки стёкол иногда хрустели под ногами, царапая дорогой наборный паркет, который и так был сильно повреждён снегом и дождём. Дорогая роспись потолков осыпалась от холода и сырости, причудливыми чешуйками

покрывая всё вокруг. Каждый раз, как Маша проходила здесь, она стискивала кулаки в бессильной злобе и цедила сквозь зубы: «Мы все отремонтируем! Ты будешь ещё красивей, чем до этой страшной войны!» Ведь она видела, как сотрудники музея бились за каждый экспонат, который не удалось отправить в эвакуацию, за каждую фреску или барельеф. Как все, по очереди, кладовщики и экскурсоводы, археологи и кровельщики, дежурили на крышах, гася зажигательные бомбы, как тушили пожары, возникавшие то здесь, то там.

— Маш, ты слушаешь меня? — кот вывел девочку из задумчивости.

— Прости, как, ты сказал, тебя зовут?

— Ермак, Ерёма. Можно Максик. Я в Эрмитаже всю жизнь живу... Да-а, и ещё хотелось бы пожить, — кот немного помолчал и продолжил, — нас много было, около пятидесяти. Теперь трое: я, Мурка и Малышка.

Маша не знала, куда отвести глаза — она помнила, что случилось с большинством пушистых охранников. Их съели. Съели обезумевшие от голода и страха за жизни своих детей люди. Преступившие, казалось бы, неписанные законы, но оставшиеся, по мнению Маши, всё равно порядочными людьми: «Ленинградцы спасали свои жизни, чтобы спасти свой город!» И она пристально посмотрела на Ерёму:

— Мне очень жаль, но это спасло много жизней!

— Нет, я уже не осуждаю... смирился. Просто теперь совсем некому бороться с Царём. Его армия наступает. Здесь, во дворце, они крадут ваши последние крохи, а могут даже напасть на спящего или слабого, а сколько уже испортили, разгрызли и изодрали ценных экспонатов! Целые полки Царь направил по Шлиссельбургскому тракту к городской мельнице. А там зерно для всего города!

— Ты про какого царя-то говоришь?

— Про Крысиного. Я расскажу тебе нашу историю. Давным-давно русская императрица Елизавета Петровна, дочь Петра I, выписала из Казани тридцать сибирских кошек. Тридцать лучших крысоловов для защиты новой царской резиденции — Зимнего дворца в Петербурге. Так мои предки попали сюда. Вскоре с засильем крыс было покончено. Но люди не знали, что мы заключили перемирие с нашими врагами. Крысиные цари из поколения в поколение соблюдали его... А потом пришёл невиданный доселе враг. Мы узнали слова «фашисты», «нацисты», «немцы». Мы поняли, что прежней жизни наступил конец: мы видели страх и ужасное беспокойство на лицах людей, мы чувствовали холод и голод так же, как вы. Но мы поняли, что жители города, что люди в нашем дворце, — не собираются сдаваться. А Крысиный Царь понял, что наступило время для реванша за долгие десятилетия жизни «в подполье». Они теперь не боятся никого. Их цель — захватить весь город.

— Что же делать? — Маша от ужаса прикрыла рот холодной ладошкой.

— Недавно в кабинете директора я слышал разговор начальника охраны с Петром Казимировичем. Они говорили, что наша армия наступает с востока — вот-вот прорвёт блокаду. И тогда будет легче с продуктами. А ещё я слышал вот что: в Ленинград собираются привезти кошек. Много-много

кошек из Ярославской области. Мне нужно, чтобы ты привела сюда тех, кто поможет мне победить Царя. Я ведь не могу ходить по городу.

— Да как я котов-то приведу? Или они все по-русски говорят?

— Нет, не говорят. Это ты научишься говорить по-кошачьи. Времени у нас мало. Ты согласна?

— Конечно! Когда начинаем?

— Сегодня вечером и начнём.

С того разговора прошло несколько недель. Операция «Искра» советской армии оказалась удачной. В город пошли эшелоны с продуктами, медикаментами, оружием. А в Эрмитаже Ермак и Маша готовились к встрече кошачьего отряда. Это была странная дружба, по мнению многих. Девочка разговаривала с котом то человеческим языком, то начинала мяукать. А кот то порывкивал, то урчал, то ласково мурлыкал.

— Послушайте, Галина Львовна, — обратился к бабушке Маши сосед по бомбоубежищу — археолог, специалист по Древнему Египту, — мне очень жаль, но, кажется, Машенька-то наша несколько не в себе. Покажите Вы её доктору!

Но бабушка заметила другое: Маша стала более активной, у неё засветились глаза, словно у девочки появилась какая-то заветная мечта, и мечта эта вот-вот сбудется.

Наступила весна. Апрельское солнышко топило высоченные сугробы на улицах, разгоняло соки по стволам немногочисленных выживших в блокадные зимы деревьев. Маша бегала каждый день на Московский вокзал — ждала поезд с кошками. И он пришёл — пять вагонов дымчатых крысоловов прибыли в измождённый голодом, обстрелами, набегами серых крысиных полчищ город.

Девочка стояла, прижавшись к стене здания, и наблюдала, как открывают тяжёлые железные двери вагонов, слышала противный лязг металла, и, наконец, увидела, как из вагонов выскакивает стая обезумевших от дальней дороги животных. Кого-то хватали стоявшие на перроне люди, кого-то пытались посадить в клетки, но основная масса вылилась на улицу, почти под ноги Маше. И тут наступил звёздный час прилежной ученицы Ерёмы: Маша издала громкий боевой клич сибирского кота. Люди вокруг оборачивались в недоумении, кто-то пытался найти милиционера, кто-то с сожалением смотрел на девочку и шёл по своим делам. А вот кошки, не все, а тридцать — тридцать пять хвостатых охотников, как по команде, остановились рядом с Машей. Девочка присела на корточки и продолжила разговаривать с котами. А потом они дружно пошли за своей новой подругой, не обращая внимания на удивлённые возгласы людей вокруг.

В Эрмитаже их встретил Ермак и объяснил, что предстоит им сделать. Он стоял, как полководец в окружении верного войска: коты смотрели на него как на признанного вожака. Но Маша заметила, что взгляд одной кошки был особенно заинтересованным. Как оказалось, звали её Василиса, и именно она стала впоследствии верной боевой подругой Ерёмы.

Маша навсегда запомнила ту неделю после приезда пушистого десанта. Жуткие предсмертные крики крыс, совсем непохожие на их обычные пiski,

доносились то из одного зала музея, то из другого. В подвалах проходили целые сражения: против сотни крыс выступали десять–двенадцать котов. Они их не ели: душили и брезгливо оставляли. А Крысиный Царь всё ещё надеялся, что ему удастся сохранить свою власть. Он вызывал полки своих подданных на подмогу, но их становилось всё меньше и меньше.

И вот наступил день решающей битвы. Самые отчаянные, самые матёрые пацоки охраняли своего Царя. Да и сам он был гораздо крупнее обычного крысиного самца, но в честной схватке, один на один с Ермаком, у него не осталось шансов. Столько решимости, ненависти, уверенности в своей правоте было у кошачьего вожака, что через две минуты всё было кончено. Ермак вышел к людям, которые собрались у подвала, поняв, что происходит что-то очень важное, с трудом таща в зубах ещё теплое тело своего злейшего врага. Кот бросил мёртвую крысу к ногам удивлённых сотрудников, прошёл мимо десятков людей, задержался около Маши, пристально посмотрел ей в глаза и громко мяукнул. «Спасибо!» — прозвучало чётко и ясно в голове девочки, но от кота человеческой речи Маша больше не слышала...

... Мария Сергеевна выпила свой утренний кофе, оделась в элегантное пальто и, конечно, не забыла шляпку — как же без шляпки гулять по Санкт-Петербургу — и вышла на улицу. Сегодня, как, впрочем, и каждый день, после выхода на пенсию, она собиралась совершить свою обычную прогулку вокруг Эрмитажа. Хотя нет, сегодня её прогулка должна была быть намного длиннее. Итак, она дошла до Миллионной улицы и повернула в сторону здания Нового Эрмитажа. Издалека заметив могучих атлантов, Мария Сергеевна в который раз вспомнила слова песни:

*... Где без питья и хлеба, забытые в веках,
Атланты держат небо на каменных руках.*

И опять подкатили слёзы. Будто вчера было: попадание снарядов в портик, повреждения у одной из скульптур. Но здание сохранилось, атланты выстояли, как выстояли ленинградцы, немощные телом, но непобедимые духом.

Задержавшись немного в раздумье, Мария Сергеевна бодрым шагом направилась через Дворцовую площадь к троллейбусной остановке. Она доехала до Гостиного двора и по подземному переходу вышла на Малую Садовую улицу. Сразу стала искать глазами что-то на уровне второго этажа на домах — так ей объяснили. И она нашла! Слева по карнизу шла игривая кошка Василиса, а справа на специальном постаменте сидел кот Елисей. Всё это она узнала из рассказа о новом памятнике ленинградским котам, спасшим город от нашествия крыс. Мария Сергеевна улыбнулась, подмигнула коту, смотрящему вниз на проходивших мимо людей, и сказала:

— Ну, привет, Ерёма! Я знаю, что это ты!

Санкт-Петербургский городской суд 20 октября 2022 года признал блокаду Ленинграда в годы Великой Отечественной войны преступлением против человечности, геноцидом советского народа.

ИГОРЬ ЕРМАКОВ

9 класс

Наставник: Ермакова Елена Викторовна,
учитель истории и обществознания

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 77
г. Воронеж

Воронежская область

Дорога на крови

Пасха. Мы, как всегда, едем в этот день в Спасский монастырь, в Костомарово. Наш Одиссей не бежит — летит по гладкому асфальту, справа и слева мелькает свежая зелень деревьев, на обочинах одуванчики, пригревает солнце.

Дорога хорошо знакома. До Острогожска будем ехать прямо и прямо. В сам город, скорее всего, не поедем, свернём влево, в объезд. Потом Каменка. Потом Подгоренский район, Сончинское и Юдинское поселения, а там и Костомарово. Чтобы скоротать время, с собой у меня книга по программированию, но читать наскучило, смотрю в окно.

По пути много памятных мест, связанных с Великой Отечественной войной: здесь гремели бои Острогожско-Россошанской операции. Алёша тоже смотрит в окно, боится пропустить хоть один памятник. Удивляюсь, как его, такого малыша, тянет к военной технике. В прошлый раз, когда мы остановились, чтобы посмотреть вблизи «Беспощадного», он бегом бросился вперёд к танку, обежал его вокруг и не успокоился, пока его не подняли потрогать броню ладонями. Трогал бережно, как будто гладил. На прощание прижался мордахой. У меня рядом с боевыми машинами всегда возникает странное чувство: мне кажется, что они просто спят, но стоит прозвучать грозному приказу, и эти танки, самоходные установки и артиллерийские орудия тут же оживут и всей мощью обрушатся на врага...

Мама хмурится, хотя указатель с латинскими буквами уже проехали. Мадьярское кладбище. Ни я, ни Алёша не спрашиваем, кто такие мадьяры. Нам давно рассказано, что во время войны, кроме немцев, на нашей земле зверствовали венгры. В ходе освободительных боёв их не брали в плен — такой приказ отдал генерал Ватутин. И вот теперь их останки лежат здесь,

в земле, которая их ненавидит. Мама считает, что хуже проклятия для мадьяр нет — лежать там, где их костям нет покоя. А родная земля их не приняла.

Перед въездом в Каменку на большой клумбе цветут яркие тюльпаны. Больше красных. Целое поле. И рядом с тюльпанами на фрагменте рельсового пути — чёрная вагонетка и массивные колёса.

— Мама, что это? — спрашивает Алёша. — Это зачем? Что грузить?

— Ничто не грузить, — мама вздыхает. — Тяжёлое место. Дорога на крови.

— Как это «на крови»? — не унимается Алёша.

— Дорогу здесь строили. Много людей погибло.

— Почему погибло? — брат спрашивает тихо, со страхом.

— Фашисты убили.

— Мадьяры?

— И мадьяры.

Памятник остаётся позади. До Костомарова ещё достаточно далеко. В Каменке мама идёт в магазин за гостинцами для сестёр. Я достаю телефон, пишу в поисковую строку: «Дорога на крови», открываю заметки и фотографии... И безоблачное синее весеннее небо тускнеет над моей головой. Весна теряет краски. Этой страницы истории родного края я не знал. Представить не мог, что такое было...

Оказывается, во время боёв за Сталинград фашисты решили построить новую секретную железную дорогу на уже захваченной территории в обход станции Лиски. Строить нужно было быстро, армия в Сталинграде требовала техники, боеприпасов и людских ресурсов. Поэтому по всей территории строительства появились концлагеря...

Концлагеря... Нам рассказывали о них в школьном музее. Но это были Аушвиц в Польше, Бухенвальд в Германии... А здесь, на нашей земле, тоже были концлагеря. Целая система из семнадцати концлагерей для военнопленных и гражданских лиц, действовавших на территории Острогожского и Каменского районов. Она называлась «Дулаг-191». Наряду с военнопленными здесь были беженцы с территории Украины, из Курской, Белгородской, Орловской областей — женщины и дети. А вот стариков не было. Их, а также всех, кто в силу истощения или болезни не мог работать, убивали немедленно.

Охрану лагерей несли мадьяры и немцы, а внутреннюю охрану — наши офицеры, из тех, кто добровольно переходил на сторону противника.

Условия содержания в лагерях были ужасны: так, в Острогожском отделении «Дулага» узников держали в помещении для сушки кирпича, где не было крыши. Они спали фактически на голой земле. Больным и раненым не оказывалось никакой медицинской помощи, перевязочного материала не было. Заключённых подвергали пыткам и издевательствам, били прикладами, кололи штыками.

На стройке железной дороги работали не только военнопленные, но и мирные жители: за опоздание полагался холодный карцер, из которого колхозники выходили на очередную восемнадцатичасовую смену.

Один из выживших военнопленных, военврач 3 ранга Василий Мамченко, вспоминал: «Раны у больных гноились, в них заводились черви, развивалась газовая гангрена, часто были случаи столбняка. Лагерный режим был очень жестоким: пленные работали по десять-двенадцать часов на земляных работах. Кормили их утром и вечером баландой — тёплой водой с просом или ржаной мукой, по несколько ложек. Врач лагеря Штейнбах не обладал специальностью хирурга, но на пленных упражнялся в операциях и многих умертвил. Когда голодные бойцы по пути на работу наклонялись, чтобы поднять с дороги обронённую с воза свёклу или картофелину, мадьяры-конвоиры их пристреливали на месте».

Ежедневно от голода, холода, побоев, гангрены, тифа и других болезней умирало до шестидесяти человек. Некоторые от невыносимой обстановки буквально сходили с ума и кончали жизни самоубийством.

Осенью, в преддверии непогоды, заключённым было разрешено построить подобия барачков и поставить внутри бочки для обогрева. 17 сентября, пока узники находились на работах, мадьяры заложили в бочки ручные гранаты. Когда вернувшиеся с земляных работ промокшие люди развели в бочках огонь, начались взрывы, бараки загорелись. Узники бросались наружу, но мадьяры расстреливали их из пулемётов. Та же участь постигла и мирных жителей, пытавшихся помочь пленным... Что ж, мадьяры заслуженно оставили о себе память как о палачах...

К началу первых заморозков дорога в основном была построена. Уже 2 ноября немцы отправили четырнадцать эшелонов в сторону Сталинграда и Кавказа. На платформах везли солдат, танки, пушки, автомобили.

На тридцатипятикилометровом участке было возведено сорок три моста различной конструкции и протяжённости. Но эксплуатировалась дорога недолго. В декабре 1942 года она сильно пострадала в результате ожесточённых боёв. В ходе Острогожско-Россошанской операции двухсотдневная оккупация Острогожского, Каменского и других районов Воронежской области была снята. А 23 ноября 1942 года армия Паулюса попала в окружение. При отступлении фашисты старались скрыть следы своих преступлений: убивали военнопленных, сжигали документы, разрушали концлагеря. Были уничтожены и все деревянные мосты. Однако земляные насыпи бывших железнодорожных путей до сих пор чётко прослеживаются в рельефе местности...

Общее количество концлагерей на воронежской земле не установлено точно. Историки сходятся во мнении, что их было около пятидесяти. Большинство жертв концлагерей так и остаётся в земле — поисковые работы ведутся с 2010 года по сей день. Этот памятник, с вагонеткой и тюльпанами, был открыт в 2015 году...

Я сижу на скамейке под разлапистой елью на аллейке Спасского монастыря. Алёша убежал далеко вверх по склону меловой горы, его головёнка смешно мелькает среди кустарника. Мама пишет записки на литургию: о здравии младенца, о здравии отрока... А я думаю о том, что во время раскопок на тер-

ритории кирпичного завода на окраине Острогжска в массовом захоронении военнопленных бойцов Красной Армии и мирных жителей были найдены останки семи младенцев и сорока семи подростков. Лёшка, это могли быть и ты, и я... Что-то страшное, тёмное не отпускает мою душу. Как, как такое возможно — прийти на чужую землю убивать?! Как и кто отважился решать, кто имеет право жить и кто должен исчезнуть с лица земли?! И эти мадьяры... даже сил ненавидеть их почему-то нет. Бесчестные убийцы, трусы, самые настоящие трусы, пресмыкающиеся перед немцами — вот что я о них думаю.

Чем их купил, что обещал им Гитлер? Земли? Вот и получили по два квадратных метра на каждого, а ненависти к себе сквозь годы — в разы больше...

...В храме светло и тихо. Алёша протягивает мне свечи. Беру молча. Знаешь, брат, вместе с останками красноармейцев были найдены расплющенные и заточенные гвозди, фрагменты стальных касок, которые были заточены под ножи. Готовился массовый побег наших офицеров из лагеря. Они и в плену не теряли силы духа, готовы были бороться до конца...

Одну за другой ставлю свечи за упокой. Пусть вам будет там светло, и тепло, и спокойно.

АЛЕКСАНДР КРЫЛОВ

9 класс

Наставник: Напиральская Елена Ивановна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 12 с углублённым изучением отдельных предметов»
г. Старого Оскола

Белгородская область

Ирма

Холодно. Очень холодно. Никак не могу согреться. Рядом жмутся друг к другу девочки и мальчики из барака номер 8. Этот номер мы выучили первым: здесь наш дом. Долго, очень долго мы живём в этом доме. И ещё жить. Долго.

Сегодня моя очередь лежать на краю неструганых досок. (Так велела Ирма).

Ирма — второе слово, которое, как гвоздь, вбито в наши головы. Я смотрю на неё внимательно, до рези в глазах. Так надо, чтобы выжить. Ирма сидит, облокотившись на стол, в центре барака. Слева и справа нары с детьми. Маленькими и не очень. Я средний, мне уже шесть лет. Нас, дежурных, четверо. Каждый не сводит глаз с Ирмы. Что скажет и каким тоном? Как встанет и повернётся? Как щёлкнет каблуками и поправит серую пилотку? Всё важно. Это сигналы: опасность, ничего страшного, обедать, гулять, спать.

Ирма поправляет волосы, вздыхает. И тишина. Замерли все, задержали дыхание. Ждём. Тук, тук, тук... Стучит в ушах — не хватает воздуха. Хо-о-о... Выдохнули. Завозились. Притихли.

Ирма — надзирательница. Так её называют те, кто приходит каждое утро. Приходят за нами. Одни в военной форме, другие в белых халатах. Им нужна наша кровь. Каждый раз громко ругаются, даже бьют Ирму по щекам. Им нужна кровь сейчас, много, а дети такие вялые, измождённые.

Вот чему нас учит Ирма: надо выжить, значит, мы не должны быть сытыми, подвижными, весёлыми. По сигналу Ирмы мы умеем втягивать животы, раскидывать бессильно руки и ноги, закатывать глаза, пускать пузыри, натужно дышать. Мы тренируемся каждый день. Снова и снова.

Мы научились прятать малышей между нарами и улыбаться друг другу одними глазами. Надо смотреть на Ирму и строго выполнять её указания. Иначе...

Вчера Гансик смеялся: увидел божью коровку, маленькую и красивую. Мы тоже наблюдали за её полётом, но сигнал Ирмы увидели. А Гансик — нет. Он смеялся. Люди в белых халатах тоже засмеялись и забрали его с собой. Гансик не вернулся, а Ирма плакала и снова заставляла нас играть в игру «Надо выжить».

Ирма встала. Игра началась. Дверь распахнулась. Это Грета — надзирательница из соседнего барака. Еле стоит на ногах, громко хохочет, поздравляет Ирму с началом «дойки». Так и сказала: «Дойка». Радостно начала рассказывать о своих донорах: их осталось так мало, не хочет ли Ирма одолжить ей своих? Грета идёт вдоль нар, сверлит нас холодными глазами. Тук, тук, тук... Снова смех, громкий, страшный: «Какие-то они у тебя неживые. Мои резвые. Никому валяться не позволю! Армии нужны здоровые солдаты, пусть кровь этих гадёнышей послужит великому делу!»

Наконец, Грета ушла, вернее, почти уползла, так напилась. А Ирма, наша Ирма, подаёт знак: отдыхайте! Теперь мы поспим, все, кроме дежурных и Ирмы. Она будет плакать. Беззвучно, одними плечами.

Из нашего барака почти никого не забирают, мы дефективные, бесполезные. Нас почти не кормят (зачем продукты переводить?). Кормит нас Ирма. Каждый день приносит картошку, хлеб, даже молоко. Но оно для малышей. Им труднее переносить голод. Я привык, живот совсем не болит. А когда резь не перестает, надо отвлечься и подумать о бесконечности. Да, такой знак у меня на руке: цифры, цифры и она, бесконечность. Это Ирма сказала, что у меня не восьмёрка упала, а бесконечность появилась. А это хороший знак: буду долго жить. Вот уже и ноги могу разогнуть, судороги прошли. Бесконечность...

К нам пришли ночью. Спали все: пьяная Ирма, переволновавшиеся и уставшие дежурные, голодные и измученные остальные дети. Эсэсовцев привела Грета, она поняла если не всё, то многое: Ирма защищала нас, она предала Фюрера. Ирма осталась человеком, а Грета — нет.

Наша кровь течёт в жилах немецких солдат и офицеров. Нас больше нет. Ирма, номер 8, бесконечность...

АНАСТАСИЯ НАВАЛИХИНА

8 класс

Кировское областное государственное общеобразовательное автономное учреждение «Кировский физико-математический лицей»

Наставник: Архангельская Юлия Викторовна, учитель русского языка и литературы

Кировское областное государственное общеобразовательное автономное учреждение «Лицей естественных наук»

Кировская область

Дорога жизни. Киров–Ленинград

Дети и война — нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете.

Александр Твардовский

Санька ворочался с боку на бок. Неудобно спать на полу вагона, на каком-то сене. Или что это? Тряпка? Уже неважно. Вагон трясётся, так что даже на ощупь разобрать не выйдет. Рядом кто-то сопит. Мальчик, девочка, а может вообще тот бородатый дядя в драном ватнике, что сопровождает их в пути, как ангел-хранитель? Да ещё и храпит, будто трактор. Ну, с ним рядом хотя бы теплее.

Не как на улице, за стенами вагона. Там только холод, непроглядная тьма и рытвины от снарядов. Санька недовольно поёжился и перевернулся на другой бок. В том боку, на котором он лежал — «неправильном» — будто что-то колото. Не больно, но ощутимо и постоянно, что создавало неприятный зуд. Не сравнится, конечно, с тем, когда Серёжка уронил Саньку в крапиву... Ух... Тогда да... Серёжка потом от Сани по всему селу бегал! Раз пять оббежали всё село, даже в реке извалялись, но Саша всё-таки догнал обидчика. Как же ему тогда доста-а-алось...

Мальчик улыбнулся, вспоминая о жизни в селе, и закрыл глаза. Вспомнилось. Налетело шквалом, бурей, волной и захлестнуло с головой, заставив забыть о мрачном вагоне и сопящих во сне детях. Вспоминалось всякое... Картинки в букваре... Песня, тихая, но такая родная, что пела мать... Но внезапно мысли оборвались хихиканьем. Санька открыл глаза.

Человек напротив не спал. Луч железнодорожного фонаря на миг осветил мрачный вагон, и Санька увидел девочку со смешными кудряшками, кото-

рые так отливали медью, что не заметить это было трудно даже при такой мгновенной вспышке света.

— Привет! — улыбнулась девочка.

— Угу, — кивнул Санька. Настроения для разговора с кем-либо не было. Хотелось просто уже уснуть и не думать. Но не получалось. Санька хотел перевернуться, чтобы скрыться от этих лукавых глаз, но пространства было так мало, что манёвр совершить не удалось. Тогда мальчик смирился и посмотрел на незнакомку. Её слегка прищуренные глаза с любопытством уставились на лежащего неподалёку.

— А ты откуда? — спросила девочка.

Мальчик буркнул недовольно:

— Оттуда же, откуда и ты, — и отвернул голову.

— Не рычи на неё, — раздался ещё один голос неподалёку, уже мальчишеский. Сердитый. Санька взглянул туда, откуда шёл звук. Взрослые глаза словно бы заглядывали в самую душу мальчика.

— Не рычи на неё.

— Я и не собирался.

— Но ты уже это сделал.

— Ну... да.

— Тише вы! — шикнула девочка. Оба мальчика сразу затихли и уставились на неё. Они смутились, ведь когда девочка говорит вам прекратить и быть тише, невольно смущаешься.

— Вы кто? — спросил Санька, и новые знакомые (или пока ещё незнакомые?) в один голос ответили:

— Я Саша!

— Так вы оба что ли? Как я?!

— Ну да, — улыбнулась девочка. — Только чтоб нас не путать, меня Шуркой зовут, а его просто Сашей, — и она указала на мальчика, который вежливо помахал истощённой рукой.

— Вы что, городские, что ли? — опять поинтересовался Санька, и Саши так переглянулись, словно серебряные искры ослепили вагон.

— Городские мы, — проговорил, немного промолчав, Саша, — ленинградские.

И смех затих. Все вспомнили, откуда они и куда едут. Саши и Санька погрузнели и затихли. Тишина разрослась, заполнив вагон. Слышался только стук колёс и вой ветра, кидающего снежинки в крышу и стены товарного вагона. Не было окон, не было тех, кто не спит, помимо трёх Саш.

— А вас как нашли? — спросил Санька.

— В смысле?

— Ну, я шел в город к тёте из села, где я жил с родителями, дедом и бабушкой. Небо было в серых тучах, похожих на дым с нашей печки. Вдруг слышу — вой на всю улицу. Ко мне подбежала какая-то женщина, ничего мне не объяснив, и запрятала меня в подвал. Или что-то такое. Там сидели

испуганные люди, кто-то даже плакал. А потом вой усилился. Я закрыл лицо руками и лёг на пол. Мне страшно было. Затем раздался такой грохот, что у меня заложило уши... Нет, сначала был длинный свист. А потом грохот, треск и крики. Там, снаружи за дверью. Когда нас выпустили, я увидел, что дом, около которого мы были, лежит на земле в виде обломков кирпичей и балок. Снег на улицах смешался с грязью, пылью и чем-то ещё. Там вроде кто-то лежал под обломками... Рука торчала. Бледная такая, посеревшая от пыли. А потом к этой руке подбежала девочка лет пяти. Говорит: «Мама, вставай, мама...» Трясёт руку, а женщина лежит. И девочка плачет...

Санька содрогнулся, вспоминая это. Сплотнул. Не хотелось говорить дальше, горло превратилось в лишённую всякой влаги пустыню и неприятно поскрёбывало. На зубах словно чувствовался вкус этой пыли, этой извёстки и чего-то ещё. Железа ли? Страха ли? Или, может, слёз, так и не пролитых за эту девочку и её маму в тот момент, но выпущенных из по-взрослому грустных глаз после? Санька не знал. Как не знал и того, что он может сделать, чтобы избавиться от этого покалывания в груди, скрежета в горле и на сердце.

— Это, наверное, Вера, — подала голос Шура. — Ну, Саш, помнишь? Митьки сестра двоюродная.

Мальчик кивнул, а Санька продолжал, глядя в потолок вагона:

— А потом та же женщина спросила, откуда я и куда иду. Услышав мой ответ, она сказала, что мои тётя и дядя уехали в эвакуацию. Далёко куда-то, за Урал. Я не знал, что делать. Женщина дала мне маленький кусочек чёрного хлеба. Он пах морозом, снегом и соломой. Как дома. Хлеб, конечно, был вкусный, но кончился он так быстро... А потом спасительница, немного подумав, повела меня в какой-то дом. Там сидели дети. Много. Они смотрели на меня так... странно. Словно хотели что-то спросить, но не решались. Они все были такие худые и бледные, кто-то лежал, кто-то сидел, кто-то переговаривался. Тихо так, почти бесшумно. Как листья шуршат по осени, когда идёшь по лесу... А потом выходишь в поле, где растёт, склоняясь от ветра, берёзка, сядешь на землю в тени опадающей листвы. Слева — просёлочная дорога, которой конца не видно, справа — спуск к реке, где шепчущие ивы лепечут тихо свои ивовые песни. — Санька понял, что отвлёкся, и, запнувшись, продолжал, — так... О чём это я? А, да. Та женщина дала мне стакан кипятка (я обжёгся, потому что сильно замёрз на улице) и ещё немного хлеба. Я остался в том доме, стал помогать там — посуду, допустим, помыть, пол прибрать, с детьми посидеть. Их было больше двадцати, но я всех запомнил. Была и парочка взрослых. Одна женщина, видимо, сошла с ума — она видела во мне своего сына и всё время спрашивала, не хочу ли я есть. Был дедушка — тихий такой, спокойный. Всегда был очень вежливым — «здравствуй», говорил, «спасибо», «пожалуйста», называл меня ласково. Словом, добрый, как мой дед. Ещё была девочка, она лежала на кровати всё время. Худющая такая, маленькая и бледная. Когда я к ней приходил, она всё время молчала, улыбалась и смотрела на меня своими серыми серьёзными

глазками. Я иногда видел, как она смотрит в окно. Долго, почти не моргая и глядя в одну точку.

Санька замолчал. Шурка задумалась.

— Она, наверное, ждала кого-то.

— Не дождалась. Сторела. Растаяла, как снежок по весне или кусок хлеба во рту. Я не мог смотреть на то, как её выносили. Она была настолько лёгкой, что я легко мог бы унести её. От неё почти ничего не осталось. Голод убил её.

Мальчик снова замолчал.

— А затем та женщина сказала мне, что нас эвакуируют. На поезде. Это вот. Я тогда очень обрадовался, что мне не будет больше страшно — всё равно вместе веселее. Потом я вспомнил о маме, папе, деде и бабушке и загрузил. Я не знал, где они и что с ними... Знаете, — обратился Санька к новым знакомым, вырвавшись внезапно из своих мыслей. — Я ведь никогда в Ленинграде и не был. Красиво у вас. Жаль, я раньше не приезжал.

— Ага. На Невском проспекте очень красиво, — мечтательно проговорил Саша.

— На набережной канала Грибоедова тоже, — добавила Шурка.

— Там я не бывал. Меня сразу на поезд, сюда, в вагон. А вы тут как?

— Нас тоже эвакуировали. Мама сначала очень боялась нас отпускать — слышала, что недалеко поезд разбомбили прямо на станции, пока детей увозили. Почти никто не выжил... — Саша поёжился.

— Неприятно — не говори, — посоветовала Шурка.

— Нет, ничего, за рассказами быстрее время скоротаем. Так вот... О чем это я? Ах, да. Моя мама сначала не хотела нас отпускать: она боялась, и нам ещё нужно было учиться. Мы пока не уехали, всё учились. Представляешь, как было трудно: складывать в задачах яблоки, груши, мешки с мукой и картошкой, когда у тебя всего этого нет? Читаешь условие, а у самого в животе словно что-то коченеет от голода. После школы нам каждому давали немного бряквы. Мы её не ели, несли по домам. У меня-то только мама дома, а у Шурки — бабушка, мама и маленький брат. После школы мы заходили за хлебом, приходилось долго стоять в очереди и по карточкам хлеб выкупать. Такой маленький кусочек, с мамину ладонь, и это на целый день.

— Если с мамину ладонь, тогда кусочек не маленький. Мамины ладони самые большие и самые тёплые, — заметила Шурка.

— Да, — согласился Саша и продолжил. — После длинно-у-ущей очереди мы шли домой. Мы жили через дорогу. Потом, когда наш дом разбомбили, переселились в дом напротив. Там одна квартира пустовала, вот туда и заселились, этажом ниже, чем Шура. Потом, когда топить стало нечем, мы стали жить в одной квартире, затем и в одной комнате. Всю мебель, книги — кроме сказки «Маленький Мук» — сожгли в буржуйке. Потому что тепло — это жизнь. Чтобы жить, нужно тепло, хлеб и чтоб не стреляли. Тепло было почти всегда, если у нас было, чем топить. Иногда мы несли, что могли. Иногда наши мамы, если были силы. Примерно за месяц до эва-

куации умерла бабушка. Она спала с Шуркой и обнимала её. И когда умерла, тоже. Её руки потом еле разжали. Она до последнего стремилась дать внучке тепло. Есть тепло — есть жизнь. Тепла нет — жизнь создаёт его сама и не замечает, как догорает. Как спичка. Вот. А потом в школе сказали, что нас эвакуируют. Кто-то плакал, кто-то радовался. И страшно было уезжать, и грустно, и от родителей ни весточки, а вроде бы и не так голодно, и не так холодно, и бомбят меньше. Но по родителям-то скучаешь всё-таки... Эх... Когда только-только блокада началась, Шурка маме сказала: «А правда, что будет война, и я не успею вырасти?», на что ей ответили: «Не говори глупостей!» Я слышал, Шуркина мама потом плакала на кухне ночью... Я шёл воды попить, а Лидия Ивановна плакала. Я слушал и в итоге забыл про воду. Передумал. И в ту ночь я понял, что смерть — это страшно. Что война — это страшно. А когда мы с мальчишками в войнушку играли, всё было так... игрушечно. И вот эти «бдыщ» и «пиу-пиу» на самом деле страшно.

Саша замолчал. Тут только Санька понял, что и Шурка молчит. Глянув на неё, он не очень-то удивился: она спала, свернувшись калачиком, не обращающая внимания на жёсткий пол, покрытый грубой соломенной подстилкой.

— Спит, — Саша осторожно, чтобы не разбудить, погладил Шурку по плечу. — Пусть. Ей нужно отдохнуть. Она очень плакала, когда мы уезжали. У неё даже голова от этого заболела.

Саша вздохнул.

— Мне сказали заботиться о ней. Пока мы в эвакуации (так мама сказала), у неё больше никого нет. Поэтому всегда мы должны быть рядом. Я должен быть рядом. Защищать Шурку. Она мне как сестра теперь. Вот.

Внезапно Саша посмотрел прямо в глаза Саньке и сказал:

— Ты бы тоже ложился, поздно уже.

— Хорошо, — деревенский уже лёг на пол, как вдруг внезапно спросил, не повернув к Саше головы:

— А мы куда едем?

— В Киров. Кировская область. Я карту на вокзале видел, мне девушка сказала, которая нас строила.

— А...

Санька даже не представлял, где это, но детской душой своей искренне верил, что в том городе нет опасности. А ещё мечтал, что там тихо, спокойно, как в деревне у бабушки с дедом, где растут водянистые огурцы и некрупные помидоры, где с утра кричат в рощах соловьи и в мутноватой речной воде плещутся рыбы, поблескивая чешуёй, где твои верные друзья всегда рады поиграть с тобой во что-нибудь интересное: в индейцев или водолазов (однажды одного из «водолазов» за нос цапнул здоровенный рак — его потом назвали Петькой и забрали с собой).

Санька и сам не заметил, как, утонув в волне воспоминаний, уснул. Он не слышал ни тряски поезда, ни стука колес, он не проснулся, даже когда его несли в новый дом, где ему предстояло жить несколько лет...

Колеса задорно стучали по нагретым солнцем рельсам. В такую погоду хотелось бегать, прыгать, смеяться без причины и смотреть в небо. Такое чистое, безоблачное, прозрачное, синее. В вышине щебечут птицы, хозяева лазурной вышины, и летят за поездом, настороженно вглядываясь в окна.

В вагоне сидели дети. Счастливые лица, облегчение и надежда в глазах. Они переговариваются, шутят, смеются, радуются. Дети едут в Ленинград. Домой!

Вагон обклеен нарядными лентами и плакатами «Мы едем в Ленинград». Дети ждали, ёрзали на вагонных лавках, временами соскакивали с мест и ходили взад-вперед по вагону. Нетерпение зажигало в их сердцах желание действовать, но в замкнутом вагоне, где в пути уже переиграли во все знакомые игры, делать было совершенно нечего. И дети вспоминали свою жизнь вдаль от родного Ленинграда. Возвращались на малую родину и трое наших знакомых. Заглянем-ка к ним в «купе».

Санька лежал на полке, безмятежно посапывая и, очевидно, пропуская всё самое интересное. Солнце светило ему в глаза, словно пыталось разбудить. Саша сидел рядом и читал старую, потрёпанную временем книжку про отважного капитана и его корабль с алыми парусами. Капитан дерзко справлялся с волнами, бушующими за бортом, и теперь стоял на носу корабля, оглядывая утихшее море. Шурка вязала узенький шарфик, удобно расположившись рядом с Санькой.

Тут спящий неожиданно встрепенулся, открыл свои голубые лучистые глаза и тут же зажмурил их, ослеплённый ярким майским солнцем.

— Мы уже приехали? — спросил Санька, поднимаясь и допивая воду в стакане. Он протёр глаза, несколько раз моргнул и, наконец, смог нормально видеть.

— Нет ещё, спи, — проговорила Шурка, не отрываясь от вязания. — Пара часов у тебя точно есть.

— Нет, — отвлёкся от книги Грина, Александра Грина, Саша и, взглянув на девочку, пояснил. — Мы уже должны быть около Ленинграда. Мы уже долго едем, так что скоро мы будем дома.

Все трое улыбнулись, а Санька сказал:

— Вот здорово!

— Слушай, — обратилась к нему Шурка. — А помнишь мальчика, как жетса, Витю, который так же всегда говорил. Все его ещё Здоровым звали. Фамилии-то его никто не знал.

— Помню, — ответил мальчик.

— А помните Женю, с которой мы ходили по заводам и госпиталям? Ну, которая с нами в оркестре играла?

— Как её не помнить! — заметила Шурка. — Хорошая такая. Она ж потом уехала и, когда вернулась, привезла с собой мандарины. Вкусные такие, я первый раз ела. Югом пахнут. Морем.

— А помните, — снова подал голос Саша. — В один из дней, когда мы в госпитале были...

— Майор-то умер? — предположила девушка.

— Да-да.

— А меня с вами не было, — пожал плечами Санька. — Я бабушке Люсе на огороде помогал, а потом дров ей наколот. Она за это конфету мне дала и разрешила кота погладить. Что было тогда?

— Мы когда пришли, солдаты подняли на нас головы. Они смотрели и улыбались, слушая нас. Мне кажется, каждый в это время вспоминал свою семью, своих детей. Мы пели, и вдруг один солдат руку вверх поднял и сказал: «Погодите, ребятки, умер майор». Все переключили внимание на соседнюю койку, на которой неподвижно лежал человек. Молодой, уса́тый такой. Он уже не дышал, но все ещё улыбался. Он умер счастливым...

Молчание охватило ребят. Шурка довязала шарф и отложила пряжу. Подумав, она сказала:

— А помните, как мы яблоки собирали? Санька ещё тогда лестницу чуть не уронил. А ты, Саша, когда поставил ведро между веток и собирался спускаться, уронил его на себя, и все яблоки на тебя посыпались. Помните?

Мальчики засмеялись. Помнили. Да, они помнили.

Тут вдруг раздался резкий свист. Шурка, сидевшая ближе всех к дверям, выглянула со своего места. Сказав, что там ходит Семён Андреевич (тот мужчина, что сопровождал их на пути в Киров и теперь обратно) и велит всем собираться, она сложила в маленький мешочек свой шарф, спицы, Сашину книжку именной Санькин стакан. Получил мальчик этот стакан интересным способом. Был в госпитале солдат — тоже Саша — и ему так понравилось ребячье пение, что он захотел что-нибудь им подарить. А так как он приехал почти без всего, то в детские руки отправился стакан с красивой гравировкой: «Для Саши». Саша и Санька чуть не передрались за этот стакан, но потом Саша уступил.

Поезд уже подъезжал к городу. Ребята словно прилипли к окнам: таким непохожим оказался родной город по сравнению с Кировом. Где же красивейшие старинные дома? Где те немногие оставшиеся соборы, бросавшие отражённый в крестах свет на землю? Где же люди? Где гудящие трамваи? Где хоть одна собака или кошка? Где это всё?

Поезд ехал и ехал, и, казалось, не будет этому конца. Но тут раздался скрип и лязг, и дети почувствовали, что состав начинает снижать скорость. Вот уже и здание вокзала видно...

— Кто это там на перроне? — то и дело раздавались взволнованные детские голоса.

— Родители ваши, — отвечал Семён Андреевич, — те, кто дождался.

Дети в ответ охали и ахали. И было из-за чего! Как эти измождённые тяготами войны люди были непохожи на их родителей! С какой надеждой они смотрели в окна вагонов, сиюсь увидев в стёклах лицо своего ребёнка!

Как они старались держаться на ногах, хотя было видно, что некоторым это дается нечеловеческими усилиями!

Наконец поезд остановился, и двери вагонов открылись. Дети посыпались на перрон, как горошины из мешочка. То тут, то там раздавались смех и слёзы. Перрон оглушило криками радости. Родители прижимали своих детей к груди, боясь отпустить, снова потерять. Почти все, стоящие у вагонов и в вагонах, плакали. Но это были слёзы радости, счастья, облегчения, надежды и благодарности за спасённых из блокадного города детей, за сохранённые кировчанами детские жизни.

А потом произошло то, чего не ожидал никто. В воздухе резко повисла гнетущая тишина. Взрослые, не произнося ни единого слова, встали на колени. Они молча склонили головы и сидели, не шевелясь. Дети понимали: происходит что-то важное, но не могли понять, что именно. Родители, бабушки, дедушки склоняли головы в знак благодарности кировчанам за то, что спасли, уберегли детей, помогли им справиться с ужасом войны. Ведь если человек спас твоего ребёнка от смерти, ты будешь благодарен ему всю свою жизнь. Ребёнок был единственным, о ком думали родители, отправившие его в эвакуацию. Как он там? Кормят ли там лучше, чем в Ленинграде? И вообще: доехал ли он? Или мать напрасно дожидается, стоя на коленях на холодном асфальте, что сейчас её сын выбежит и обнимет её, скажет: «Мама, я тут! Я живой!»? Может, она напрасно — ради ребенка — жила, работала из последних сил, пока они не закончатся, и ещё дольше не спала ночами, в надежде, что вот уже, скоро, скоро он вернётся?.. Да, это был поклон, но не только как знак благодарности, а ещё и как знак единства двух городов, которые навеки связала горькая правда войны.

Из вагона вышли Саша, Санька и Шурка. Они сразу увидели истощённую и бледную женщину. Она тоже плакала, как и другие, наконец-то встретившиеся со своими детьми. Санька зажмурился, затем подпрыгнул чуть ли не на полметра и понёсся к ней. Женщина, услышав шаги, подняла голову, чтобы увидеть того, кто так быстро приближался к ней. Потом встрепенулась и попыталась встать, но из-за того, что сил уже не осталось, она бы упала, если бы не вовремя подбежавший Санька. Он обнял женщину, и та, потрепав его волосы, поцеловала в макушку.

Санька услышал тихие шажки в свою сторону и обернулся. К ним приближались трое: Шурка, Саша и его мама.

— Мама, — обратился Санька к матери. — Это Шурка, это Саша, а это Ирина Сергеевна, мама Саши.

— Очень приятно, — тихо произнесла мама и улыбнулась новым знакомым.

Тут Ирина Сергеевна сказала:

— А вы откуда?

— Мы из села. Недалеко.

— Как же недалеко? — перебил Санька. — Несколько километров...

Он вдруг словно понял что-то и тут же воскликнул:

— Мама! Как же ты пришла в такую даль?! Пошли скорей домой! — И Санька, поддерживая мать, решительным шагом устремился с перрона. Но женщина не могла так быстро идти, и поэтому Ирине Сергеевне и Саше с Шуркой не составило труда их догнать.

— Пойдите! — мама Сашки чуть тронула маму Саньки за плечо. — Если захотите прийти к нам, мы теперь на Садовой живём. К любому на Садовой подойдите — он вам дорогу покажет.

— Спасибо, мы обязательно придём, — негромко сказала женщина и подошла к сыну. Тот обернулся, помахал Сашке и Шурке. Те помахали в ответ, и Санька, подставив матери плечо для опоры, пошёл домой. И сейчас его уже не пугал долгий путь обратно, потому что этот ребёнок, как и миллионы других детей, преодолел свою самую трудную дорогу длиною в три с лишним года.

Мне четырнадцать. Я ни одного дня не жила в Советском Союзе. Всю мою жизнь северная столица Родины называется Санкт-Петербургом.

Но я благодарна родителям за то, что меня воспитывали на стихах Рождественского и песнях Матусовского, на тех воспоминаниях, которые позволяют понять и оценить всю масштабность событий, имя которым — война. Великая Отечественная война!

И если меня когда-нибудь спросят, что такое война, я скажу, что это преступление против детства. У скольких детей оно оборвалось, даже не начавшись? А сколько детей в те годы столкнулись с суровой правдой? Они так же хотели играть, гулять, радоваться. Но война отняла у них это светлое, беззаботное время, заставив задуматься о тех вещах, о которых нельзя задумываться — как быстрее пробраться в бомбоубежище, как не умереть с голоду на ста двадцати пяти граммах хлеба в день, как бы растянуть на подольше ту еду, которая у тебя есть, как дойти за водой и не упасть от изнеможения.

И об этом нужно помнить, надо знать и, главное, не забывать, ради чего совершались подвиги и люди шли на жертвы, — это Родина! А с чего она начинается? С картинки в букваре. С песни, что пела нам мать. Родина — это ты, наш народ, это дети, посягательство на жизнь и счастье которых — высший безнравственный поступок, настоящее преступление!

АННА ТУРАНОВА

9 класс

Наставник: Попова Ольга Петровна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Основная школа № 17

им. Т.Н. Хренникова» г. Ельца

Липецкая область

Кукла

Новый год — волшебный праздник. Мандарины, фонарики, большая пушистая ёлка и много прозрачных шаров. Непременно стеклянных. Дедушка их очень любит. Папа как-то принёс с ярмарки три больших пластмассовых звезды. Они блестели и ярко переливались, но повесить на ёлку их так и не решились. Знали, что дедушка будет против.

Каждый Новый год он достаёт с полки большую синюю коробку с большими разноцветными шарами, мы их долго разглядываем, и дедушка всегда рассказывает какую-нибудь историю. Непременно новую и непременно про Новый год.

В этот раз я полез за коробкой сам, полка была высокая, и вместе с игрушками мне прямо на голову свалился маленький свёрточек. Я испуганно оглядел коробку и каждый шар. Ни одного разбитого! Дедушка бы очень расстроился. Только сейчас мой взгляд привлёк свёрток, упавший мне прямо на затылок. Я бережно взял его в руки. За дверью послышались шаги. «Что хулиганишь?» — на пороге стоял дед, его лицо расплывалось в улыбке, а в руках была большая ёлка и золотая подставка. «Ты уже и игрушки снял! Какой взрослый!» — с гордостью произнёс он.

Только теперь его взгляд упал на мои руки. Я бережно держал непонятный свёрток, даже не пытаюсь его развернуть. Дедушка прислонил ёлку к стене, снял шапку и сел на краешек стула. «Уже посмотрел?» — с грустью в голосе проговорил он. Глаза его, минуту назад наполненные радостью и теплотой, вмиг как будто застыли. Я не мог вымолвить ни слова. Таким я видел деда впервые. «Дай», — полужёпотом проговорил он. Я сделал маленький шаг и положил свёрток в тёплую шершавую руку.

Немного призадумавшись, дедушка развернул плотную бумагу, затем убрал потёртую тряпочку, и я увидел маленькую куклу. Таких не было ни в магазине, ни даже в большом супермаркете. Наверное, не нашлось бы и в самом известном музее. Голова её была сделана из светлого кусочка материи, такими же были и руки, платье — из цветного тоненького ситца, а сверху — платок, и в каждом уголке — звёздочка.

Я не мог вымолвить ни слова, всё смотрел, а дедушка неожиданно прижал невзрачную игрушку прямо к сердцу и... заплакал. Впервые в жизни видел я, как по его лицу текли слёзы. Казалось, невозможно было их остановить. Ничего не понимая, просто обнял дедушку и прижался к его мокрой щеке.

Спустя некоторое время (сложно было сказать, сколько мы так просидели), он неожиданно заговорил.

— Смотри, Лёшка, у нас с тобой большая ёлка и игрушки, непременно шарики. И ты ещё совсем маленький. А ведь я тоже, знаешь, таким был, как ты. И Новый год ждал... так ждал. И сестрёнка у меня была... Иришка, вот как наша Лёлечка, такая же крошечная. Волосы светлые, кудрявые. Она, как маленький одуванчик, по дому бегала, всё куклу просила, чтобы её кормить и спать укладывать. А денег не было, и кукол тоже не было. И я целую неделю делал для неё эту куклу... сам. Тряпочки собирал, даже мамину кофту разрезал, очень уж она для платья подходила.

Дедушка замолчал. Я знал, что Иришку убили во время войны, но всегда боялся спросить, как это произошло, видел, как тяжело было дедушке говорить об этом даже спустя столько лет.

После небольшой паузы он вздохнул и заговорил.

— Война была. Новый год ждали. 1942 год. Верили, что чудо будет. Оно ведь не могло не быть. Отца в первые дни войны забрали. Как сейчас помню. Иришка в руку вцепилась и всё плакала, только никто её не послушал. Она по дождю босиком бежала за машиной, мамка еле догнала. Маленькая, а всё поняла, почувствовала.

Мы ему каждый день писали, каждый... И ответ пришёл, правда, всего один раз. Мы начали тогда ещё больше писать. А потом как-то мать вернулась домой... бледная, долго плакала. Ничего нам не сказала, только конвертик какой-то под подушку убрала. Три дня она не вставала. Не ела, не пила. Я всё спрашивал, что случилось, а она обнимала нас и плакала. Я даже разозлился на неё тогда. И двор, и Иришка три дня на мне были. Её чуть с работы не выгнали. Мужчина какой-то приходил и всё с ней разговаривал. Мы не слышали ничего, но он тоже понурый ушёл. А на следующий день мать собралась и на работу пошла.

Я только читать научился тогда, под подушку полез, а там слово только одно большое. «Извещение». А дальше... убит, похоронен. Понял я тогда, что папки нет больше. А Иришке не объяснишь. Не знаю, как я смог. Но мамке не сказал ни слова, а с сестрой каждый день письма сочинял.

Только не отправлял их уже, а на чердак складывал. Она маленькая, зачем ей знать. Напишем, а я наверх несу. Слёзы по щекам катятся, а Иришке не показываю. Откуда только силы брались?

Мамка на заводе до самой ночи пропадала. Дома — коза и куры. Хозяйство небольшое, да для двенадцатилетнего мальчугана тоже тяжело давалось. И сестра на руках. Соседка помогала. Баба Клава. Деваться было некуда. Все так жили. Я перед Новым годом в лес пошёл за ёлкой. Сестрёнка очень хотела. Она всё говорила, что папа придёт и под ёлочку обязательно куклу положит.

Целую ёлку я не принёс, а ветку отпилил. Большую, пушистую. Мы на неё шарики тогда повесили... из газеты. А под ёлку яблоки мороженые положили. На Новый год у мамы выходной был. На завод — только следующей ночью. Такой у нас домашний праздник получился. Последний праздник.

Иришка утром проснулась и куклу под ёлкой нашла. Она закричала громко: «Паааапка! Ты где? Ты вернулся!» Только не было папки. И мы об этом знали.

Неделю малышка с куклой не расставалась. И спала с ней, и ела, и на улицу ходила, и всё говорила, что это — папин подарок.

Думали мы, что самое страшное уже произошло. Но нет. Январь тогда к концу подходил, мы с Иришкой дома были вдвоём, она с куклой играла. Дед Илья, что через три дома от нас жил, прибежал, за руки нас схватил и в подвал потащил в чём были. Я по пути только успел Иришкину курточку взять да валенки. Только не успели мы до подвала добежать. Деда кто-то ударил. Я не помню, как было. Солдаты в форме откуда-то взялись, деда бить начали. Я к подвалу пятался, сестру собой закрывал. А она всё куклу прижимала и плакала. Негромко почему-то, почти молча. Кудряшки от снега намокли, ручки посинели от холода. Я медленно пробирался босиком по холодному снегу, сестрёнка была сзади. Брать на руки нельзя, сразу заметят. В голове была только одна мысль. Иришку нужно спасти. Кроме меня, защитить её никому. Она такая маленькая, ей холодно и очень страшно.

Какой-то длинный худой человек обернулся в нашу сторону. Я замер. Иришка стояла позади меня и теребила мою руку. В эту же секунду к нам ринулись два солдата, я подхватил сестру на руки и побежал. Но куда мне, голодному, босому мальчишке было деться от двух сытых и одетых мужчин. Они сильно ударили меня и выхватили сестру. Я упал лицом в снег. Она кричала. Так, как никогда не кричал, наверное, ни один ребёнок в мире. «Ваня! Ванеч...» Детский крик самого родного мне человека оборвал оглушительный выстрел. Затем ещё один. Я вскочил, не помня себя. Побежал, но снова упал.

Они ушли, оставив на белом снегу маленькое бездыханное тельце. Белые кудряшки окропили капли крови. Случилось то, чего я боялся больше

всего на свете. Я не уберёг её. Самую маленькую и беззащитную девочку на Земле. Мою Иришку.

В моей руке осталась её кукла. Самое дорогое, что у неё было.

Неделю я пробыл в забытьи. А когда пришёл в себя, понял, что от счастливой кудрявой девчонки война оставила мне только горькую память, и опять забылся.

Война забрала всех. И папу, и Иришку, и... маму. Она погибла в тот же день во время обстрела завода. Если бы не дед Илья, которого посчитали мёртвым в тот день, я бы не выжил. Все оставшиеся годы он заботился обо мне...

А немцы... пробыли у нас всего два дня. И ушли. Навсегда. Забрав маму, папу и Иришку. Всё, что было мне дорого.

Дедушка замолчал. Он уже не плакал. Только прижимал к себе куклу. Маленькую тряпичную куклу. Всё, что у него осталось...

АМИНА ТАГИРОВА

9 класс

Наставник: Исмаилова Фатима Валидовна,
педагог-библиотекарь

Государственное казённое
общеобразовательное учреждение
Республики Дагестан
«Государственная гимназия-интернат
музыкально-хореографического
образования г. Каспийска»

Республика Дагестан

Спасительный звон

Вы смотрели в глаза тех детей,
Знает кто о войне не из книжек:
Потерявших отцов, матерей,
С умным взглядом невзрослых детишек?..

Екатерина Кирилова

...Блестит, переливается снег, или, может, это сверкает мишура на ёлке? А вот тренькает колокольчик, тот, который подарила Мише мама на Новый год... Тут же пришло понимание, что блестели не снег и не мишура, а мерцала и стучала о край стакана ложка, сотрясаемая ударами снарядов.

«Когда же всё это было? А может, и не было вовсе?» — с отчаянием подумал мальчик. Он с трудом разлепил веки, сел в постели. Ещё год назад в этой комнате стояла ёлка, которую с любовью украшали всей семьёй. В доме звучал смех и царило спокойствие. А сейчас... В это невозможно поверить: никого не осталось. Только неживые предметы, которые напоминают о той, прежней жизни, и близких людях.

Мальчик устался на блестящую ложку, показавшуюся ему в полутьме ёлочной мишурой, тяжело вздохнул, опустил ноги в валенках на пол и зашаркал, как старик. «Я отсчитаю пять ступенек вниз, выйду во двор набрать снега. У меня хватит сил, я смогу», — думал он. На третьей ступеньке Миша качнулся от слабости, занёс ногу, чтобы продолжить свой путь, но свалился с крыльца в сугроб. Он остался лежать. «Как же хочется спать, спать, спать», — эта мысль убаюкивала, не давала почувствовать холод, голод, одиночество. Вдруг Мише почудился звон колокольчика, того самого, подаренного мамочкой. Ребёнок встрепенулся: «Мама!» Но тут же сник — мамы

больше не было. Лёжа в снегу, Миша нагрёб в кружечку снега и чуть ли не ползком вернулся назад. Дров не было, пришлось кинуть в буржуйку несколько книжек, чтобы вскипятить воду. В кипяток Миша положил лавровый лист, кусочек хлеба. Этим варевом ему предстояло питаться целый день.

Мысли вернулись к маме: «Мамочка, милая, я привык к взрывам, обстрелам, холоду, одиночеству, но к голоду я не могу привыкнуть! Ещё пару месяцев назад я мечтал о бутерброде с колбасой, густом наваристом супе, а теперь вот уже — об одном хлебе — поесть его вдоволь».

Десятилетний мальчик, исхудавший и обессиленный, ждал, когда придёт тётя Люся из соседнего дома и занесёт полученные по Мишиной карточке сто двадцать пять граммов хлеба. Соседка так и не зашла: ни сегодня, ни завтра, никогда.

Впервые Миша остался один на один со своей бедой в этом страшном блокадном городе. Он решил выбираться к людям. «Умирать среди людей не так страшно», — думал мальчик. Подкрепившись напоследок отваром луковой шелухи, тщательно собранной в погребке, зажав в руке колокольчик, последний мамин подарок, ребёнок вышел, шатаясь, и побрёл по снегу, стремясь выбраться на многолюдную улицу. Навстречу брели взрослые люди, не обращавшие никакого внимания на Мишу. Их глаза были пусты, а сердца закрыты. Силы покидали его с каждым шагом всё больше. Наконец, он упал. Мимо проходили безучастные взрослые, никому не было дела до мальчика Миши, до многих мальчиков и девочек, оставшихся одними в лютый холод в блокадном Ленинграде.

Сквозь смертельную дрёму мальчик слышал звук подъехавшего грузовика, собиравшего с обочины дороги замёрзшие тела. С машины сошли двое военных, которые погрузили и Мишу поверх безжизненных тел. Ребёнок хотел крикнуть, что жив, но губы не повиновались ему. Из самых последних сил он затряс одеревеневшей рукой, в которой был зажат мамин подарок. Это и спасло Мишу...

Он был определён в детдом, который затем был эвакуирован. Звук колокольчика спас Мише жизнь. Его звон не прозвучал колокольным, зауспокойным набатом в судьбе Миши. Это был спасительный звон. До самой старости колокольчик был с Михаилом, как свидетель тех страшных лет, как спаситель.

МИЛА РОСЛИКОВА

8 класс

Наставник: Пермякова Наталья Евгеньевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
Пролетарская средняя
общеобразовательная школа № 4
им. Нисанова Хаима Давидовича
г. Пролетарска Пролетарского
района Ростовской области
Ростовская область

Обагрённые кровью снега

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша совесть.
Она, как сила, нам нужна...

Юрий Воронов

Сегодня выпал снег. Он первый этой зимой. Наверное, природа ждала особого дня, и им стала Рождественская ночь. Думаю, это не случайно. Такой подарок всем людям! Глядя на усыпанную снегом землю, мысленно переношусь в далёкий 1942 год. Той зимой наши солдаты вели ожесточённые бои за станицу Пролетарскую, отвоевывая буквально каждую пядь земли. А в тылу их ждали родные и близкие, многим из них тоже пришлось встретиться лицом к лицу с врагом.

Перебирая старые фотографии, нахожу пожелтевшие карточки. Всмотриваюсь в лица людей на фото. Сколько лет хранится в нашем семейном альбоме эта фотография со смятыми уголками? Кто эта девочка в простом ситцевом платье? Отмечаю, что снимок сделан в годы войны, время тронуло картинку, она потускнела, но улыбка и лучистый взгляд девочки вызывают неподдельный интерес. На фото моя сверстница, а я, к сожалению, не знаю, кто она. Сколько их, таких же молодых, встретили свою юность в годы войны?

Прошлое вызывает вопросы, ответы на которые ищу в интернете. Среди архивных документов нахожу «Акт комиссии о злодеяниях немецко-фашистских войск и их румынских сообщников в г. Пролетарске и на территории Пролетарского района Ростовской области в период оккупации». Жадно читаю страницы печатного текста, и ужас охватывает от прочитанного:

«За время с 29 июля 1942 года по 19 января 1943 года гитлеровцы убили, замучили и заживо закопали в карьерах кирпичного завода ст. Пролетарской 1 500 человек женщин, стариков и детей».

Я знаю, что есть на юго-восточной окраине нашего города небольшой памятник в виде стелы с колоколом, который, как хатынский набат, тревожно и гневно повествует миру о погибших. Этот монумент установлен в январе 1988 года в память о жертвах геноцида 1942 года. Здесь, на этом месте, фашисты совершали преступления, которым нет срока давности.

Записан на бумаге и оставлен потомкам страшный рассказ старожила города Пролетарска Валентины Зенцевой. В годы войны она была ребёнком, но помнит, как в станицу пришли немцы. Фашисты очень не любили евреев и цыган, ходили по домам, искали таких. Если находили, уводили их куда-то. Обречённых на смерть людей гнали, как скот. Каждый день на крытых и открытых грузовиках привозили к месту казни мирных жителей. Расстреливали, заполняя мёртвыми телами шахту карьера. Приходилось видеть и машины-душегубки. Их подгоняли к краю карьера и оттуда «выбрасывали» мёртвых людей. После расстрелов немцы никого не подпускали к карьере, и если кто был ранен, но оставался жив, умирал мучительной смертью. Жуткий трупный запах стоял вокруг, а из-под насыпанной сверху земли были видны головы, руки и ноги расстрелянных... По утрам над карьером стоял дикий птичий крик, стаи воронья кружили над этим безжизненным местом. До прихода в станицу Пролетарскую немцев местные жители ходили к карьере для того, чтобы набрать воды в колодцах. Теперь же она была непригодна для питья: вода стала кроваво-красного цвета...

Неисчислимы бедствия и страдания выпали на долю нашего народа в годы войны. Оккупанты вели себя очень жестоко и безнаказанно творили бесчинства. Они заставляли им прислуживать и выполнять любые прихоти, глумились над совестью и достоинством людей, устраивали массовые порки населения плетями, причиняли увечья, насиловали женщин, выгоняли хозяев из домов. Не было такого двора, где бы не «похозяйничал» немецкий грабитель. Тянули всё, что попадалось: посуду, бельё, патефоны, пальто, ботинки, любые продукты, кур, коз, коров... Не брезговали ничем, обирая и без того «босых» станичников.

Сколько искалеченных человеческих судеб! Что двигало фашистами? Почему так бесчеловечны они были к людям? Из документа узнаю, что из нашего города и района более тысячи восьмисот подростков, молодых женщин и девушек, насильно разлученных с их семьями, увезли на работы в Германию, как рабов. Людей грузили в вагоны и не давали им даже проститься с близкими.

Живым свидетелем осталось письмо нашей землячки Раисы Лазуткиной, находившейся в немецком плену в Польше. Она пишет, как нелегко выживать в лагере: «150–200 граммов хлеба в день и баланда — вот весь наш паёк. Заболела. Променяла чулки на хлеб, может, и всё придётся променять... Жизнь всего дороже...».

Наши земляки... Вам так хотелось жить! Любить, мечтать, творить... Война сломала ваши судьбы, но не сломила русский дух! Мы будем помнить о безымянных героях, невинно лишённых жизни немецко-фашистской нечистью. Пусть в сердцах каждого из нас живут те, кто пострадал в результате геноцида русского народа, стал жертвами фашизма.

За окном снова посыпал снег... Он такой чистый! Он ложится на землю, укрывая её, словно одеялом из пуха. Пусть спокойно спят погибшие в Великой Отечественной войне, пусть пролетарская земля согревает их в Вечности!

Список используемых источников

1. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Федеральный архивный проект / [Электронный ресурс]. — URL : <https://victims.rusarchives.ru/akt-komissii-o-zlodayaniyakh-nemecko-fashistskikh-voysk-i-ikh-rumynskikh-soobschnikov-v-g>.

УЛЬЯНА ФОТИНА

9 класс

Наставник: Музыкаина Елена Александровна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное казённое
общеобразовательное учреждение
«Основная общеобразовательная
школа № 164» Таштагольского района

Кемеровская область — Кузбасс

Бесценные странички дневника

Скоро новый, 2023 год. На улице и в доме тихо. Все спят. За окном, в жёлтом свете фонаря, видно, как идёт снег. Наша семья осенью купила новый дом, и мы до конца ещё в нем не обжились, поэтому я с трудом узнаю незнакомые очертания дворовых построек.

Родители выбрали этот дом по просьбе старшего брата: ему очень понравился второй этаж, просторный, светлый, и мама пообещала отдать его в полное распоряжение брату. Но его с нами нет. Он первым из поселковых ребят уехал на Донбасс. Можно было остаться, ведь на железной дороге, где Сережа работает, нужны специалисты. Но... для него выбора не было — иду защищать Родину. И точка. В своих редких звонках о себе рассказывает мало: жив-здоров, главное — как мы тут живём.

А я все чаще стала задумываться, как так вышло, что не прошло и ста лет, а наша страна вновь должна защищать свои территории, своих русских людей, свой русский мир не просто от недругов, а от фашистов, от нелюдей. Это не те фашисты, другие, но не менее страшные. Нормальному человеку трудно осознать, что они сейчас вытворяют с русскими. В голове не укладывается содеянное фашистами в годы Великой Отечественной войны: Краснодар, Бабий Яр, Хатынь, Ленинград... Об этом можно посмотреть в художественных фильмах или прочитать в книгах. Или поговорить с теми, кто видел своими глазами.

Живые свидетели истории. Их с каждым годом становится всё меньше и меньше. В нашем посёлке уже больше двадцати лет нет ветеранов Великой Отечественной войны. Нет тех, о ком мы говорим — дети войны. Поэтому так бесценны их воспоминания, которые есть в школьном музее. Я помню рассказы моей прабабушки, которой тоже нет, но они живут в моём сердце.

Когда-то, во время войны, она вела дневник, но из-за множества переездов он был утерян.

Моя прабабушка, Антонида Константиновна, родилась в большой шорской семье в 1932 году. У отца было четыре брата, у всех большие семьи, все жили хорошо. Каждый держал по три–четыре лошади, по две–три коровы, телят, жеребят, овец так вообще не считали. А сколько они пчёл держали! По сто семей! И больше! Отдыхать некогда было, вставать приходилось рано. Летом надо мёд качать, воск топить, осенью сборку делать. В стране тогда колхозы появлялись, такие семьи считали богатыми, их раскулачивали. Всё хозяйство забирал колхоз, дома тоже переходили колхозу, а людей отправляли в Сибирь. Так отец с дядьками смеялся, что «мы уже в Сибири, дальше Широкого Луга не ссылают». Поэтому скотину и птицу отвели на колхозный двор, сами стали зарабатывать трудодни. В колхозе образовали пасеку, работы было много, но жилось тяжёло: ни молока, ни мяса, ни мёда в доме не было. Колхозникам ничего не доставалось, всё уходило в район: на строительство железной дороги, рабочим в Кузнецк (сейчас это наш Новокузнецк), на строительство завода — Кузнецкого металлургического комбината.

Совсем трудно стало, когда началась война.

23 июня 1941 года. Понедельник. Старшая сестра Лиза прибежала с колхозного двора и огорошила: «Война!» Мама возилась у печки, от страшной новости у неё подкосились ноги, и она кулем опустилась на берёзовую чурку и тихо так заплакала. Мы с младшей сестрёнкой Раей подбежали к ней, обняли её за трясущиеся плечи и тоже заплакали.

24 июня. В район уехали первые подводы с мужчинами. На фронт. К привычным деревенским звукам: крикам колхозных петухов, коровьему мычанию, лаю собак — присоединились звуки женского плача и гармошки.

28 июня. Дядья ушли на войну, Афанасий и Владимир, дядьку Михаила и дядьку Семена не взяли по старости. Ушёл старший братка Лёня, его молодая жинка к нам перешла жить. Уж как мама с ней плакала!

Июль. Папку не взяли на фронт, сказали: «Нездоров». И отправили на шахту, в Темир-Тау, в трудармию.

Сегодня Петровка. Завтра колхоз начнёт сенокос. А как? Из мужчин в селе остались старики, старшие мальчишки да женщины. До войны траву косили мужчины, а женщины ворошили сухое сено и гребли, мужчины метали. На собрании, мама вечером рассказала, решили, что дома остаются те, кому меньше десяти лет, остальные — на покос.

Первый день покоса. Мама с со старшими сестрами (Лизе — скоро пятнадцать, а Анечке — в сентябре будет одиннадцать) ушли ещё по темноте, а я с Раей и бабушкой осталась домовничать. А меня не взяли, хотя папка мне уже давал литовку, я пробовала косить, и у меня получалось. Не буду

я веник в руках держать, еще чего! Съела шанежку, и вперед — картошку давно пора загрести, морковка, хоть и прополота, всё равно надо пробежаться. Ну и что, что мне девять лет, я девчонка боевая, неужто бабушка старенькая будет спину гнуть! Мы с Раечкой справимся!

Вот и август. С фронта приходят плохие новости. Наши отступают. А у нас тоже несладко. Ещё сено не заготовили, а уже надо пшеницу и рожь жать, погода стоит хорошая. Мама приходит такая уставшая, а мы с девчонками бегаем на колхозный двор, на дойку, где телят накормить, где почистить, помыть ли фляги. Лето сухое, нам ещё в своем огородике полить надо. Слышала, как женщины решали, когда будут пахать под озимую рожь: лошадей многих забрали на фронт. Лиза с Аней тоже пойдут, они взрослые.

Вот и осень. Начались занятия, а школа в соседнем селе. Наша закрыта. Провожал нас с Аней дядька Михаил. Сентябрь дождит. Мне надо помогать бабушке копать картошку. Мама с сестрами работают на колхозной заготовке дров, и только потом нам разрешат приготовить дрова самим, когда подойдет наша очередь и дадут лошадь.

Я научилась колоть дрова, дядька Михаил издалил мне маленький колун, по моей руке. Проводили на фронт его сыновей, Трофима и Алексея.

Первая военная зима. Как тяжело! Скоро Новый год, а у нас кончается картошка. Семья большая: мама с бабушкой, нас четыре сестрѐнки, Вера, жена старшего брата с маленьким мальчишкой. Он осенью родился.

Вчера, 5 января 1942 года, был мой день рождения. Мне десять лет. И радостно, и очень грустно. Папки нет, братки нет. Война идёт, фашисты прут и прут. В школу принесли газету, а в ней статья, как наши солдаты защитили Москву, не пропустили немецкие танки. Читали всей школой, а потом по очереди передавали из рук в руки, всем хотелось подержать газету. Я запомнила слова: «Отступить некуда — за нами Москва». Мама принесла молотые отходы пшеницы (чистую сдавал колхоз), бабушка сделала лепѐшек. Мама говорила: «Не ешьте много», мы не послушались. Тайком с Раей на печке съели лишнего, а вечером у нас животы прихватило, колики, мы с ней опухли, ноги потом одеревенели, не ходят. Бабушка маму ругает, что не уследила, в этих отходах много сорняка — чабреца. Вот, не надо жадничать! Ничего, отошли, учёные стали.

23 февраля. В школе ребята готовят концерт на День Красной армии. Лиза будет сердиться, я без очереди взяла сапоги, они у нас одни на троих. И так ходим в школу по очереди. А как я ей уступлю? Я песню петь буду с мальчиками «Три танкиста». Да, велики они мне! Но не буду же я выступать в валенках? В них на колхозном дворе работаю, в коровнике — и выступать!

Скоро март, ещё зима не кончилась, а все счастливы — у рыжей старой коровы Зорьки родился белый телѐночек! Первый в этом году! Это

я уследила. Мы с дядькой Михаилом ездили в Осиновую балку, на самый дальний покос, за сеном. Воз наметали большой и увязли в глубоком снегу, пока откопали, стемнело. Приехали на двор, он со сторожем остался, а я в коровник. Гляжу — возле Зорьки стоит телёночек, ножки дрожат, сам дрожит, а мамка его облизывает. Меня увидела, замычала: «Вот, смотри, не обижай его!»

Бабушка опять меня ругает, что я пропускаю уроки. Я вчера шла (до соседнего села три километра да по селу ещё километр до школы) и думала: «Читать научилась, писать тоже могу, что мне в школе делать? Пойду к Жупановым, кержакам. На прошлой неделе за работу они мне картофельных очисток дали, может, и сегодня получится?» Ведь хорошо вышло, бабушка очистки высушила и понемногу в чугунок с запаренной крапивой добавляла! И самим есть что-то на обед, и угостить можно, вдруг кто придёт, чтобы было чем поддержать человека. А мама меня вечером пожалела, совсем, говорит, на мальчика стала похожа, всю мужскую работу взвалила на свои худенькие плечики. А мне ничего, нравится.

Вот март и заканчивается. Утром наколю дрова дома, натаскаю воды. Бабушка печку затопит, я обледенелые дорожки почищу, снег от мартовского солнца подтаает, а за ночь его морозом прихватывает — и на ферму, в телятник. Мне нравится возиться с телятками, от них тепло и худые мысли отступают. Меня тётя Маша, телятница, подкармливает молочком. Я кормлю телят, а она — меня. Немного, всего стакан, но молоко парное, а я так отошала за зиму. Больше всех. Мне жалко Раечку и маленького Ванечку, пусть мой кусочек им достанется. Но я не боюсь. Бывает, ноги трясутся, колун удержать не могу. Зато за работу меня кержаки и чаем напоят, и лепешка с кусочком сахара достанется. В школе учительница Валентина Петровна рассказывала, какой голод в Ленинграде, как женщины с ребятами работают на заводах, делают снаряды, как по двенадцать часов, а то и больше, стоят у станка. Если они, голодные, держатся, то и я смогу, и я продержусь. Что мне станется? Подумаешь, колуном помахая часок-другой на свежем воздухе, лопатой снег покидаю, крыш много, ещё не все очистились. Снег мокрый, слежался, не огребёшь вовремя — может и раздавить. Вот скоро снег сойдёт, можно за колбой в тайгу бежать. А там и лето! Всякие ягоды пойдут, грибы всякие. Хочу обабки! Они самые вкусные и сытные.

2 августа 1942 года. Писать некогда. В школу не ходили весь апрель, распутица, дороги раскисли, речушка Кочебай разлилась, затопила все поймочки. А когда пахота началась, дни полетели, как сумасшедшие. Людей не хватает, все ребятки вышли на помощь взрослым. Только отсеялись и картошку отсадили, стали в поймах, где трава выросла, косить. А там и главный покос подошёл. Получили весточку от папки из Темира, работает, весной в больнице лежал, не писал нам, не хотел никого расстраивать, а я скучаю по нему. Мы с Лизой ему письмецо написали, вот я в свой дневничок и заглянула.

15 сентября. Председатель колхоза разрешил маме забрать колхозную тёлочку Беляночку, что я весной уследила, семья, сказал, у вас большая, будет чем поддержать ребят. Только сено самим надо заготовить. Вот мы теперь, как бабушка говорит, женским батальоном вечером ходим косить траву на дальних лесных полянах: мама со снохой Верой, Лиза, Аня и я. До белых мух можно косить, главное — не лениться.

Скоро 7 ноября, красный день календаря. 25 лет Октябрьской революции. Да разве ж кто думал, что такой праздник будем так отмечать? В сельском клубе концерт. Лиза учила стихотворение «Жди меня, и я вернусь. Только очень жди. Жди, когда наводят грусть жёлтые дожди», а я за ней повторяла и повторяла. А потом уговорила сестричку, чтобы она разрешила мне это стихотворение прочесть на празднике. По этому случаю бабушка сшила мне чёрную юбочку, а Лиза свою светлую кофточку перешила на мои плечики, чтобы не болталась. Я так счастлива!

20 ноября. Мама мне с Раечкой разрешила ходить в клуб, там после праздника вечерами стала собираться молодёжь. Бабушка ещё осенью научила меня вязать, и я теперь с другими девочками вяжу носки, варежки солдатам на фронт, а кто-то шьёт кисеты для табака.

5 марта 1944 года. У нас прибавление! Беляночка принесла бычка! Теперь у нас своё молочко будет. Хотя председатель предупредил, что придётся платить большой налог, все рады. И Ванечка тоже радуется, ему скоро будет два с половиной годика, выжил наш единственный мужчина в женском батальоне.

1 июня. Наша Беляночка прибавила молочка. Это хорошо. Один день её доим для себя, а два — молоко сдаем колхозу, масло тоже надо сдать. А как по-другому? Все понимают трудную ситуацию в стране. Фронту надо помогать. Даже когда коровы не было, мама сдавала деньги председателю на танки и самолёты. Связанные зимой в клубе носки и варежки отправляли на фронт, а бабушка вязала дома, их мама и продавала.

Август 1944 года. Вот и до нас добралась война — пришли разом две похоронки: на дядьку Афанасия и дядьку Владимира. Вот горе-то! Я перебралась на колхозную пасеку к тётке Ульяне. Её поддержать и девочек, за работой и разговорами им полегче будет. Самая ответственная пора! Как пчёлка к зиме приготовишь, так они и сохранятся. Надо сборку провести, ослабших сократить, посадить к сильным, рамки подчистить, мёд качнуть или кого-то подкормить, рамку мёдную подставить. Вижу, переживает, хоть виду и не показывает, то одну работу, то другую делает, а потом присядет и — словно статуя, не шевелится, а в глазах такая тоска. Я её сразу торможу, не даю в эту печаль уходить, всякую глупость тараторю, только отвлечь, увести от страданий.

Октябрь 1944 года. То ли я повзрослела, то ли привыкла к войне, то ли мысль, что наша Красная Армия гонит фашистов по всем фронтам, но как-то

полегче стало. Не то, что было в первый год, когда мы отступали и отступали, а здесь надо было привыкать всё делать самим, без мужей, без отцов, без старших братьев.

...В начале мая 1945 года семья получила похоронку. В боях за освобождение Польши от фашистских захватчиков погиб старший брат прабабушки Леонид Константинович Пыжлаков. Вернулся домой только летом 1945 года отец прабабушки Константин, весь измождённый, больной, недолго он прожил после войны. А два брата, Трофим и Алексей, ещё два года после войны восстанавливали заводы.

Им, детям войны, таким, как моя прабабушка, надо поставить памятник за их труд и бескорыстие, за то, что они своими маленькими силами приближали Великую Победу.

Прошли годы, но сила Русского духа осталась неизменна. Она по-прежнему ведёт молодых ребят защищать свою Родину. Ибо рассказы наших предков, их дневники — генетическая память, на которой воспитано новое поколение Героев.

ПРИЗЁРЫ
3 КАТЕГОРИИ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

ПОЛИНА ГЕТУН

10 класс

Наставник: Лобачева Людмила Григорьевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
Погарская средняя
общеобразовательная школа № 2

Брянская область

Музыка на балу смерти

Я покорила, когда поняла, что мои
моральные принципы сгорят вместе
со мной в печи крематория.

Хелен Шенс, скрипачка

Шестилетняя Нина, сидя на кровати, наблюдает в открытое окошко, как бабушка выпроваживает козу Дуську за ворота. Сейчас мама проведет парное молоко в кувшин, и они все пойдут завтракать.

Мама обещала взять её сегодня с собой на работу. Она преподаватель в музыкальной школе по классу скрипки. Нина так давно мечтала об этом! То есть на работе у мамы она, конечно, бывала не раз, смотрела, как серьёзные ученики и ученицы водят смычком по струнам, извлекая будоражащие сердце звуки. Но сегодня Нина сама станет маминой ученицей. Ей позволят взять в руки этот волшебный инструмент. Она будет учиться музыке! О, она научится играть, как мама! Она станет играть даже лучше!

Нина обнимает плюшевую кошку и укрывается одеялом: из окна тянет утренней прохладой. Можно ещё несколько минут понежиться на мягкой постели и помечтать... За окном яблоневый сад. Солнце, пробиваясь сквозь листву, ласково гладит Нину по щеке. Стайка ласточек щебечет на проводах... И среди этой прекрасной иллюзии вдруг раздаётся лающее: «*Aufstehen!*¹»

С этим словом мигом разрушается сон, и вот уже Нине не шесть лет, а шестнадцать, и лежит она не на кровати, а на холодных нарах, без плюшевого кота и даже без одеяла. Пальцы на руках и голых ногах заковенели и посинели, ломит затёкшую спину, но надо встать.

¹ Подъём! (нем.)

Где она? В тюрьме? О нет, это хуже, чем тюрьма. Это адская фабрика на миллионы человек, фабрика смерти. И имя ей — Освенцим.

Перед двумястами бараками уже стоят толпы худых, измождённых до состояния живых трупов людей. Нина не может смотреть на них. Она знает, что те с ненавистью глядят на неё, и сердце её разрывается от боли и желания хоть немного облегчить их участь. Но Нина не может.

Вот один заключённый из соседнего барака молча оседает на землю. У него, видимо, уже не осталось сил даже на то, чтобы стонать. Тут же офицер в чёрной фуражке указывает на него и раздаётся сухая автоматная очередь. Тело быстро оттаскивают к стене, где уже свалены в кучу, как ненужный хлам, закоренелые трупы тех, кто не пережил очередную ночь. И вновь воцаряется гнетущая тишина, нарушаемая лишь стуком тяжёлых солдатских сапог.

Рядом с Ниной стоят всего двадцать человек, все девушки или женщины. У каждой на лице застыла маска безысходности. Пустые, ничего не выражающие глаза смотрят в землю, худые руки судорожно сжимают грубую ткань лагерной робы.

Тот же самый офицер громким, режущим слух голосом объявляет о том, что ночью была совершена попытка побега заключёнными номер 5064 и номер 7668. Двое неудавшихся беглецов, понутив головы, стоят отдельно от строя. Офицер подходит к ним, не спеша вкладывает в перчатку железную пластину, надевает её и с размаху бьёт по лицу одного, затем — второго. Брызжет кровь, несчастные падают на землю, но их подхватывают двое солдат и ставят на ноги. Лагерфюрер объявляет, что на расстрел вместе с виновными направят половину их барака.

Нина вздрагивает, когда распахивается дверь и из офицерского штаба выходит начальница женского блока Мария Мандель. Ни слова не сказав и даже не взглянув на них, она указывает рукой в сторону ворот. И девушки идут туда, провожаемые тысячами ненавидящих глаз, глядящих из почерневших впадин. В полном молчании все занимают места на специальном помосте и берут в руки инструменты. Инструменты, которым в очередной раз суждено стать услугой для ушей одних и орудием морального уничтожения для других.

Эти девушки и женщины — музыканты. Под дулом автомата их заставляют с раннего утра и до поздней ночи играть, дабы развлечь своих палачей. Участниц оркестра не принуждают работать, не пытаются. Но для каждой из них уготовано другое истязание, вряд ли менее болезненное. Они каждый день вынуждены наблюдать поверх нотных попитров за тем, как под их музыку расстреливают, вешают, пытаются и всячески мучают невинных людей лишь за то, что они не подходят под сумасшедшие каноны Фюрера. Музыка превращает кровавые события лагерной жизни в театрализованные представления. И у узников, и у самих музыкантов сонаты и мазурки Баха, Бетховена, Моцарта и любые другие композиции

стали ассоциироваться с чем-то мучительным, бесчеловечным, изуверским. Музыка — самое возвышенное из всех искусств — превращалась здесь в изошрённую пытку.

Но они должны бесстрастно играть на этом балу смерти, чтобы жить.

Руководитель оркестра Альма Розе взмахивает дирижёрской палочкой, и воздух сотрясает торжественная мелодия немецкого гимна. Офицер командует: «*Barack № 133, Schritt vörwärts!*²» Конвоиры отделяют от шагнувших вперёд безучастных людей половину, выстраивают вдоль стены в колонну лицом к остальным узникам. Звучит команда: «*Feuer!*³» Автоматная очередь разрывает музыкальные аккорды. Трупы валятся на землю, заливая её потоками крови.

«Так будет с каждым, кто осмелится пойти против великого Рейха!» — говорит офицер, поднимая вверх палец в чёрной перчатке, а переводчик на ломаном русском повторяет эту фразу напыщенным тоном, поигрывая затвором автомата.

Вдали слышится густой гудок паровоза, а через некоторое время рёв двигателя вошедшего под своды страшных ворот поезда заглушает музыку, но, повинуясь повелительному взмаху рук дирижёра, оркестр выжимает из инструментов самые громкие и возвышенные звуки ещё одного ненавистного им гимна.

На широкую платформу из вагонов выходит огромная масса перепуганных людей. Они растерянно озираются в едком чаду паровозного дыма, не различая впереди дороги и даже лиц тех, кто стоит с ними рядом. В толпе слышатся приглушённые крики, причитания матерей и плач испуганных детей. Слыша громкую музыку, многие окончательно теряются и лихорадочно мечутся, пытаясь протиснуться среди волнующейся массы. Дым стелется по земле, заставляет глаза слезиться... Но вот он рассеивается, и перед прибывшими разворачивается страшная картина: сотни, тысячи невообразимо тощих, похожих на живые скелеты людей, глядящих на них с тупым, безучастным, леденящим кровь равнодушием. В нос ударяет жуткий запах горелого мяса, запах смерти.

Поезд с шипением и свистом отходит от платформы. Вдоль строя вновь прибывших проходит молодой красивый мужчина в белом халате и цепким взором окидывает стоящих. Это доктор Йозеф Менгеле. Вдруг он вскрикивает: «*Zwillinge!*⁴» — и выводит из строя двух девочек-близнецов в оборванной одежде. Мать, рыдая, вцепилась в их тонкие ручонки, но солдат ударил её прикладом, она упала. Довольно улыбаясь, Менгеле берёт ещё нескольких детей и взрослых и удаляется, ведя их за собой. Нина болезненно кривит губы, видя, как доктор протягивает каждому ребёнку по конфете. Те, кого забирает «дядя Йозеф» в свою чудовищную лабораторию, уже никогда не возвращаются.

² Барак № 133, шаг вперёд! (нем.)

³ Огонь! (нем.)

⁴ Близнецы! (нем.)

Селекция проведена за считанные минуты. Всё предельно просто: слабых — уничтожить, сильные — поработают *«zum Wohle des Reiches»*⁵. А оркестр всё играет... Обязан играть. Ведь представители высшей расы человечества должны в полной мере удовлетворить своё чувство эстетики...

Раздаётся команда: *«Nach rechts! Schritt marschieren!»*⁶ — и вся громадная полосатая масса пленных отделяется от бараков и выходит за ворота под прицелом множества автоматов. Альма ведёт музыкантов следом, ни на секунду не прекращая дирижировать. Они играют бравурные немецкие марши. Нина отрешённо водит смычком по струнам, давно зная весь порядок мелодий наизусть. Заключённые маршируют наподобие роботов. Их души мертвы, музыка управляет ими, как ветер заставляет плясать упавшие листья, заглушает их волю. Мучительно больно осознавать свою причастность к этому террору против ни в чём не повинных людей.

Когда узников приводят на строительство очередного шоссе, оркестр и тут продолжает играть. Репертуар сменяется на «Венгерские танцы» Брамса. Некоторых заставляют танцевать и маршировать на потеху фрицам. Кто отказывается или не может — мгновенный расстрел. Овчарки рвут поводки из рук конвоиров и надрывают глотки в яростном лае. Камни и мешки с песком своей непомерной тяжестью гнут заключённых к земле. Периодически разлетающаяся по округе зловещая россыпь выстрелов каждый раз заставляет сердце узника оборваться. Волей-неволей приходится напрячь все скудные силы, дабы и тебя не постигла та же участь.

А откуда брать силы изнурённым, существующим впроголодь людям?! Ту вонючую жижу с плавающими очистками гнилой картошки, которой заключённых кормят каждое утро, организм не воспринимает в качестве пищи. А есть хочется до судорог! Кора на придорожных деревьях изглодана...

Немцы усаживаются обедать специально у пленных на виду. Многие узники останавливаются и смотрят с голодным огнём вожеления в глазах на ломти хлеба с розовой ветчиной, исчезающие в поганных ртах.

А фрицы гогочут да забавляются: одному пулю в лоб, а второму кинут толстый кусок жирной курицы, как собаке, тот его схватит на лету и, едва прожевав, проглотит. Через минуту валится на землю и корчится от невыносимой боли в свернувшемся желудке, а потом долго и мучительно умирает в судорогах, если над ним не «сжальтся» и не пристрелят. И всё это — под весёлый мотив «Эрики» или «Глории». Особенный любитель таких «забав» — Лютер, начальник конвоя.

Нине тоже хочется есть, но она лишь тяжело сглатывает слюну и опускает глаза на скрипку. Пальцы рук заостенели и плохо слушаются. Девушка уже еле-еле водит смычком по струнам. От долгого стояния на месте ноги задеревенели и приходится переступать с ноги на ногу, чтобы совсем не утратить

⁵ на благо Рейха (нем.).

⁶ Направо! Шагом марш! (нем.)

чувствительность. Она тешит себя мыслью о том, что после отбоя ляжет на нары, свернётся калачиком и погрееется от своего дыхания.

Наконец наступает вечер. Вдвое уменьшившийся строй заключённых в густых сумерках бредёт «домой». Колонна теней в полосатых робах... Оркестранты идут следом, наигрывая гарантеллу, пытаясь управлять негибнущими пальцами, чтобы попадать в такт. Трупы заключённых, для кого этот рабочий день стал последним, свалены штабелями, словно дрова, на повозках, тянущихся вслед за оркестром. Вместо лошадей те же узники вынуждены тащить своих мёртвых товарищей. Голодные, измождённые непосильным трудом люди едва переступают посиневшими от холода ногами.

Одной из последних в этой толпе идёт мать Ивоны, гобоистки из их оркестра. Уже несколько дней, как она стала совсем плоха, ослабла. Дочь, тревожась о ней, постоянно изыскивает возможность тайком передать ей кусочек хлеба из своего пайка или комок недоваренной каши, если удастся незаметно пронести, зажав в кулаке. Видно, что теперь женщина передвигается с большим трудом, спотыкаясь и пошатываясь.

Краем глаза Нина видит, что Ивона не сводит с матери напряжённый взгляд. Вдруг, держась иссохшей рукой за грудь, женщина оседает на землю, валясь в жухлую редкую траву лицом. Конвоир молча, будничным жестом передёргивает затвор автомата и даёт короткую очередь... Соло гобоя захлёбывается. Вальс обрывается, но лишь на секунду. Нинина скрипка подхватывает партию гобоя. Нельзя прекращать музыку, иначе конвоир поймёт, что это не случайно, почувствует тонкую взаимосвязь между застреленной пленницей и молодой гобоисткой, которая отрешённо опустила инструмент. Немец поднимает почти невесомое тело убитой им женщины и легко забрасывает на одну из проходящих повозок. Ивона кусает губы, чтобы рыдания не вырвались наружу. За слёзы — смерть! А в лагере у неё малолетняя дочь Вацлава. Ради неё Ивона должна жить, должна быть сильной. И вот плач гобоя вновь вливается в весёлый ритм мелодии...

«Arbeit macht frei». Труд освобождает. Этот циничный лозунг над воротами лагеря встречает их каждый день. Но ему никто не верит. Нина тоже не верит. Она знает, что покой настанет лишь после смерти. Трупы «освобождённых» сегодня подвозят к дверям крематория.

По прибытии в лагерь музыканты занимают свои места на помосте и начинают играть джазовые композиции. А у эсэсовцев по программе «вечерняя профилактика», как между собой её называют заключённые. Сам Рудольф Хёсс, комендант лагеря, идёт вдоль ряда пленных, выбирая тех, кому будет уготована мучительная смерть от изощрённых пыток. Спустя какое-то время, перед строем стоят несколько перепуганных человек в полосатых рубищах, знающих, что их ждёт. Хёсс велит им раздеться, затем отходит в сторону и отдаёт краткий приказ. В тот же миг надзиратели спускают собак, и отлично выдрессированные животные бросаются

⁷Труд освобождает (нем.).

на приговорённых, валят их наземь, яростно терзая живые тела побуревшими от крови клыками. Комендант довольно скалится: «*Gut, gut...*⁸» — и пританцовывает в такт музыке.

Нина с силой зажмуривает глаза. Не сговариваясь, музыканты начинают играть громче, дабы заглушить треск разрываемой плоти и крики нечеловеческой боли. Свист и улюлюканье эсэсовцев перекрывают звуки джаза... Насколько пламенно Нина любила скрипку в детстве, настолько яростно она ненавидит её сейчас! Ненавидит за то, что она доставляет наслаждение этим нелюдям, называющим себя привилегированной расой, в которых не осталось ничего человеческого, чтобы именоваться просто людьми. Нина ненавидит себя, ненавидит весь оркестр. Ей хочется умереть прямо сейчас. Как было бы хорошо оказаться в числе расстрелянных сегодня утром — тогда не пришлось бы стать свидетелем этого кошмара...

После страшной экзекуции на земле остаётся ужасное месиво из истерзанных тел, крови и вывернутых костей. Убирать всё это приходится заключённым. Один из них не выдерживает жуткого зрелища и скрючивается в пустых рвотных позовах, падая на колени. К нему подходит надзирательница Ирма Грезе — красивая светловолосая немка с красной повязкой на рукаве. Некоторое время она с нескрываемым презрением смотрит на несчастного, а потом с очаровательной улыбкой заносит ногу в тяжёлом сапоге и бьёт в склонённое над землёй лицо так, что страдалец со всего маху падает на спину, захлёбываясь собственной кровью из разбитого в кашу лица. Солдаты аплодируют и кричат: «*Gut gemacht, Irma!*⁹»

Вперёд, назад, вперёд, назад... Пальцы управляют смычком автоматически. Слева от Нины стоит белая как мел Ивона. По щекам подруги катятся слёзы. Губы дрожат, из-за этого звук её гобоя чуть дребезжит. Слава Богу, никому из немцев до этого сейчас нет дела.

Наконец Альма опускает палочку, и оркестр замолкает. Начальница женского блока указывает девушкам на вход в офицерский корпус. Они встают со своих мест и направляются туда, откуда доносится говор пьяных солдат. Немцы уважают умение владеть музыкальными инструментами и поэтому к оркестранткам более благосклонны. Сегодня их, как обычно, хвалят за доставленное развлечение, но сейчас это неважно. Никто из оркестранток с утра ничего не ел, поэтому они молча кивают и проходят в угол, где для них накрыт стол. Каша (правда, постная, без соли, сахара и масла) и хлеб! Офицеры расщедрились и даже налили им в стакан шнапсу, чтобы согрелись. Нина оставила свой глоток Ивоне. Ей сегодня нужнее.

Они быстро едят. Через минуту в тарелках ничего не остаётся, а на скатерти нельзя найти даже самой маленькой хлебной крошки. Девушки произносят привычное «*danke*¹⁰» и торопливо уходят в свой барак.

⁸ Хорошо, хорошо... (нем.)

⁹ Отлично сделано, Ирма! (нем.)

¹⁰ спасибо (нем.).

Нина облегчённо вздыхает, укладываясь на нары, и подтягивает колени к подбородку, грея натруженные пальцы дыханием. Её подруги по несчастью не переговариваются между собой: на это нет сил. Некоторые из них уже спят свинцовым трудовым сном, поджав под себя голые ноги. Нина следует их примеру. Через щели в стенах барака свистит ветер и вновь тянет удушливым запахом дыма. Крематории не прекращают свою страшную работу даже ночью.

Нина затыкает щель в стене перед собою запревшей соломой из тюфяка. Спустя минуту девушка засыпает, едва подумав о завтрашнем дне. Может быть, завтра их всех освободит долгожданная Красная Армия. Может быть, Нину завтра расстреляют. А может быть, Нина завтра не проснётся. Засыпая, она надеется, что и сегодня во сне хоть ненадолго увидит свой дом, бабушку, маму. Надеется, что они живы. И Нина тоже должна выжить ради них. Ей остаётся только надеяться...

СТЕПАН КЕТОВ

11 класс

Наставник: Турутина Людмила Юрьевна,
учитель биологии и химии,
социальный педагог

Муниципальное бюджетное
образовательное учреждение
«Радищевская средняя школа № 1
имени Героя Советского Союза
Д. П. Польшкина»

Ульяновская область

Здесь стонет земля...

Пролог

Германия, Цоссен. 18 декабря 1940 год

Выдержки из выступления А. Гитлера на заседании генерального штаба войск Вермахта.

«Сегодня я подписал Директиву № 21 и назвал её «План Барбаросса».

«...Основная идея операции заключается в том, что германские вооружённые силы путём быстротечных действий должны разгромить Советскую Россию...»

«...Мы должны стереть с лица земли эту страну и уничтожить её народ...»

«...Территория России будет очищена от своего народа и заселена немцами...»

«...Природа жестока, следовательно, и мы тоже имеем право быть жестокими. И если я посылаю в пекло войны цвет германской нации, проливая без малейшей жалости драгоценную немецкую кровь, то я, без сомнения, имею право уничтожить миллионы людей низших рас (евреев, цыган, славян...), которые плодятся, как насекомые...»

«...Я освобождаю своих людей от сдерживающего начала разума, от грязной разлагающей химеры, именуемой совестью и моралью...»

Надзирательская плётка со свистом «прошлась» по телам узников. Мишке на мгновение показалось, будто в его худенькие ножки вонзилось остриё бритвы. Он вскочил, вытаращил свои чёрные глазёнки, судорожно пытаясь понять, что происходит. Всего минуту назад бойкий босоногий мальчуган Мишка Григорьев бегал по цветущему лугу, вдыхая запах молодой июньской зелени. В бабушкином доме его уже ждал завтрак: ароматные белорус-

ские сошни с творогом и парное молоко. Деревенька на окраине Витебска, куда приехала погостить семья Григорьевых летом 1941 года из Ленинграда, встречала рассвет озорными солнечными зайчиками, весело прыгающими в оконцах домов. Но это был всего лишь сон...

Устрашающий вой лагерной сирены вернул Мишку в мрачную действительность. Он печально оглядел почерневшие от плесени, промёрзшие стены барака, многоярусные деревянные нары, покрытые кое-где грязными лохмотьями и прелой соломой. На каждом этаже покосившихся лежанок, словно полосатые черви, извивались высохшие от голода и изнурительной работы женские тела, которые из последних сил пытались выбраться из своих нор и встать на переключку.

Мишкина мама была уже на ногах. Молодая женщина, больше напоминающая дряхлую старуху, наспех кормила грудью младшего брата Вовика, завёрнутого в грязную тряпку. Здесь не было постельного белья, одежды, еды. Здесь не было ничего. Только дух смерти кружил над человеческими телами, то и дело забирая кого-нибудь в чёрную бездну.

В бараке, рассчитанном на триста человек, фашисты умудрились разместить больше тысячи узников. Заключённые спали, прижавшись вплотную друг к другу. Грязь, вши и крысы усугубляли и без того плачевное состояние людей. Мишке несказанно повезло в том, что в их бараке детей не разлучили с матерями. Он очень любил своего отца, ушедшего на фронт, маму и маленького брата, и просто не выжил бы без них. В то время пока женщин угоняли на работы, дети оставались в бараке. Им нельзя было громко говорить, запрещалось играть и выходить на улицу. Старшие ребята наводили порядок в помещении и присматривали за малышами. Самым старшим в их бараке было всего по девять лет! Но после пережитых испытаний дети действительно становились похожими на маленьких старичков, молчаливых, рассудительных, серьёзных.

Шестилетний Мишка трепетно ухаживал за Вовиком. Он качал его на костлявых слабых ручонках, чтобы малыш не плакал. В холод ложился на нары рядом с братишкой, пытаясь согреть теплом своего тщедушного тела. Мишка обязательно оставлял от пайка мякиш хлеба, чтобы потом разжевать его и слепить подобие пустышки для Вовика. Много испытаний выпало на долю этого мальчишки с того момента, как три месяца назад, в декабре 1941 года, после долгих и мучительных скитаний они с мамой и двухмесячным братом попали в немецкий концлагерь «Саласпилс», расположенный в Прибалтике, недалеко от города Риги. Его ещё называли «фабрикой детской крови». Это не был лагерь для массового уничтожения людей с газовыми камерами и крематориями. Дети здесь умирали медленной и мучительной смертью. Матери, на глазах которых погибали их дети, сходили с ума от горя и ужасов.

Первым испытанием для Мишки стала «дезинфекция» вновь прибывших в лагерь. Толпу узников вывели на улицу в декабрьскую ночь, заставили раздеться догола и идти босиком по заледенелой дороге через всю террито-

рию в барак, называемый баней. Ледяной ветер, казалось, был заодно с фашистами. Он беспощадно хлестал женщин и детей, превращая их нежную кожу в одну сплошную красную корку. Дети, судорожно перебирая маленькими ножками, семенили, корчась от холода в неестественных позах. Они умоляюще смотрели на своих матерей, мысленно прося защиты. Грудных детей женщины несли на руках, пытаясь, как птицы, укрыть своими телами. Самыми несчастными в этой толпе беспомощных людей были именно женщины, униженные и оскорблённые. Они — матери — не могли защитить свои «кровинушки» в тот момент, когда те так нуждались в этой защите. Узницы шли молча. Слезы застилали глаза. Они не понимали, за что на долю ни в чём не повинных мирных людей выпало такое испытание. В это время садисты-конвоиры громко смеялись, гримасничали и выкрикивали непристойные слова вслед толпе. В бане пленных облили холодной водой и погнали обратно. Разум Мишки помутился, он не помнил, как добежал до барака. Очнулся мальчик лишь тогда, когда ледяные мамины руки из последних сил растирали его обожжённое колючим ветром тело. Многие из узников наутро уже не проснулись. С этого момента каждый день заключённых превращался в жесточайшие испытания, преодоление которых требовало нечеловеческих усилий.

За время, проведённое в лагере, Мишка хорошо изучил свой барак, усвоил правило тишины, нарушив которое, можно было получить жестокое наказание в виде избияния плёткой. Он научился прятать за щекой конфеты, брошенные надзирателями в толпу детей, чтобы потом незаметно выплюнуть. Лакомства были напичканы мышьяком. Каждый день в определенное время в барак заходил «чёрный доктор», как называли его заключённые. Под белым халатом у доктора виднелся чёрный мундир офицера СС. В его пристальном взгляде было что-то лютное. «Чёрный доктор» приносил с собой едкий запах мучительной смерти. Надзиратели отводили детей за ширму, стоявшую в дальнем углу барака. Там изуверы брали кровь у всех детей без исключения. С её помощью солдат вермахта возвращали в строй, чтобы потом они могли жечь, убивать, насиловать. Только не каждый из доноров оставался жить. Маленькие безжизненные тела выносили за ноги и складывали в большую корзину, предназначенную для детских трупов. Когда корзина наполнялась доверху, санитары волоком тащили её на улицу. Детей сбрасывали в выгребные ямы, а затем сжигали или небрежно закидывали песком. Но среди мёртвых оказывались и живые, только очень ослабленные дети. И по вечерам, когда в лагере наступала тишина, из ямы раздавался глухой детский плач. В те минуты казалось, будто стонет земля, скорбя и тоскуя по израненным душам своих маленьких жителей.

Однажды Мишка потерял сознание от большой потери крови. Придя в себя, он не увидел рядом Вовика. Старший брат начал судорожно искать малыша и обнаружил его бездыханное тельце в этой самой корзине. Не помня себя от горя, Мишка что было сил выдернул брата из-под посиневших трупов

и унёс подальше от глаз палачей. Один Бог знает, как шестилетний ребёнок вернул к жизни крохотного человечка. С того времени Мишка держался изо всех сил, чтобы оставаться в сознании. Бледный и измученный, старший брат терпеливо ждал, когда возьмут кровь у маленького Вовика. Он осторожно брал его и трясущимися руками уносил на нары. До вечера мальчуган гладил малыша по худенькому личику, согревал своим дыханием и отгонял крыс от ослабленного тельца.

Вечером, едва держась на ногах от тяжёлой работы, приходила мама. Мишка кормил её из ложки отвратительной баландой: другой еды узникам не давали. И, крепко обнявшись, они засыпали. Были ночи, когда не удавалось уснуть никому. В это время из-за той самой ширмы, где выкачивали детскую кровь, раздавались странные звуки, больше похожие на вой загнанного волка. Вой гулким эхом отдавался в сердцах узников, наполняя несчастных чувством непреодолимой горечи и страха. Многие закрывали уши руками и начинали плакать то ли от собственного бессилия, то ли от смертельной безысходности. Днём звуки немного затихали. А к вечеру всё повторялось вновь. Дети, в силу своей любознательности, улучив момент, когда в бараке не было надзирателей, заглянули за ширму. И тут Мишка увидел жуткую картину. На медицинском столе лежал мальчик. Имени его не знал никто, лишь только номер на бирке — 351270. Его руки и ноги были сломаны и вывернуты наоборот. Серый от мучений цвет лица вселял ужас, и только его огромные голубые глаза выглядели так, словно в них отражалось мирное небо или бескрайнее тёплое море. Но в то же время Мишке показалось, что он отчётливо видит в этих глазах безграничное страдание и жажду скорой смерти. В лагере «Саласпилс» над детьми, помимо сбора крови, проводились опыты. Им без наркоза ломали руки и ноги, ждали, когда всё срастётся, затем ломали вновь. Так повторялось до тех пор, пока ребёнок не умрёт. Вскоре мальчик под номером 351270 затих. Долгожданная тишина, воцарившаяся в бараке, не радовала никого. Все понимали, что это могло означать. Санитары выносили мальчика ночью, пока все спали. Но те, кто тайком наблюдал за происходящим, говорили потом, что в темноте был виден блеск его голубых глаз.

С каждым днём в барак, где жил Мишка, всё чаще и чаще заглядывала смерть. Женщины теряли жизненные силы от работы и голода, малыши слабели от отсутствия солнечного света, болезней и потери крови. Мёртвых детей выносили уже сотнями. Среди них были белорусы и украинцы, поляки и немцы, евреи и цыгане. Самыми стойкими были русские. Но все они считались советскими детьми, а значит, уже заранее были приговорены к неминуемой смерти палачами вермахта. Маленький Вовик с каждым днём становился всё больше похожим на скелетик, обтянутый полупрозрачной кожей, с большим надутым животиком, выпученными глазами и мутным взглядом. И как Мишка ни старался заботиться о братишке, огонёк его жизни неумолимо угасал. Вскоре Вовик умер. Маленький родной человечек, который за свою короткую жизнь так и не узнал, что такое солнце, утренняя

заря и счастливое детство. Мама каким-то чудом добилась разрешения самой похоронить младшего сына. Руками вырыли маленькую ямку. Мишка бережно положил туда тело брата, накрыв сверху старым платком, чтобы песок не попал на лицо. На могилке соорудили небольшой холмик. Плакать не было сил. Молча мать с сыном пошли в барак.

После смерти Вовочки Мишкина мама стала слабеть. Она совсем перестала улыбаться, чаще болела, почти перестала есть. Сам он тоже очень исхудал и еле передвигал костлявые ножки. Но несмотря ни на что, ждал ее с работы, кормил, гладил поседевшие от горя волосы. А ночью они, как и прежде, обнявшись, ложились спать. Мать и сын долго лежали, прижавшись друг к другу, и думали каждый о своём. Их сердца звучали в унисон. Остановились их сердца тоже одновременно.

Ранним майским утром 1942 года соседи обнаружили уже остывшие тела Мишки Григорьева и его мамы. Они так и остались лежать, обнявшись.

Зыбучие пески концлагеря «Саласпилс» стали последним пристанищем не только для шестилетнего Мишки. По данным историков, примерно двенадцать тысяч детей прошли через адские муки лагеря смерти. Около семи тысяч маленьких, ни в чём не повинных жизней оборвалось именно за его воротами. Малыши и подростки были расстреляны, сожжены, заживо закопаны, отравлены, разорваны собаками, съедены крысами, использованы в качестве доноров кожи, крови, органов и зверски замучены в застенках лагерей смерти лишь только потому, что они были советскими детьми. Земля никогда не перестанет оплакивать их юные души.

ОЛЬГА ТЕРЕХИНА

10 класс

Наставник: Терехина Вера Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное
бюджетное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа
с. Сальское» Дальнереченского
муниципального района Приморского края
Приморский край

Воспоминания о детстве в оккупации

Детство моей прабабушки Веры Егоровны Трошиной и других маленьких жителей села Зёрново Суземского района Брянской области закончилось летом 1941 года. Вере повезло больше других, она пережила войну, выросла, стала учителем истории, вышла замуж за морского офицера, переехала в Приморский край, родила двух дочерей, потом у неё появилось четверо внуков и девять правнуков. Моей дорогой прабабушки Веры нет в живых уже четыре года, но я никогда не забуду то, что она рассказала мне о своём детстве.

— Бабушка, на момент начала войны тебе было всего одиннадцать лет. Все защитники на фронте. Как же вам жилось, когда фашисты вторглись в село?

— Наше село Зёрново оккупировали 17 сентября 1941 года. Заявились фашисты к нам во двор. Бегают по двору, кур ловят, головы руками откручивают, бабушку Лизу заставляют щипать перья. Мы смотрим на всё это, плачем навзрыд.

У соседки свинья опоросилась. Семеро поросят. Несёт фашист живого поросёнка. За ноги держит. Поросёнок визжит на всё село, а немец хохочет. Свинью зарезали, растащили по кускам. Ничего семье с семерыми детьми не оставили.

У нас до пожара был большой дом. В этом доме немцы разместились. Однажды немец выходит из зала, берёт картошку, тёрку и показывает, что надо тереть картошку и печь draniki.

Мама всё сделала, как он показал. Немец наблюдал за всеми её действиями, глаз не спускал с неё. Нажарила мама dranikov. Немец заставил меня попробовать. Боялся, что отравим.

И были такие случаи, что травили фашистов, убивали. За одного фашиста целые сёла сжигали вместе со всеми жителями. Когда фашисты расположились в нашем селе, то объявили, что за одного убитого немца всех жителей села уничтожат. Страшное дело. В семи километрах от нас было село Павловичи. Каким-то образом там немец погиб, фашисты собрали всех жителей и стали допрашивать, чтобы выдали того, кто это сделал. Никто не признался. И фашисты всех от мала до велика согнали в одно помещение и заживо сожгли.

— *Бабушка, ты, наверное, как и все, кто это пережил, фашистов на всю жизнь возненавидела?*

— Да, фашизм — страшное зло. У отцова брата Данила сын остался. Он родился немой, совсем не разговаривал, мычал только. А у фашистов указ был уничтожать ущербных людей. Вот и нашли немого четырнадцатилетнего мальчика убитым, лежал на окраине села.

— *Линия фронта была, судя по всему, недалеко от вашей территории. Насколько велика была опасность бомбёжки или случайных попаданий снарядов?*

— Да, линия фронта была близко. Когда наступали немцы, у нас говорили, что надо окопы рыть. И мы рыли окопы глубиной восемьдесят сантиметров.

Нам недаром советовали окопы делать подальше от дома, где-нибудь в поле, так как могут загореться постройки, и задохнёшься от дыма. Наш окоп был далеко в огороде. А одна семья вырыла окоп прямо в саду возле дома. От взрыва снаряда погибли женщина и ребёнок, хотя прятались в окопе. Всё Зёрново плакало, когда их хоронили.

— *Как же вы без мужчин во время войны обрабатывали огород, чтобы себя прокормить?*

— В стране в основном была конная армия, поэтому из колхоза с началом войны стали забирать лошадей, оставались самые «никудышные». На них пахали землю в колхозе.

А у каждого двора ещё по тридцать–сорок пять соток своей земли было. Как их обработать лопатой? Да ещё без мужчин? И женщины сами впрягались в плуг. Четыре женщины тащат плуг, а пятая идёт сзади и управляет. Мне тогда уже двенадцать лет было, и я успела тоже этот плуг потаскать. Труд очень тяжёлый.

— *Бабушка, у вас во время войны была учёба в школе?*

— В годы оккупации фашисты устроили в нашей школе конюшню. Выдрали оконную раму, соорудили помост и заводили лошадей через окно прямо в классы. Я на тот момент успела два класса начальной школы окончить, а потом занятий не было три года.

Как только наше село от фашистов освободили, занятия в школе возобновились. Не ждали, пока война закончится. После пожара в Зёрново не было ни тетрадей, ни учебников. Один драгоценный учебник на весь класс! Мы планировали каждую минуту времени, чтобы все могли домашнее задание

по учебнику выполнить. К окончанию школы мы все были переростками. По двадцать лет нам было.

— *Бабушка Вера, почему в вашем селе произошёл пожар, и связано ли это с войной и фашистами?*

— Случилось это в 1942 году накануне Пасхи. Фашисты из Зёрново ушли, вместо себя оставили полицаев. И вдруг напали на Зёрново уголовники, которых фашисты выпустили на свободу в обмен на согласие жечь сёла, прикинувшись партизанами, чтобы местное население их возненавидело.

Почти все крыши домов были соломенные. Бандиты вырывали пучки соломы, поджигали и кидали на крыши. На дворе два часа ночи. Горит Зёрново. Как жутко смотреть, когда твой дом горит. Окна трескаются, и из них пламя выходит. Всё начисто сгорело. Пришли утром на пожарище люди: ничего не осталось, одни печки чёрные стоят. Погибло сто восемь жителей.

Мы сразу после пожара ютились с другими семьями в уцелевшей конторе. Стелили прямо на пол солому и так спали, согревая друг дружку. Потом соорудили на месте подвала от дома землянку и перешли жить в неё.

А тут ещё новое горе. Начинается облава на девушек. Фашисты их насильно угоняют в Германию на работу.

— *Бабушка, у тебя была старшая сестра Мария. Как же удалось её уберечь от угона в Германию?*

— Подошла очередь нашей Марии, исполнилось ей шестнадцать лет. Мама заранее узнавала, что сегодня, например, будет очередная облава. Ближе к вечеру Марию и её подругу Нину мама отправляла на поле прятаться в копнах. Была осень, копны стояли по всему полю. Договаривались заранее, в какой сегодня копне по счёту от дороги будут прятаться. Как стемнеет, отправляет меня мама в поле с узелком еды. Иду по тропинке, сама оглядываюсь, чтобы никто за мной не следил. Девушки прятались в копне всю ночь, а утром шли по домам. Потом к ночи снова прятались. И так много осенних ночей проводили они в копнах. Зато мы не допустили, чтобы Машу угнали в Германию.

— *Когда же село Зёрново было, наконец, освобождено от фашистов?*

— В 1944 году наше село освободилось от немцев. Тогда-то и паника среди населения началась: фашисты, отступая, вырезают всё население, не щадят ни женщин, ни детей, ни стариков. Бегут люди в овраги прятаться.

Убегают фашисты и везде оставляют мины за собой. Немало зёрновцев погибло от этих мин. Страшный случай произошел с моим двоюродным братом Колей. Ему было десять лет. Когда он с другими ребятами пас коров на лугу, они нашли снаряд и решили из него вытащить «часики». Когда снаряд взорвался в руках Коли, то его разорвало на кусочки, другому мальчику снесло полголовы, третий оглох на одно ухо, и ему на руке оторвало два пальца. Это ужас был. Колю собрали по кусочкам, сложили в ящичек от снарядов и, не заходя домой, сразу отнесли на кладбище и похоронили.

— *Бабушка, каким тебе запомнился День Победы?*

Это было 8 мая. Погода солнечная, небо синее. Мы все на огородах. Садим картошку. Вдруг на улице слышим шум. Скачет на коне верховой и кричит на всё село, что война закончилась. Радость сквозь слёзы. Мама моя сидела в огороде и плакала о муже и сыне, что больше никогда их не увидит. Папа и брат Федя пропали без вести. Не только я, но и почти все мои сверстники остались без отцов...

— Спасибо тебе, бабушка, что поделилась своими детскими воспоминаниями. Трудно было тебе говорить. Слёзы стояли в глазах и голос дрожал... Но мне, живущей сейчас, так необходимо знать правду и помнить её, чтобы эта страшная трагедия не повторилась никогда, чтобы никакая война больше не украдала детство у маленьких жителей нашей страны.

Недавно в «Хрониках партизанской битвы» я нашла подтверждение каждому слову прабабушки Веры Егоровны, сказанному о малой родине — Суземском районе Брянской области — в годы Великой Отечественной войны. Автор статьи «Непокорённый Суземский край» Г. А. Гаврилкин перечислил страшные цифры: «Оккупанты казнили в районе 2260 человек, 20 тысяч угнали в Германию. Из 47 тысяч населения (по данным переписи 1940 г.) в сентябре 1943 г. в районе насчитывалось всего 16 тысяч человек. Немцы сожгли в районе 6468 домов из 7418, 48 школ, 39 клубов, 4 больницы, 5 медпунктов, 81 магазин. Уничтожено 4460 голов рогатого скота, 4370 лошадей». В конечном счёте зверства войны больше всего ударили именно по детям, забрав у них отцов, защиту, дом, еду, школу, мир, детство. Об этом я буду помнить всегда!

ПОЛИНА ПОПОВА

11 класс

Наставник: Юсупова Оксана Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное автономное
общеобразовательное учреждение
«Гимназия № 2» г. Перми

Пермский край

Как Женька не стала человеком

В ночь с 22 на 23 июля 1942 года курносая, долговязая и обритая налысо из-за вшей Женька оказалась в колонне детей, идущих из Смоленской области в тыл: подальше от диких зверей. Зверей, пожирающих всё на своём пути: и леса, и деревни, и людей. Они разевали пасть и — ам! Горели дома, плавали трупы в колодцах, и от криков в ушах звенели церковные колокола.

Каждый ребёнок в колонне что-то да знал о зверье.

— Зубы большие — волчьи!

— Глаза свирепые — как у медведя!

— Вот враки! Я фашистов сам видел — это на вид обычные люди, как ты и я...

И обязательно кто-то плакал, надрывно и горько — у детей помладше на грязных щеках не высыхали дорожки от слёз. А ребята семнадцати лет шли впереди колонны, где вся горечь превращалась не в слёзы, а жгучую ярость, злобу, противоестественную для недовзрослых-недодетей.

Торопились — звери наступали на пятки и брали след. Шли тяжело, хотя было лето. Сапоги вязли не в глине, а в воспоминаниях: кто-то из детей мечтал, что вернётся к родителям, видел перед глазами любимый сад со смородиной, а на подоконнике — остывающий пирог, а кто-то знал уже наперёд, что нет больше ни дома, ни сада, ни родителей.

Остался на свете один только он...

Руководила колонной Матрёна Исаевна — статная и молодая. Учительница в жизни до, партизанка — во время войны, хотя, чего уж скрывать, только талантливый педагог мог командовать классом в несколько тысяч человек, когда впереди — сотни километров через леса, болота и минные поля, а вокруг скалятся дикие звери.

Одна нерешаемая проблема была у Матрёны Исаевны — это Женька.

— Ну и скажи мне, Жень, чего ты его ударила?

— Да просто! Не нравится он мне!

— Разве можно так? Уж сейчас-то особенно...

Матрёна Исаевна вздохнула. Столпившиеся вокруг дети смотрели на Женьку враждебно, пока та утирала курносый нос. За свои одиннадцать лет Женька привыкла к таким взглядам.

— Пошли, будешь впереди колонны, — решила Матрёна Исаевна, и они, спотыкаясь о лесные кочки, пробрались сквозь толпу.

Мальчика, которого побила Женька, успокоили и накормили хлебом. У Женьки тоже опустело в животе — они шли по лесу трое суток, — но никто этого не слышал.

— А тут сбежались все сразу... сахарный какой... — бурчала она под нос и всё же продолжала идти за Матрёной Исаевной.

Родителей у Женьки не было. Она и вспомнить не могла, как их потеряла: перед глазами распускались бутоны алых цветов — и всё. В деревне Елисеевичи о ней заботились добрые люди по очереди, а Женька изводила их тяжёлым характером.

Матрёне Исаевне помогали ещё две женщины — Варвара Сергеевна и Екатерина Ивановна, но они тоже намучились с Женькой.

— Та ещё егоза, — сердито говорила Варвара Сергеевна.

— Не уследить, — соглашалась Екатерина Ивановна.

— Ну вот, теперь моя очередь с тобой нянчиться, — смирилась Матрёна Исаевна, погладив голову Женьки, едва поросшую колючей щетиной.

Продолжился путь. Тяжёлый — через заросший лес, поля, топи. Женька шла впереди, с подростками. Утомилась. Колючки впивались в ноги, рвались ботинки, от укусов насекомых на руках и лице появились язвы. Но нельзя было поворачивать назад — некуда. Это понимали все, даже десятилетняя малышня, даже егоза Женька...

На привале девушка рядом с Женькой постоянно кашляла. Еды не хватало, а ей кто-то отдал целую булку. Женька задумчиво чесала голову, глядела исподлобья: «Как бы ухитриться, чтобы никто ничего не заметил, а?»

Зверёк внутри неё так и свербил, науськивал.

— Возьмите меня с собой.

— И меня возьмите!

Неподалёку несколько юношей говорили с Матрёной Исаевной. Она хотела уйти вперёд, чтобы проверить маршрут. Затягивая пояс потуже, отдавая команды Екатерине с Варварой, она отмахивалась:

— Зачем вы мне там? Мешать только будете...

Девушка наконец-то начала клевать носом. Булка так и лежала возле неё на пенке.

— Я до деревни и обратно. Гляну, нет ли и там теперь немцев.

Женька пересела поближе, пока никто на неё не смотрел.

— Кать, Варь, если вдруг... В общем, тогда по другому маршруту идите.

Булка пахла ярко, как душистые летние цветы, и сквозь крону деревьев падал на неё луч света, отчего бока её казались ещё румяней — словно только из печи.

— Да как же так, Матрён Исаевна! Ну возьмите нас...

— Нет!

Женька сунула руку в этот золотистый солнечный луч, обожглась, но не дёрнулась. Впилась ногтями, как зверь, и затем булку за пазуху сунула. Обернулась, а Матрёна Исаевна на неё смотрит:

— Нет, Женька! Тебе говорю!

Тут-то у Женьки ноги ватными стали. Кольнуло из прошлой жизни — той, где ещё кто-то считал, что хорошая растёт в семье девочка (а не зверь).

Вздрыгнула больная, проснулась, посмотрела на Женьку. И остальные тоже. Весь мир на неё вдруг посмотрел, на её обожжённую кражей руку.

Тогда Женька нагло всю булку в рот запихнула и начала жевать.

В лесу было тихо. Все давно утомились, молчали, и каждый звук потому был различим. Женькины зубы стучали друг о дружку, как у щенка волчицы, и это каждый слышал, и это видел — каждый.

— Не стыдно? — наконец спросила Матрёна Исаевна.

— Нет! — соврала Женька.

Все отмерли. Девушка пересела подальше от Женьки, зашла каким-то глухим, удушливым кашлем. Остальные ребята на Женьку смотрели неодобрительно, даже сердито.

— Вставай, пойдёшь вместе со мной на разведку, — сказала вдруг Матрёна Исаевна.

— Я?..

— Ты-ты. Раз поела, значит, и поработать можешь.

Так вот и получилось, что юноши с Матрёной Исаевной не пошли, а Женьку она взяла. Только неясно было, то ли это честь такая, а то ли всё-таки наказание...

Надо было решать проблему Матрёны Исаевны, пока не поздно. Вот дойдут они до железной дороги, расстанутся с Женькой, и не спасти её больше: останется от девочки только зверь.

— Что такое человек, Жень, как думаешь? — спросила Матрёна Исаевна, когда они отошли от лагеря километра на два, продравшись через заросли папоротника.

Женька почесала голову — та всё ещё зудела от вшей.

— Да вы например, тётя Катя и тётя Варя — тоже. И я человек.

— А ты — почему?

— Как это — почему? — не поняла Женька. — Вот у меня две руки и две ноги — всё как у вас.

— А фашисты — кто?

— Ну фашисты — свиньи! Волки! Зверьё они! — со знанием дела ответила Женька.

— Но у них ведь тоже две руки и две ноги.

Тут Женька впервые задумалась: и правда, фашисты — тоже люди, только вот никто их людьми не считал. Сколько Женька не скиталась от деревни к деревне, а везде одно: «Свиньи проклятые! Собаки сутулые! Черти!» — да кто угодно, но не люди.

— А почему так? — спросила она у Матрёны Исаевны.

Женщина улыбнулась. Было странно видеть этот мягкий, добрый изгиб губ посреди глухого леса, где, как в могиле, пахло сырой землёй. Женька споткнулась, упала, снова разодрала колени в кровь, а Матрёна Исаевна всё с той же улыбкой ей руку протянула — помогла подняться.

— Вот это правильный вопрос, Жень. Ты бы об этом раньше подумала, — похвалила она. — Мы пока идём, ты и поразмышляй немного, почему кто-то человеком становится, а кто-то — нет. И неважно, сколько у кого рук и ног.

Женька нахохлилась — поняла, что её нравочать пытаются.

— Да вы так и скажите: красть — нельзя! Плохая ты девка! А то завели тут шарманку: подумай, а почему, а поразмышляй...

Матрёна Исаевна ничего не сказала. Поправив бурдюк на плече, она отправилась вперёд, прощупывая дорогу для себя, для Женьки и ещё для нескольких тысяч будущих человек.

Приближалась ночь, а они всё шли и не сворачивали обратно. Ноги начали уставать, но Женька не жаловалась — она думала. Упало зерно мысли на благодатную почву!

И вот, наконец, вышли они к заброшенной деревне. Домики были покосившиеся и пустые, с мёртвыми глазами окошек. Кое-где — разинуты дверные проёмы, как рты, и не колыхнёт ветерок даже какую ставню.

Всё тихо-тихо.

Всё зябко-зябко.

— Колодец, смотрите! — обрадовалась Женька — бурдюк давно уже опустел.

Она подбежала к нему, хотела скинуть ведро, а там — некуда.

Большая такая куча лежит и смотрит на Женьку разинутыми ртами и глазами, куча почти до верха колодца, гладкая, голая — не разберёшь, где рука чья, а где нога. И букет красных цветов распускается — Женька его помнила хорошо. Точно такой был в тот день, когда и родителей... Когда прямо там, и мамка, и папка, и бабушка — все усеялись красными цветами, как летнее поле — маками.

Одна Женька только и выжила.

— Не смотри, а ну отойди! — подросла Матрёна Исаевна.
Но у Женьки земля ушла из-под ног, и небо завертелось, и подкосились ватные ноги.

Вернулись в лагерь уже ночью. На обратном пути никто не вымолвил ни слова. Только однажды Женька тихо сказала:

— А фашисты тоже начинали, как я, Матрён Исаевна? Крали, обижали других, да?..

Несмотря на это, в лагере обрадовались даже Женьке, а не только Матрёне Исаевне. И та больная девушка протянула ещё одну булку, и кто-то накинул на Женьку тёплый платок.

— Вы простите меня, — через силу, но выдавила из себя Женька. — Больше я ни драться, ни красть не буду...

— Решила человеком стать, а, Жень?

— Это правильно!

— Это — молодец!

И другие стали гладить Женьку по голове, как когда-то гладила только Матрёна Исаевна, не боясь ни вшей, ни щетины, ни самой Женьки.

Утром все пошли по уже известной тропе.

— Пустая деревня была — немцы как ушли, так и не возвращались, — успокоила Матрёна Исаевна.

Двигались медленно, болезненно и тихо. В каком-то траурном, уставшем молчании. Никто не знал, сколько ещё идти, и в детях становилось всё меньше детского. Последние колонны с десятилетками еле плелись, но уже не плакали — зубы посжимали и шли.

— Ничего-ничего, мои хорошие... До деревни дойдём, а там и до железной дороги рукой подать! — подбадривала Матрёна Исаевна.

«Вот уж точно — какие сомнения? — человек! Человечище! Ни на что за весь путь не пожаловалась, беременная — лишний раз не присела, упавших духом — поддерживала, а меня перевоспитывала. Стану такой, как она», — решила Женька.

Показались знакомые домики с разинутыми ртами. Радостный рокот прошёл по колонне, как мурашки по телу.

— Сейчас отдохнём, — заулыбалась опять Матрёна Исаевна, как тогда, наедине с Женькой.

— Я человеком стану, знаете? Матрён Исаевна... Я поняла — человеком стану! — тоже заулыбалась Женька, идя впереди всех.

И всё бы ничего, да вдруг из зарослей, из шиповника в красных ягодках, похожих на капли крови, уставился на Женьку какой-то зверь. У зверя — каска съехала на лоб, дрожит ружьё.

«Бах!» — и Женька вдруг видит дивные эти цветы на своей груди, дивные эти маки, которые пахнут металлом, несмотря на июльский зной.

«А ведь цветы — не всегда цветы. Что-то лишь притворяется цветами», — понимает Женька, падая наземь.

И не слышит Женька, как опускается рядом с ней Матрёна Исаевна, как кричит кто-то задушенно-страшно, как пулемётная очередь — вдоль-поперёк по детям, словно по зайцам в лесу.

Женька лежит, смотрит в синее-синее небо, безоблачное такое, без туч. Ей спокойно.

— Я поняла... поняла главное, Матрён Исаевна... Люди — не всегда люди...

— Молчи уж, молчи, Жень...

— Кто-то лишь притворяется людьми.

Вот так и из Женьки сквозь сжатые пальцы Матрёны Исаевны, сквозь подаренный ей платок, выросла клумба красных цветов. Так и она стала похожа на мамку, папку и бабушку. И на настоящего человека, наверное, тоже.

На человека, которым она не успела стать.

ВАРВАРА ТИХОНОВА

11 класс

Наставник: Калугина Мария Владимировна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
Ясенецкая средняя школа

Нижегородская область

Родился мальчик в дни войны...

Здесь впитала земля
Запах тлена и пролитой крови
Сотен тысяч людей
Разных наций и разных сословий...

«Детский ботинок», Сергей Михалков

Перед сном, как обычно, Анна Ильинична заглянула к дочери. Приоткрыла тихонько дверь в комнату, ожидая увидеть Маринку спящей, но вдруг услышала приглушённый плач. Плечики дочери вздрагивали под одеялом.

— Марина, что с тобой? — испуганно спросила Анна Ильинична. — Почему ты плачешь?

Маринка повернула к матери зарёванное лицо и сказала, почти крикнула: — Зачем, ну зачем, мамочка, ты дала мне эту книжку?

Мать присела на краешек кровати рядом с плачущей дочерью и увидела торчащий из-под подушки уголок книги. Она потянула за него. Дж. Бойн «Мальчик в полосатой пижаме» — прочла она и сразу же поняла, чем были вызваны слёзы её тринадцатилетней дочери. Она действительно дала Марине эту книгу и настоятельно попросила прочитать. Но Маринка всё тянула. И вот, пожалуйста...

— Знаешь, дочка, вытирай слёзы и пойдём на кухню, поговорим... — твёрдо сказала Анна Ильинична.

Маринка, удивлённая тем, что мама не пожалела её, не поделила с ней тяжесть прочитанного, перестала плакать и поплелась на кухню.

Мать и дочь долго молча пили чай. Наконец Анна Ильинична сказала:

— Есть такие вещи, над которыми нельзя плакать. Нельзя! Можно сострадать, сопереживать, любить и ненавидеть вместе с героями книг, но не плакать!

— Почему? Ведь мальчик погиб! Маленький домашний мальчик, который просто хотел помочь другу найти отца. Я плакала, потому что мне жалко его. Его смерть была такой глупой...

— Глупой? — нахмурилась мать. — Разве можно назвать глупостью фашистский режим? Или истребление людей другой нации — глупость? Или, может быть, голод и война — глупость?

Маринка смутилась и испугалась. Прочитав книгу, она, конечно, поняла, что история немецкого мальчика Бруно и его семьи произошла во время Второй мировой войны, что отец мальчика — комендант концлагеря Аушвиц («Аж-высь» называл его Бруно), верный солдат фюрера, что из окна он видел бараки этого лагеря и измождённых заключённых, среди которых он однажды нашёл себе друга — мальчика-еврея. На уроках истории учительница рассказывала о зверствах фашистов в концлагерях, но Маринка только сейчас вдруг осознала, что случилось с Бруно и его другом.

— Ты прочитала книгу о маленьком мальчике, добром, наивном мальчике, который рос в семье немецкого офицера и который не понимал несправедливости жизни, — проговорила Анна Ильинична после долгого молчания. — Он не только не знал, что делает его отец, когда уходит на работу, — он даже в самом страшном сне не мог бы этого увидеть! Да, Бруно нужно пожалеть и можно поплакать над его судьбой. Но сколько таких мальчиков и девочек, мужчин и женщин погибло в этих газовых камерах по приказу отца Бруно! Тысячи, сотни тысяч...

— Мамочка, как это страшно... Но как же так? Ведь и мать Бруно, и бабушка, и даже горничная — все понимали, что Ральф делает страшное дело, и им было стыдно за него. Почему же все они подчинялись ему?

— Потому что правда на стороне силы — так считается. Так считал Ральф. Так считал Гитлер, которому и служил отец Бруно. Но это не так! Правда на стороне доброты, — глаза Анны Ильиничны сверкали в свете тусклой лампы, — доброты и простого человеческого милосердия. Правда на стороне маленького мальчика, который таскал еду голодному другу, который, по своей наивности, не зная, что такое истребление, пошёл за колючую проволоку, потому что дал слово другу...

— Кто же виноват, мама, что маленький Бруно и Шмуэль погибли? Отец Бруно? Но ведь он даже не знал, где и с кем проводит время его сын...

— Конечно, отец. И такие, как он. Те, кто считал себя «высшей расой», кто разжёл войну, кто уничтожал людей. Вот поэтому, Марина, нельзя плакать! Память о войне, о геноциде, о фашизме не слезами сохраняется, а твёрдым желанием не допустить этого больше никогда!

...Маринка долго не могла уснуть. Образы двух мальчиков по разные стороны колючей проволоки — Бруно и Шмуэля — стояли перед её глазами.

Она твердила про себя одно слово, вмещающее то, что она не могла выразить, — никогда!

Никогда не забывать о жестокости.

Никогда не отказывать в помощи.

Никогда не делать так, чтобы умирали дети.

Никогда не допустить войны.

Никогда не давать дорогу фашизму.

Когда Маринка уснула, ей приснилось синее-синее небо с пушистыми белыми облаками. Мирное небо. А на одном облачке, высоко-высоко, два мальчика с крылышками за плечами. Они держались за руки.

АРИНА ТУШЕВА

11 класс

Наставник: Еремина Ольга Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Бавленская средняя школа
имени Героя Советского Союза Рачкова П. А.»

Владимирская область

Жизнью смерть поправ

Но ещё не спета песня всех прекрасней,
Песня о начале всех начал на свете,
Песнь о сердце мира, о волшебном сердце
Той, кого мы, люди, Матерью зовём!

«Сказки об Италии», Максим Горький

Он сытно всхрюкнул после обеда, вытер мерзкую морду рушником, вышитым мамой, повешенной два дня назад, швырнул в меня полотенцем и показал на сапоги: мол, натирай давай. Опустилась на колени осторожно — до родов оставалось всего ничего — и с трудом глотая слёзы и подступающую тошноту, прикрывая рукой живот, начала тереть сапоги. Больше всего мне хотелось затянуть широкое накрахмаленное полотенце на куриной шее фрица. Нельзя... Мой Огонёчек остался без отца, ещё не родившись: похоронку на мужа принесли за два дня до того, как немцы вошли в село. Что же, у него и матери не будет? Да и самого его не... будет? Нельзя... Знала, что родится непременно мальчишка, рыжий, как солнышко, конопатый и озорной. И любить его я стану сильно-сильно! За двоих! Потом! А пока натирала полотенцем сапоги, про себя повторяя затвержённые крепко — не гляди, что комсомолка и «учителка!» — слова «Богородицы»...

«Богородица, Дева, радуйся! Благодатная Мария, Господь с тобой!» Было в этих словах утешение и какое-то обещание, что Господь не позволит пропасть, не случайно же и меня зовут Мария. Машутка — так звал папа, Манняшка — мама. Господь со мной! Он смотрит глубокими грустными глазами с иконы и велит держаться за жизнь. А как держаться, когда сил на жизнь не хватает, только на горе... Счёт похоронкам, лавиной хлынувшим в село,

открыла «наша»: папа погиб в первом своём бою. Держись, Машутка! Господь с тобой! Будет и за это расплата!

«Благословенна ты в жёнах...» А женой-то я побыла всего ничего, полгода. А счастливая была-а-а-а... Страшное слово — была! Сейчас от счастья остался крохотный беззащитный комочек внутри меня, который тревожно замер от близости ненавистного непрошеного гостя, решившего, что он здесь хозяин. Когда немцы вошли в деревню, все попрятались по домам, а я замешкалась. Вот меня и потащили во двор, гнусно хохоча и подталкивая уже округлившийся заметно живот. Мама кинулась к немцам, входящим на двор и тащившим меня за волосы, налетела, стремясь защитить. И теперь на большом тополе, где когда-то висели качели, сделанные отцом, где Серёжка первый раз меня поцеловал, а потом сжимал влажную от волнения ладошку, сватаясь, ветер раскачивал её тело. Серёжка звал меня Марийкой...

Снять и похоронить маму изверги не дали. Мамочка, ты же простишь меня за это? Ты там, на небе, всё видишь... Держись, Маняшка! Господь с тобой! За осиротевших детей кара падёт на голову нелюдей!

Не успели мы с мамой уйти к партизанам. Все думали, что родить и спокойней, и безопасней дома, чем в партизанском отряде. Ну ничего, сама доберусь.

Ночь была пасмурная, тёмная, уютная. Пелёнки, приготовленные с такой нежностью, — в узел, краюху хлеба в мешок — я всегда была легка на подъём. Крадучись выскользнула из родного дома, припёрла дверь, запалила приготовленное сено: не дрогнула рука, как и у пушкинского Дубровского, поджёгшего отчий дом, чтобы не достался тот врагу. Удивлялись сельские мальчишки, когда в классе мы читали «Дубровского», ахали девчонки, влюбляясь в благородного разбойника, улыбалась я, гордясь своими учениками... Так что нет, не дрогнула я, обрекая немца на смерть!

Бежала, конечно, как могла. Сначала полем, потом перелезла через овражек, ступила в студёную воду речонки и не выдержала, оглянулась: светилось небо ярким пламенем, раздавались выстрелы и лающие вопли на чужом языке. Переполошились гады, знают, что расплата неминуема! Когда перешла речонку и до соседней деревни оставалось километров пять, натолкнулась прямо на немецкий патруль...

«Благословен плод чрева твоего». Не тронули меня немцы, ткнули только автоматом в живот, отчего малыш испуганно сжался и затих. «Благословен» каждый малыш, приходящий в мир на радость! И за то, что мой неродившийся сын сжался испуганно сейчас, и за то, что Серёжка никогда не возьмёт неловкими мужскими руками своего сына, и за то, что Огонёчку некому будет сказать «папка», придётся расплатиться! Верую, Господи! Иначе нельзя!

Швырнули меня в тёмный сарай, на ломаном русском сказали, что завтра «расстреляйт». И я, державшаяся после похоронки отца, заледеневшая от известия о гибели Серёжки, глядевшая без слёз на повешенную мать, сейчас заплакала: «Вот и всё, мой Огонёчек... Прости... Нам только и осталось время до утра». Малыш ласково толкнулся мне в ладонь.

Богородица... Богородица... Мать... Спаси и сохрани... Нет, не так! Накажи за бесчинства! Знаю я, что учишь ты прощать. А такое можно? Похоронки, виселицы, поседевшие девочки, сиротское детство? Тоже простить? Нет им прощения, ни человеческого, ни божеского!

В углу кто-то шевельнулся, и я что-то так всполошилась, что резкая боль пронзила всё тело, только и смогла, что завить и сразу испугаться: «Началось... Мамочки...» Как мы встречали в этот мир моего Огонёчка, я не знаю. Как справился с такой встречей Сенька Клюев, мальчишка из шестого класса, смиренный еврейский мальчик — сирота, которого приговорили к расстрелу за чёрные глаза да выющиеся волосы, не знаю тоже. Помню только, как я выла от боли, а он — от страха и неловкости.

На запахнувшуюся под утро дверь мы обратили внимание не сразу. В проёме, широко расставив ноги, стоял фриц. Автомат наготове, каска на глазах, на шее губная гармошка — враг! Пришёл, как и обещал, «расстреляйт».

Откуда взялись силы?! От ненависти ли к убийцам? От любви ли к только что увидевшему мир сыну? От страха ли, что не будет в его жизни ни солнца, ни берёз, ни инея, ни колокольного звона? От гордости ли, что не позволяет мне, комсомолке, учителю, матери, умереть, корчась в ногах врага? ...Поднялась! Как могла укрыла от боли и пули сына, толкнула за спину, закрывая собой, Сеньку. Подняла взгляд. Ненавижу! Господь с тобой, Мария!

Что понял этот немец, глядя на исцарапанные в кровь губы, на потёки крови на ногах, на шевелящийся комочек в моих руках, на чужого мальчика, которого я, пытаясь закрыть от пули, прижимала к себе, как родного? Понял, что я Мать! И не страшит меня смерть, потому что я дарую жизнь и готова до последнего вздоха сражаться с тем, кто рискнёт отобрать её у моих детей!

Глаза в глаза. Долго. Осмелевший Сенька выдвинулся вперед, попытался заслонить меня и моего сына. Смешно. Что может маленький мальчик противопоставить автомату? Но он смело шагнул вперёд меня, потому что был Мужчиной. Я прижала его к себе, понимая, что не уберегу, и все же распластав руку на худосочной груди, закрывая, потому что была Матерью.

...Автоматная очередь прошла стену сарая над нашими головами. Немец ушёл, оставив дверь незапертой.

«Благодатная Мария, Господь с тобой!»

ТАТЬЯНА ГЛУШОНКОВА

10 класс

Наставник: Никонова Нина Валентиновна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное казённое
общеобразовательное учреждение
«Киреевский центр образования № 1»
муниципального образования
Киреевский район

Тульская область

Дневник ленинградской школьницы

10 июня 1941 года

Сегодня мой день рождения! Мама подарила мне красивый кожаный блокнот. Я о таком давно мечтала. Буду записывать сюда свои самые сокровенные мысли и желания!

16 июня 1941 года

Как же я люблю лето!! Каждый день наполнен радостью и ожиданием чего-то нового. Теплые вечера, прогулки по улицам любимого города, песни, влюблённые взгляды... Как же я счастлива: мой одноклассник Витя позвал меня сегодня вечером на прогулку. Кажется, я ему нравлюсь!

22 июня 1941 года

Сегодня по радио объявили, что началась война! Люди повторяют это слово везде: на улицах, в трамваях, дома, в магазинах. Город как-то притих, словно замер в ожидании чего-то страшного.

Папа вечером получил повестку явиться в военкомат. Повестка, мобилизация, фронт... От этих непонятных и страшных слов кружится голова, а в ушах я слышу стук собственного сердца. Вечер я провела, обнимая отца, мама с сестрой — рядом. Папа не разрешал нам плакать. Вспоминали счастливые и радостные дни нашей жизни. Последний вечер с отцом!

1 июля 1941 года

Вокзал полон людей! Суета, слёзы, объятия! Играет духовой оркестр! Торжественно и печально одновременно. Думаю, я ещё долго не смогу забыть каждое мгновение, каждый взгляд, каждое слово отца. Только на секунду в его

глазах мелькнула слеза. Лёля жмётся к отцу, обнимая его за колено. Звучит команда: «По вагонам!» И нашего любимого с Лёлей папу поезд увозит от нас туда, где идёт война!

8 сентября 1941 года

Сегодня я шла по улице и увидела двух офицеров. Они о чём-то тихо переговаривались. Я услышала, что немецкие войска окружили Ленинград, «взяли в кольцо», «возможна блокада». Пока я не понимаю, что это значит. Дома спросила у мамы, она ничего не сказала, только очень печально посмотрела на играющую на полу Лёлю.

17 октября 1941 года

Сегодня мы с мамой проводили в эвакуацию с детским садом Лёлю. Для мамы это было трудное решение. Но маму убедили: так будет лучше. Неизвестно, сколько продлится блокада Ленинграда. Мама долго плакала, но решила: надо маленькую отправлять.

Дети шли к барже, смешные, укутанные в тёплые одежды, похожие на пингвинов, каждый со своим горшком. Лёля в одной руке держала свой беленький горшок, а другой прижимала к себе своего «сыночка» — куклу-негритёнка, привезённого когда-то папой из заграникомандировки. Дети почему-то не плакали. Плакали, рыдали матери. Баржа давно уже отплыла, а мы всё стояли, стояли и не могли уйти...

1 ноября 1941 года

Сегодня нас вновь собрали в школе. Температура в классе — два градуса ниже нуля. Тусклый зимний свет робко пробивается сквозь стекло в единственном окне. Мы жмёмся к раскрытой дверке печурки, ёжимся от холода, который пробегает по всему телу. Настойчивый и злой ветер гонит дым обратно, с улицы прямо в комнату. Глаза слезятся, читать тяжело, а писать совершенно невозможно: чернила замёрзли. Мы сидим в пальто, в галошах, в перчатках и даже в головных уборах... Взрослые с уважением называют нас «зимовщиками».

30 декабря 1941 года

В школах объявлены каникулы. До войны мы дружно бы крикнули: «Ура!» Но дома оставаться стало страшней: фашисты методично обстреливают кварталы, дома разбиты, все стёкла выбиты, у каждого окна — сугробы снега. Мы ютимся в маленькой комнатке без окна (бывшей кладовой), здесь стоит буржуйка. На ней мама кипятит воду, и мы пьём горячую воду, согреваемся. Плохо одно: буржуйка как быстро нагревается, так быстро и остывает. И поглощает всё! Сначала мы топили её мебелью, когда закончилась мебель, стали топить книгами. Сегодня нас согревает Пушкин. Милый Александр Сергеевич! Если бы Вы только знали, как быстро горят строчки, листочки, корешки Ваших книг! «У Лукоморья дуб зеленый...». Как бы нам сейчас помог согреться этот дуб! А жёлуди!! Они накормили бы нас!

6 января 1942 года

В это поверить невозможно, но нас, школьников, пригласили на новогоднюю ёлку в театр с подарками и сытным обедом. Мы были в театре имени Пушкина на спектакле «Дворянское гнездо». Правда, я почти не слушала пьесы: все думала об обеде. Обед был замечательный. Мы ели медленно и сосредоточенно, не теряя ни крошки. Дали суп-лапшу, кашу, хлеб и желе. В подарке — конфеты из льняного жмыха, пряник и два мандарина. Подарок я принесла домой, и у нас с мамой был праздник.

10 мая 1942 года

У нас, школьников, началась «огородная жизнь». Вдоль Невы на газонах мы выращивали лук, редиску, салат — всё, что можно вырастить. Пропадаем на грядках допоздна, торопим маленькие слабенькие росточки быстрее подрасти: они спасут нас от голода.

5 июня 1942 года

Мой дорогой дневник! У меня большая радость: я работаю на заводе. Меня учит седой молчаливый мужчина работать на станке. У него погибла вся семья: бомба угодила в их дом и убила жену и двоих детей. Говорят, он живёт на заводе.

Я высокая, поэтому у меня нет подставки под ноги у станка, как у других ребят. Тебе, дорогой дневник, по секрету скажу: я делаю части для артиллерийских снарядов. Сначала я боялась, но потихонечку привыкла. Прямо над моей головой в цеху висит плакат, я часто поднимаю глаза и про себя, как заклинание, читаю: «Не уйду, пока не выполню норму!» Самое важное то, что мне выдали рабочую карточку, по ней хлеба отпускают больше. Мама очень гордится мной. Говорит, что я её «кормилица». Глаза у мамы очень грустные, она постоянно думает о Лёле. Где она сейчас?

26 декабря 1942 года

Иду на завод. На улице ни души, только ещё не убранные трупы. Люди умирают по дороге домой, из дома, замерзают и падают вдоль протоптанных в снегу дорожек. Кажется, что идёшь по пустыне. Ни собак, ни кошек, ни птиц. Их давно уже съели.

17 января 1943 года

Маме совсем плохо. Я размешала немного жмыха в воде и стала на буржуйке печь оладьи. Старалась покормить маму, но она, качая головой, отказывалась есть и хриплым голосом шептала: «Ребёнку, ребёнку». Я поняла: мама бредила. Это были её последние слова.

Пришла соседка, взяла простыни, обернула ими маму, как мумию, и протянула мне мамины серьги со словами: «Возьми, девочка, маме они больше не нужны». Я села у ног мамы на кровать и долго-долго не плакала (не было слёз!), а выла.

20 января 1943 года

Добыла санки, чтобы отвезти маму в морг. Соседка обещала помочь. На улице Маяковского, у морга, гора трупов, зашитых в белые тряпки. Гора уже выше второго этажа разрушенного больничного здания. Очень много маленьких сверточков-мумий. Это мертвые дети. Страшно!

Медленно побрели с соседкой домой. В сугробе лежала голова женщины с черными косами. Рядом — труп мальчика. На него страшно было смотреть: после смерти у него выросли волосы и ногти — волосы стали дыбом, а ногти приняли вид звериных когтей.

2 февраля 1943 года

Вернулась с работы и заглянула к соседке, чтобы поделиться с ней хлебом. Она неподвижно сидела на диване. Я думала, она спит, тихонечко её толкнула, а она упала. Упала потому, что была мёртвой. Соседка когда-то была весёлой девушкой-хохотушкой. От голода она ужасно похудела и постарела. А теперь и умерла. Мне кажется, что на нашем этаже в живых только Я. Такая стоит мёртвая тишина!

8 марта 1943 года

В этот день папа дарил нам цветы. Маме, мне и маленький букетик Лёле («тоже женщине, маленькой!»). Какие мы были счастливые, когда все вместе выходили на прогулку! Где ты, папа? Я верю, что скоро кончится война, и я дождусь тебя, вместе мы отыщем Лёлю!

9 мая 1945 года

Дорогой дневник! Как давно я не брала тебя в руки! Сегодня особенный день — День Победы. Мы стояли целый день, замерев, у репродукторов. Слушали, верили и не верили своим ушам, вглядывались в лица друг друга, обнимались, незнакомые, но все такие родные. Смеялись, плакали. Неужели всё кончилось! Всё!! Но уже без мамы, папы (он убит подо Ржевом)! Нужно искать Лёлю! Где ты, моя маленькая сестричка?!

12 сентября 1972 года

Сегодня я была на открытии музея «Дорога жизни». Ходила по залам музея, заново переживая тот ужас, который я испытала в своём детстве в блокадном Ленинграде.

Остановилась перед одной выставочной витриной и больше не смогла тронуться с места. В витрине лежали детские игрушки, поднятые со дна Ладожского озера, игрушки эвакуированных из Ленинграда детей, утонувших вместе с баржами от вражеских бомбардировок. Рядом табличка: «Через десятки лет эти игрушки были найдены на дне Ладожского озера. Никого из маленьких хозяев этих куколок, мишек, погремушек не осталось в живых».

Моё сердце остановилось — в витрине лежала игрушка-негритёнок! Лёля! Дорогая моя Лёля! Мои поиски закончились. Теперь я знаю, куда мне нужно

приходить, чтобы поговорить с тобой, моя маленькая сестрёнка! У тебя есть могила. Это Ладога!

Будь проклят, фашизм! Будьте прокляты, нелюди, которые лишили меня и других детей детства! Они объявили войну мирному городу, женщинам, старикам, детям!! Они отняли у меня самых близких людей, убили маленькую Лёлю, а вместе с ними убили и меня!

Они преступники, которым нет оправдания на все времена!

Это последняя запись в дневнике.

Историческая справка

К началу блокады, по данным бюро выдачи продовольственных карточек, в Ленинграде и оказавшихся в блокадном кольце пригородах было 2 млн. 887 тыс. человек гражданского населения (в т. ч. около 400 тыс. детей).

За время блокады от голода умерли по разным оценкам 641–800 тыс. ленинградцев, от бомбежек и обстрелов погибли ещё около 17 тыс. человек. Детей умерло от голода по разным оценкам 127–159 тысяч.

ВИКТОРИЯ ЛУКОЯНОВА

11 класс

Наставник: Севрикеева Любовь Анатольевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение

«Старо-Матакская средняя
общеобразовательная школа»

Алькеевского муниципального района
Республики Татарстан

Республика Татарстан

Кусочек хлеба

В каждом углу обветшалой избы таился не внушающий доверия мрак. Нет, это была не та темнота, что заключает в свои тёплые объятия и открывает вид на многочисленные созвездия, пока ты молча лежишь на щекочущей кожу осоке. Это та темнота, которую совсем недавно перестал бояться пятилетний Алёша.

Мальчик вжимался в тот самый угол, окутанный холодным мраком, и медленно поглаживал в маленьких кулачках грубую ткань изношенной майки, сквозь которую виднелось худощавое тело. Сейчас он беспокоился лишь о маме, до сих пор не вернувшейся с работы.

— Лёша, сиди тихо и не выглядывай в окно. Дождись, когда дома чуть темнеть начнёт, тогда я и вернусь, — с тревогой говорила она сыну каждое раннее утро перед тем, как отправиться на тяжёлую работу за рулём трактора.

И каждый раз маленький мальчик послушно сидел в небольшой избе и дожидался прихода матери. Время тянулось для него невыносимо долго, но он прекрасно понимал: мама обязательно вернётся, когда в комнату заглянет густой сумрак, и, возможно, принесёт накопанной на огороде гнилой картошки, чтобы приготовить не совсем вкусные, но утоляющие голод лепёшки.

Но вместо любимой мамы Алёша встретил окутывающую с ног до головы темноту. Беспокоясь о самом родном на свете человеке, мальчик косился на тёмную занавеску. Он очень хотел вскочить с места и быстрым движением отодвинуть ненужную ткань, чтобы на одну-единственную секунду выглянуть в окно и узнать, идёт ли мама обратно. И вместе с этим мальчик вновь задавал себе вопрос: «Почему же я не могу посмотреть в окно?»

— Война там, Алёшенька, война! — ответила однажды сыну женщина.

— Что это? — недоумевая, спрашивал мальчик.

На короткий вопрос Алёши она никогда не отвечала: то ли считала, что мальчик слишком мал для объяснения подобных вещей, то ли сама постоянно пугалась этого слова.

Война. В очередной раз проговаривая это слово и вспоминая образ матери, Алёша всё же решился подойти к запретному месту. Мальчик неторопливо поднялся на босые ноги и стал медленно подкрадываться к окну, словно хищник к добыче. По пути он взял в руки небольшую табуретку, неприятно скрипящую от каждого прикосновения к ней, и не спеша пододвинул к стене. На Алёшу повеяло прохладой, поэтому он невольно дёрнулся, но продолжил приближаться к цели. Детское сердце ускоряло ритм и норовило выпрыгнуть из груди, будто мелкий зверёк из клетки. Забравшись на табуретку и дождав пару длительных, мучительных секунд, мальчик наконец отодвинул толстую ткань занавески. Алёша хотел отпрянуть в это же мгновение, но замер на месте, пока глаза привыкали к воцарившейся за окном темноте. Он заметил, что там, на улице, поздней осенью не гуляло ни души. Алёша расстроился, что не увидел знакомой фигуры, а затем задался вопросом: «И где же мамина война?»

Вглядываясь в открывшийся пустой пейзаж, мальчик всё надеялся увидеть хоть кого-то, а затем неожиданно отшатнулся, будто его ударило током. Произнесённое дрожащими материнскими губами слово вновь врезалось в сознание Алёши, и он торопливо задёрнул занавеску и передвинул табуретку на прежнее место.

Руки мальчика предательски задрожали, а на глаза навернулись жгучие слёзы. Почему она до сих пор не вернулась?

Когда по холодной щеке скатилась одинокая слеза, оставляя за собой мокрую дорожку, ребёнок небрежно провёл ладонью по лицу и расправил свои хрупкие плечи. Он не будет больше плакать, но и не будет больше дожидаться родного человека во мраке избы. Алёша направил зоркий взгляд на дверь и мгновенно понял: надо искать маму. Не обращая внимания на режущий желудок голод, воцарившуюся темноту и надвигающийся холод, мальчик уверенным шагом приблизился к двери.

«Разве дверь не закрыта?» — подумал ребёнок, приблизившись к ней.

Алёша привстал на цыпочки и, прикладывая всю имеющуюся в детском теле силу, резким движением дёрнул ручку на себя. Дверь была невероятно тяжёлой для пятилетнего мальчика, поэтому тот упал и с надеждой посмотрел вперёд, но не увидел нужного результата. Тогда Алёша вновь вскочил на ноги, обхватил ладонями холодную ручку и потянул на себя. Неожиданно для самого мальчика, дверь с протяжным и режущим слух скрипом открылась.

— Ура! — воскликнул тот, захлопав в ладоши.

Перед ним показалась тёмная, освещённая лишь молочным блюдцем луны и россыпью мелких звёзд, пустынная улица с длинными, тянущимися своими голыми изломанными ветвями к тёмному небу деревьями, кривыми, грязными дорожками и мелькающими где-то вдали низкими домами.

Алёша вспомнил мать, её голубые, пропитанные любовью глаза, искреннюю, но измученную тяжёлой работой улыбку, русые волосы чуть выше плеч и мягкие ладони. Эта мысль заставила мальчика закрыть дверь и уверенно зашагать босыми ногами по грязным дорогам. Пятилетний ребёнок почти полностью помнил дорогу, по которой мама ежедневно ходила на работу, ведь когда их посёлок ещё не был захвачен сырой осенью, Алёша с охотой отправлялся в поле вместе со своей матерью.

Шлёпая голыми ногами по раскисшей тропинке, он начал чувствовать, как холод с мгновенной скоростью стал охватывать его со всех сторон. На мальчике были лишь потрёпанная майка и длинные штаны с заплатками. Алёша обнял себя руками, поглаживая плечи, но не собирался возвращаться обратно. Ему было важно лишь одно — найти маму и радостно побежать с ней домой.

Острые иглы холода впивались Алёше в оголённые участки кожи, оставляя алые следы, и заставляли маленького мальчика замедлять уверенный ход. Он затрясся от не жалеющей его осенней погоды и опустил голову.

— Хлеб! — внезапно крикнул ребёнок.

И правда: под ногами Алёши, в смешанной куче сухих листьев и грязи, одиноко лежал небольшой, чуть размякший от влаги кусочек хлеба. Мальчик совсем редко видел его, но зато не забывал густой аромат и вкус, поэтому широко заулыбался и схватил хлеб озябшими пальцами. Желудок громко заурчал, напомнив о голоде, продолжавшемся с утра, и ребёнок стал подносить грязный кусок к бледным губам. Но остановился.

— М-маме отдам, — дрожащим голосом прошептал он. — Она ведь после р-работы устанет.

Он оглядел хлеб жадным взглядом, а затем припрятал в карман серых штанов.

Но продолжить путь у Алёши не вышло. Суровый холод сковал его тугими железными цепями. Пухлые губы затряслись, а глаза заслезились от слабого ветра.

— Алёша! Алёшенька!

Услышав голос матери совсем неподалёку, мальчик тут же вскинул голову и увидел бегущую в его сторону расплывчатую фигуру.

— Мама! — закричал Алёша в ответ, протягивая руки. — Мама, ты вернулась!

Звук стремительно приближающихся шагов, а за ним — тёплые материнские объятия, согревающие не только замёрзшее тело, но и скучающую душу. Сейчас Алёша был невероятно счастлив.

— Ишь, какой непослушный! Зачем из дома выбежал? А если бы помер здесь от холода? Да и я уже совсем с ума сошла! Ребёнка одного с незакрытой дверью дома оставила, — чуть ли не кричала женщина, скидывая с себя кофту и закутывая в неё сына. — Ещё и с ногами босыми!

— Я тебя хотел найти, мама, — проговорил мальчик.

— Придётся на руках нести тебя, — сдержанно вздохнула женщина и подняла сына на руки. — Зачем искать меня хотел? Знаешь ведь, что приду!

На вопрос мамы Алёша ответить не успел. Его опередил шорох, раздавшийся совсем неподалёку. Оживившись, мальчик повернул голову в сторону звука. Поблизости находились только голые деревья и такие же нагие кустарники, а за ними...

— Пойдём быстрее, — взволнованно сказала женщина и быстрым шагом устремила к дому.

Шорох повторялся с каждым разом всё громче и громче, а затем внезапно превратился в быстрые шаги. Тогда решила сорваться на более быструю ходьбу и мать Алёши.

— Что такое? — чувствуя тревогу матери, заволновался мальчик.

Резкий рывок где-то позади, и женщина, вскрикнув, мгновенно оказалась на грязной дороге вместе с прижатым к груди ребёнком. От испуга Алёша сжался в клубок, будто беззащитный котёнок, и зажмурил карие глаза.

— Не трогайте нас! Не надо! — завопила мать, закрывая ребёнка руками.

Услышав истеричные крики мамы, мальчик распахнул глаза. Прямо перед ними находилось дуло ружья. Оружие держал худой мужчина с перекошенным в гнев лицом и уродливым шрамом, лишившим его одного глаза. На его теле была светло-зелёная форма, а на голове — прочная каска. Приближаясь, он целился прямо в женщину и иногда поглядывал на маленького мальчика.

— Алёшу, Алёшеньку моего только не трогайте! — продолжала вскрикивать мать, не отпуская ребёнка.

В ответ мужчина заревел незнакомыми словами, заставляя Алёшу вздрогнуть всем телом. От волнения он не мог сказать и единого слова, продолжая слушать материнские крики и смотреть на грозившего убить их мужчину.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сорвалась на горькие слёзы та. — Пожалейте, оставьте нас!

«Хлеб», — внезапно вспомнил мальчик сквозь пелену заставившего оцепенеть страха, услышав мольбу мамы.

Когда потерявшая силы женщина чуть ослабила хватку на теле сына, тот медленно, незаметно для глаз разъярённого мужчины, просунул руку в карман. Нашупал заветный кусочек хлеба и, дрожа, протянул его незнакомцу.

— В-возьмите, пожалуйста, т-только маму не трогайте, — проговорил он дребезжащим голосом и нервно сглотнул.

Повисла тишина. Высокий мужчина прожигал взглядом кусок в маленькой ладони ребёнка, а изумлённая мать перестала понимать происходящее. Поможет ли это?

Выстрел.

А за ним ещё один.

Громкий звук заставил Алёшу закричать и закрыть лицо руками, роняя хлеб на дорогу.

— Вот же чёртов фашист! Наконец пристрелил эту проклятую нечисть!

— Алёша! Алёшенька мой!

Людские голоса смешивались в голове мальчика, и он медленно отнял ладони от лица. Мальчик видел, как нежные руки матери хаотично бегали по его скрытому за одеждой телу и прижимали к себе всё крепче и крепче, а мужчина в каске... лежал на земле. Затем Алёша заметил и другого человека: молодого парня в тёмно-зелёной форме, пилотке с красной звездой и высоких сапогах. Держа в руках оружие, он пристально разглядывал фашиста, а потом перевёл взгляд на перепугавшуюся семью.

— Вы в порядке? — спросил солдат, приблизившись к ним и опустившись на колени.

— Спасибо! Спасибо Вам огромное! — начала благодарить женщина, вновь залившись слезами. Слезами радости.

Алёша лишь рассмотрел голубые глаза парня, наполненные искрами смелости, и крепко обнял солдата. Рассмеявшись, парень прижал мальчика и женщину к себе.

— Не бойтесь! Теперь вы точно в безопасности, — сказал он.

СОФЬЯ БОЛЬШАЯ

10 класс

Наставник: Фомина Людмила Петровна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное казённое
общеобразовательное учреждение
«Паликская средняя
общеобразовательная школа № 2»

Калужская область

Речица, Речица... Рана не лечится...

Война. Какое короткое слово, но сколько в нём смерти и разрухи, страха и горя. Проходят годы, всё дальше от нас Великая Победа, всё меньше остаётся людей, одержавших эту Победу. И тем дороже для нас воспоминания ветеранов, узников, детей войны.

Остались ещё свидетели, в чьей памяти на всю жизнь сохранились воспоминания о страшных, жестоких и кровавых днях. Собирая материал об узниках детства для школьной газеты, я узнала, что в нашем селе живёт Курилкина Татьяна Константиновна, ей исполнился девяносто один год. Я попросила её рассказать о своём военном детстве.

Бабушка достала из большого старого конверта какие-то газетные вырезки, документы, фотографии. На газетной вырезке было написано: «Речицкая трагедия». Вытирая платочком постоянно набегающие на глаза слёзы, она начала свой печальный рассказ.

«Родилась я в деревне Красногорье Думиничского района Калужской области (тогда район относился к Смоленской области). Теперь этой деревни нет. В семье было десять детей, я была восьмая. Отец, Блинушов Константин Фёдорович, работал шахтёром, добывал «хрустальный» песок, который возили в Дятьково на хрустальный завод. Мать, Евдокия Васильевна, занималась домашним хозяйством да иногда бегала в колхоз на подмену.

Началась война. Немцы пришли в Красногорье зимой и сразу установили свои порядки. В соседней деревне Речица, что в трёх километрах от нас, разыгралась страшная трагедия.

Было начало 1942 года, шёл январь. Деревня Речица считалась большой — до войны там было свыше девяти сот домов. Январской ночью русские разведчики разгромили немецкую полевую кухню, захватили в плен «языка» — офицера. Не простили этого фашисты. Морозным вечером началась кровавая расправа над мирными жителями. Настоящий геноцид учинили фашисты над жителями: подожгли деревню со всех концов и начали сгонять людей в переулочек. Подожгли сарай с необмолоченным хлебом. Из толпы стали выгонять мужчин — и старых и малых. У некоторых были на руках дети. Немцы вырывали их у отцов и отбрасывали в сторону, как поленья дров. Мужчин согнали на площадь и стали расстреливать. Сначала расстреляли директора школы Гусакова, а потом остальных. Площадь покрылась кровью и трупами — звери в человеческом обличье не щадили ни стариков, ни детей. Только немногим удалось чудом спастись. Василий Иванович и Иван Иванович Шишкины спрятались в своём сгоревшем доме, под печкой. А когда их нашли, обмороженных, отправили в брянские лагеря вместе с другими людьми. Некоторым жителям Речицы удалось спрятаться. Чудом в живых остались молодые ребята Данила Суслов, брат мамы Григорий Ермаков, брат мужа Сергей Курилкин. А Яша Бурмистров с перебитыми и отмороженными ногами приполз ночью в Красногорье. В нашей избе женщины его перевязали и растёрли гусиным жиром. Но парень умер от потери крови.

Немцы не успокоились, двинулись в наступление на Будские Выселки, но, напоровшись на мины, отступили назад. На следующий день немцы собрали всех оставшихся жителей Речицы и, подталкивая их автоматами, заставили идти по минному полю, чтобы проложить себе дорогу. Впереди женщины гнали трёх коров, потом шли женщины и дети, а за их спинами прятались немцы. Когда люди стали выходить из леса, русские солдаты не стреляли. Но кто-то из сельчан закричал: «Стреляйте, за нами немцы». Из наших окопов скомандовали: «Ложись!» Пулемётной очередью с флангов начали отсекал немцев. Завязался смертельный бой. Фашистов смяли. В этой толпе была учительница Софья Иосифовна Жуковская с детьми, в живых осталась её дочь, которую подобрали бойцы с поля боя, а комиссар полка Сергей Разин удочерил девочку. Погибших похоронили, раненых отправили в госпиталь. Здесь, на минном поле, погибли и мои подружки, а муж мой, Лёня, выжил. Оставшихся жителей приютили наши семьи в Красногорье. Еды было мало. За столом делились с речичскими детьми последней картошкой. Мама по счёту делила вареную картошечку. Чтобы чем-то питаться, тайком ходили в сожжённую деревню, собирали горелых кур, приносили коровьи головы. Варили кое-какую похлёбку. Некоторые девушки не возвращались домой — погибали от немецких насильников.

В деревне осталось два десятка солдат и вступившая в партизанский отряд молодёжь. После ещё несколько раз немцы наступали, но были отброшены назад. Фашисты прибегли к хитрости. Они надели на себя длинные женские рубахи с вышитыми рукавами и на рассвете подошли к Будским Выселкам. Они были на расстоянии пятисот метров, когда часовой их заметил. Он дал сигнал тревоги, солдаты и партизаны успели скрыться в лесу. Немцы ворвались в посёлок и с криком: «Партизаны!» бросились шарить по чердакам. Они протыкали сено винтовочными штыками, искали, но никого не нашли. Тогда они, проклятые, стали ловить кур, колоть и жарить свиней. Трое суток гоняли женщин на расчистку снега в Клинцы, потом немцы снова погнали всех в Речицу, страшное зрелище было в лесу и на поле. На деревьях висели клочья одежды, на снегу валялись трупы людей, подорвавшихся на минах.

Спустя несколько дней через лес, по глубокому снегу, нас повели на железнодорожную станцию Палики, загнали в вагон эшелона, отправлявшегося в брянские лагеря. Там мы пробыли три дня, но эти страшные дни не забыть. В этих лагерях всего хлебнули: голода, холода, болезней. Нас кормили червивой кониной. Тех, кто заболел тифом, немцы уничтожали. Потом нас увезли в Белоруссию, где мы, дети, работали в батраках. Попали мы в деревню, которую белорусы называли «партизанской». Многие из этой деревни ушли в партизаны. Мой брат Иван тоже ушел в партизанский отряд. Мама плакала, просила его остаться. Через некоторое время мы узнали, что он погиб.

Война поломала судьбы всех моих братьев и сестёр. Брат Василий три раза убегал из плена и тоже не вернулся с войны. Брат Илья, старший лейтенант, погиб в Литве. Брат Николай воевал с 1944 года в Пруссии. А сестра Аня умерла от голода в блокадном Ленинграде.

Иногда думаешь, сколько пришлось пережить! Страшно подумать! Пиши, внучка, а то умру, никто не узнает».

Голос Татьяны Константиновны становится тише. И хочется плакать вместе с ней, с её болью. Узница, дитя войны...

*Опустела нынче Речица.
Пять домов и те забытые.
Синей глиной не залечатся
Раны узников открытые.*

Сейчас мы знаем, что геноцид в деревне Речица проводили солдаты 211-й пехотной дивизии вермахта, чьи злодеяния были отражены в документах на Нюрнбергском процессе. Кинорежиссёр Иосиф Прут, кинооператор студии «Мосфильм» Вера Строева по сценарию поэта Сергея Михалкова создали об этой трагедии полнометражный фильм.

После войны деревня Речица не смогла возродиться, лишь в нескольких домах ещё теплится жизнь. На площади, где произошла кровавая и жестокая расправа, установили памятник павшим жертвам.

*Стела — памятник — смотрящий
Здесь один для обороны...
В памяти сарай горящий,
А в душе людские стоны.*

МАРИЯ ПОПОВА

10 класс

Наставник: Пукасенко Виктория Александровна,
заместитель директора
по качеству образования,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 44»
г. Грозного
Чеченская Республика

Прости!

Август 1941 года

Война ещё не закончилась. Зловещие языки пламени, рвущиеся ввысь, испепеляют всё встающее на их пути. Искажённые ужасом лица женщин и мужчин, пожилых людей и детей. Душераздирающие стоны раненых. Грохот орудий. Свист пуль. Боль, голод, грязь, ненависть и смерть. С каждым днём на вопросы «Когда же закончится война? Удастся ли нам дожить до этих дней?» отвечать становится всё тяжелее и тяжелее.

Не так давно мама была вынуждена возложить на себя обязанности отца, выполняя грубую мужскую работу на заводе, некогда процветавшем при его умелом руководстве. На что же завод стал похож сейчас...

Я больше не могла наблюдать, как с каждым днём положение становится всё хуже, а мама валится с ног от усталости в попытках не дать окончательно распасться делу жизни отца. Потому в тайне от неё я сообщила дяде Серёже, главному на её прежней работе, что теперь обязанности мамы буду исполнять я. Главной обязанностью в нынешних реалиях стал поход за необходимыми инструментами для постройки укрытия, защищающего от снарядов и бомб. Во время поисков я наткнулась на свою подружку Оленьку и, совсем позабыв о работе, уселась играть с ней в песочнице. Мы стали лепить куличики-калачики, представляя, что война закончилась, а мы — великие повара, к которым вот-вот придут очень важные гости на дегустацию блюд. Но, к сожалению, реальность берёт своё.

Сидя в песочнице, воображая прекрасное будущее без войны, мы не сразу заметили, как пришла почтальонка Вероника Андреевна, высокая статная девушка, появление которой с нетерпением ожидал каждый житель в столь непростое время. Мой папа почти с самых первых дней войны доброволь-

но встал в ряды защитников Отечества. И за все время, что его нет рядом, письма-треугольники доходили до нас всего лишь раз пять. Но за последние полмесяца от него нет ни словечка. Конечно же, мы с мамой очень переживаем, ведь повсюду царит вражда, сочетающая в себе кровопролитие и жестокость. Кто знает, что с ним могло произойти...

И тогда, не теряя надежды, во весь голос я закричала:

— Посмотрите! Посмотрите Агатова!

Но Вероника Андреевна продолжала раздавать письма-треугольники, не обращая на меня внимания.

— Пахомовы, Вавиловы, Доронины, Васнецовы... — продолжала она.

— Пожалуйста, посмотрите Агатовых! Агатовых посмотрите!! — не умолкала я, бегая из стороны в сторону, пытаюсь протиснуться всё ближе.

Когда все наконец начали расходиться, я смогла вплотную подбежать к Веронике Андреевне.

— Чего тебе, Катя? — спросила она.

— Мне письмо! Письмо от папочки! Агатов Антип!

— Извини, Катенька, но от Агатова так и нет вестей, — с сожалением и грустью в глазах промолвила она.

— Как нет? Быть такого не может... — не успокаивалась я.

— Ты не переживай, он обязательно напишет. А теперь извини ещё раз, мне нужно идти.

От одной мысли, что вечером эту новость мне придётся сообщить маме, ноги подкосились, и я присела на лежавший неподалеку огромный камень, раздумывая над тем, как же там папа, жив ли вообще... Слёзы стремительно стали течь по моим щекам. Тут подбежала с криками радостная Оля:

— А у меня письмо от папы! Он написал мне, значит с ним всё хорошо! Ура! Ура! Ура! А где же твое письмо, а? Где оно? Неужели не написал? Хе-хе, а мне написал.

— Нет, не написал... — вымолвила я, встав и рванув прочь в сторону дома.

Проведя несколько минут в одиночестве и размышлениях обо всём происходящем, я вздрогнула от внезапного голоса. Это была Оля:

— Катенька-а-а, Катюша, прости меня, пожалуйста! Наговорила всякого, не подумав. Ты всё же прости меня. А с папой твоим всё будет хорошо, он обязательно напишет, не сомневайся в этом, продолжай верить и молиться.

— Ладно, прощаю... — со слезами на глазах прошептала я.

Через несколько минут я предложила Оле пойти ко мне домой поиграть в куклы. Самой красивой куклой в мире я считала куклу по имени Вика, которую папочка подарил мне на день рождения до того, как уйти на фронт. Мне его так не хватает... скорее бы он вернулся домой.

Оказавшись дома, мы с Олей уселись на диван. Пока я шила платышко для своей куклы из найденных ткани и ниток с иголками, она пыталась уложить её спать, тихо напевая песенку «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю. Придёт серенький волчок и ухватит за бочок...»

— А чего же у твоей Вики глаза не закрываются, она что, сломалась? — внезапно спросила Оля.

— А ты её ещё чуть ниже наклони, они закроются.

— О-о, закрылись.

— Ну вот, пусть поспит, пока тревога не нарушила её покой.

Хотя эти пронзающие душу звуки превратились уже в привычное явление. Через мгновение в коридоре послышались какие-то шорохи.

— О, кажется, мама пришла! — воскликнула я и побежала скорее встречать.

И правда, это была она.

— Мама, мамочка, как здорово, что ты вернулась. Я так рада тебя видеть!

— Здравствуй, доченька! Здравствуй, любимая!

— Mam, a знаешь, что? Только не ругай и не злись. Сегодня дядя Серёжа принял меня работать вместо тебя. Я сказала ему, что буду выполнять все поручения, а ты на завод к папе ушла, — стала рассказывать я маме о произошедших событиях сегодняшнего дня.

— А он сказал, что раз я так хочу, тогда скорее должна найти инструменты и приступить к делу.

В глазах мамы заблестели слезинки. Крепко сжав меня в объятиях, она, тихонько всхлипывая, промолвила: «Какая же ты у меня умничка».

— Здравствуйте, Вера Васильевна! — робко поздоровалась Оля с мамой, собираясь в спешке.

— Здравствуй, Оленька! А куда это ты торопишься?

— Пора домой.

— Чего же ты, посиди с нами, вы мне совсем не будете мешать.

— Правда, оставайся, — продолжила я.

— С удовольствием, спасибо! — ответила подружка, зная, что мама и сёстры вернутся домой поздней ночью.

Пройдя за мамой на кухню, я поставила чайник на огонь, Оля усаживалась за стол, а мама стала нарезать хлеб.

— Это что, опять убавили? — с грустью на лице спросила я маму, заметив, что хлеба вновь стало меньше.

— Убавили, Катенька, убавили... Так как большую часть продовольствия отправляют солдатам на фронт.

Грустно взглянув, мама продолжила нарезать хлеб. Пару кусочков вместе с крошками она выложила на небольшую тарелку, оставшееся завернула в газету.

— Мама...а Оле не будет? — в недоумении спросила я.

— Будет, будет, не волнуйся.

Раздав каждой по маленькому кусочку хлеба, встала за кружками, чтобы налить кипятка. Когда она открыла шкаф с посудой, я краем глаза заметила любимую кружку отца.

— Папина кружка! Я буду пить из нее. Mamочка, нальешь, пожалуйста, в неё?

— Хорошо, — ответила она, на мгновение застыв.

А тем временем в соседнем районе послышались выстрелы и взрывы. Мама подошла к окну. Взявшись за голову, она медленно опустилась на колени, тихонько всхлипывая.

— Ты чего, мамочка? — дрожащим голосом спросила я.

— Плачет... — шёпотом ответила Оля, откладывая кусочек хлеба в сторону.

Я подбежала к маме, нежно обняв её.

— Катенька, а от папы письма не было? — с надеждой спросила она.

— Не было, мамочка...

И тут я поняла, в чём дело. Она расстроилась из-за папы.

— Ну что же ты, мама, не раскисай. А знаешь, почему он не пишет? Всё потому, что он занят, у него просто нет времени писать письма. Он же Родину защищает от врагов, как и многие другие, чтобы мы могли жить под мирным небом. И знаешь, ведь не мы одни такие, кому не пишут. Вон в соседнем дворе писем тоже никто не получал, я видела. Так что ты не расстраивайся, он напишет. Обязательно напишет! — успокаивала я маму, пытаюсь убедить в этом и себя, в надежде избавиться от плохих мыслей. — Оля, скажи, ведь так всё и было, ведь мы правда не одни такие!

— Тётя Вера, правда, правда! Всё так и было. Вам не стоит так сильно расстраиваться, — пыталась подбодрить Оля.

Но все мы понимали, что это просто попытка утешить себя. И одному Богу известно, что с ним и со всеми остальными солдатами происходит на самом деле. Как они там, живы ли...

— Спасибо большое за поддержку, девочки. Будем надеяться, что всё и правда хорошо, что в скором времени война закончится и наши герои вернуться домой живыми и невредимыми, — пытаюсь скрыть нахлынувшие эмоции, произнесла мама.

Просидев в тёплых и крепких объятиях ещё минут пять, мы вернулись к столу. Вода в чайнике успела немного остыть, поэтому мы вновь поставили его на огонь, Оля с мамой сели за стол, а я тем временем достала кружки.

Поужинав, мы ещё немного поболтали, после чего Оле пришлось время возвращаться домой. Проводив её до соседней улицы, на обратном пути мы с мамой говорили о том, что, дойдя, начнём готовиться ко сну, ведь завтрашний день обещает быть тяжёлым. В какой-то момент по непонятной причине сердце стало бешено колотиться. Вдруг прозвучала пронзительно громкая воздушная тревога. Подбегая к дому, я хотела уберечь от испуга и свою куклу, но вместо этого пришлось спуститься в бомбоубежище...

Декабрь 1944 года

Когда же закончится эта война... Каждый день на протяжении уже почти четырёх лет на наших глазах умирают десятки, сотни, тысячи людей. Наблюдать за подобным — не самое лучшее, что есть на свете, уж тем более для детей. Детей? Ощущаю ли я себя ребёнком? Уже давно я возложила на себя

обязанности взрослых. Мне хотелось бы бегать по улице, ловя бабочек, играть в догонялки с друзьями, слушать сказки перед сном, но сейчас я не могу думать о своих желаниях, не могу предаваться мечтам, ведь мне необходимо поддерживать маму, нуждающуюся в моей помощи.

Во время череды взрывов в прошлом месяце один из снарядов попал в папин завод, в тот момент мама пыталась подлатать рушащийся фундамент, осколок пронзил ей ногу. Вовремя подоспели женщины, работающие по соседству. Оказание качественной медицинской помощи в условиях блокады — дело практически невыполнимое. До госпиталя, где хотя бы частично квалифицированные хирурги смогут прооперировать раненых — путь длинной в сотни километров, десятки дней. Весь месяц мама не вставала, теперь я была вынуждена работать больше, успевая следить и за её здоровьем.

Запасы еды были на исходе, но как я могла об этом сообщить? Из-за тоски по отцу она стала скупа на эмоции, почти всё время молчала и смотрела в потолок.

15:30. Мне пора бежать на Суворовскую, в это время Вероника Андреевна вновь принесёт письма-треугольники.

Помчавшись со всех ног в надежде получить долгожданное письмо и вернуть маме силы, я оказалась среди толпы.

— Агатовы! Есть здесь кто? — окликнула почтальонка стоящих вокруг, но голос её был отнюдь не радостным.

Мне казалось, что это сон. Агатовы? Она действительно произнесла: «Агатовы»?

Пробравшись сквозь толпу, я крепко сжала в объятиях Веронику Андреевну, не поверив своим глазам. В моих руках было письмо. Письмо от папы! Она наклонилась, заглянув в мои глаза, а в её я заметила слёзы. Почему она плачет? От радости, что я наконец-то дождалась этого дня?

Только я не сразу поняла, что держу в руках не самый долгожданный конверт, а ненавистное извещение о смерти. Отойдя в сторону, не могла ждать ни секунды, вскрыв конверт стала читать, мой трепет мгновенно превратился в оцепенение.

— Да это ошибка! Неправда! Он жив! Он не может умереть! Он должен вернуться!

Упав на землю, я совсем не понимала того, что творится вокруг. Кто-то подхватил меня, пытаюсь привести в чувство. Но я не хотела возвращаться в реальность. Я не могла так подвести мамочку, мою дорогую, любимую мамочку. Как я должна сказать ей о случившемся? В голове звучал странный шум. Плетясь по дороге домой, я приняла очередное «взрослое решение». Мама не должна ничего узнать!

Мы с мамой ещё кое-как пытаемся держаться, днями и ночами отсиживаясь в укрытиях, которые не всегда способны нас защитить. Не так давно в сторону нашего убежища прилетел снаряд, который нанёс огромный ущерб.

Пространство в миг наполнилось огромным количеством пыли, песка и камней. Если до этого хоть раз была возможность покинуть помещение, чтобы найти себе пропитание, то теперь это сделать было ещё сложнее, поскольку выход был заблокирован обрушенными от мощного удара камнями. Все, кто ещё более-менее был способен передвигаться и выполнять физические нагрузки, тут же стали расчищать проход. Спустя сутки выход стал доступен. Но в ходе расчистки погибли дядя Миша, наш сосед, и сын дяди Васи, ему было шесть...

Апрель 1945 года

По привычке я иду с Олей на Суворовскую, в последнем письме её отец писал, что нас ожидают хорошие прогнозы, армии удалось дать сильное сопротивление врагам, а на крышах большей части зданий уже развеивается советский флаг.

Мучили ли меня угрызения совести за то, что каждый день я обманывала самого родного мне человека? Нет, ведь я пыталась сохранить последние силы, которых у мамы почти не осталось.

Моё сердце больше не замирало в ожидании оглашения нашей фамилии. Я знала, что больше нам письмо не придёт. Но я научилась радоваться за тех, кто плакал от счастья, читая строки от любимых людей, ведь мама всегда учила меня тому, что я должна сохранять в себе веру, надежду и любовь к ближним, что бы ни случилось. Вероника Андреевна исхудала, глаза впали, но она все ещё была добра, она не потеряла веру в будущее и подбадривала окружающих.

Наблюдая со стороны за происходящим, я уставилась на тот самый камень, вспомнив, что на этой же улице несколько лет назад моя жизнь полностью изменилась.

Оставаясь в раздумьях, я поймала себя на мысли, что люди с Вероникой Андреевной озадаченно смотрят в мою сторону. В руках Оли, моей подружки, я заметила потрёпанный конверт.

— Письмо от дяди Лёши?

Так зовут её отца, добрейшего души человека, ушедшего на фронт вслед за моим.

— Письмо тебе, Катенька, — протянув навстречу мне руку, еле слышно промолвила она.

— Я больше не могу получить письмо. Наверное, это какая-то ошибка. Прочти внимательнее.

Я не сдвинулась с места. Хоть мама и учила меня сохранять веру, в такое я поверить не могла.

— Нет, нет, оно тебе, Катя, — подтвердила Вероника Андреевна.

Не понимая, я всё же взяла в руки конверт. Аккуратно распечатав, я стала вчитываться. Писал товарищ Антипа, моего отца. Он сообщал, что папа жив,

но написать об этой новости ранее было невозможно из-за наступательной берлинской операции. Я узнала, что адресант был тяжело ранен, из-за чего не мог сражаться в рядах армии вместе с Антипом. Подтвердив хорошие новости, о которых до этого писал и дядя Лёша, он сообщил, что уже в ближайшее время их военный отряд вернётся домой, так как будет представлен к награде за боевые заслуги и отвагу в борьбе во имя Отечества.

— Живой! Живой!! — кричала я, рассекая конвертом воздух, — Живой, вы слышите?! Он скоро вернётся домой! Мой папа — герой!

Лица людей, стоящих вокруг, выражали улыбку, выражали надежду... Женщины не могли скрывать слёз. Оленька прыгала от радости вместе со мной.

— Оля, она узнает и тоже подпрыгнет от счастья! — кричала я на всю улицу.

Не теряя времени, я тут же рванула к маме. Спотыкаясь, вставала и продолжала бежать. Незаметно стало и то, что от недоедания больше не хватало сил, сейчас мне было под силу всё, что угодно.

Вбежав в комнату, я увидела, что мама спит. Но как я могла не разбудить её? Ведь то известие, что я держала в руках, должно было заставить её смеяться и улыбаться вместе со мной.

Во весь голос зачитывая строчки письма, я ждала, когда мама ответит. Но спала она крепко.

— Мамочка, просыпайся. Папа скоро вернется! Он настоящий герой!

Мама не просыпалась.

— Мама, мамочка, ну чего же ты? Проснись скорее!

Но проснуться ей было не суждено. Сон её был настолько крепок, что не помогали и мои попытки привести её в сознание. Сердце больше не билось. Глазам её так и не удалось взглянуть на счастливое выражение моего лица, переходящее в гримасу очередного страха, ужаса и безнадёжности. Руки тряслись. Тело немело.

Мамы не стало. Она не дождалась...

— Прости, что не успела! Прости... — шептала я, сжимая её холодные руки, думая о том, что проклятая война не просто лишила меня детства, она искалечила маленькое сердце, которое по воле судьбы я не могла обменять на тихое материнское сердцебиение.

16:00. Время остановилось...

ПРИЗЁРЫ
4 КАТЕГОРИИ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

ДМИТРИЙ ОРУНОВ

1 курс

Наставник: Фатеева Евгения Георгиевна,
преподаватель
Колпашевский филиал
Областного государственного бюджетного
профессионального
образовательного учреждения
«Томский базовый медицинский колледж»
Томская область

«Иди и смотри»: СТЫДНО, ЧТО МЫ НЕ СМОТРИМ ЭТОТ ФИЛЬМ

Впервые на Великую Отечественную войну я взглянул «другими глазами» во время второго просмотра «Иди и смотри». Родители оградяли от этого фильма, поэтому, естественно, посмотрел. Втайне. Не понял ничего, единственное, до слез было жалко умирающую в кадре корову. Во второй раз фильм Элема Климова мы смотрели уже в колледже. После часового обмена мнениями по поводу событий войны на занятии кружка по истории, преподаватель устало сказала: «Давайте просто посмотрим кино...». Пятнадцать участников кружка отнеслись к её словам с некоторым снисхождением: мы ведь умные, мы смотрим фильмы, а там очень чётко показано, что фашисты — вовсе не исчадия ада, они грамотные, приличные, могут, конечно, и попытаться, но так ведь война, партизаны. Красная Армия тоже стреляла, убивала, брала немцев в плен. Мне стыдно, но мы правда так думали. На все аргументы учителя приводили свои доводы, казавшиеся нам исключительно верными: да, проводили жуткие опыты над людьми — но во благо медицины, да, блокировали Ленинград — но как иначе, если люди не желали сдаваться, да, жгли деревни — но на то она и война. А потом — удар под дых, «Иди и смотри». Без рекламы, без купюр. Просто смотри. Как твой ровесник из бодрого жизнерадостного подростка с ясными глазами превращается в старика, морщинистого, седого, оглушённого взрывом. Слушай, как пронзительно и противно воет в его ушах контузия. Иди, иди вместе с каждым жителем деревни в страшный амбар. Слушай вой людей, которые поняли, что последняя дорога в жизни закончилась. Смотри на детей, которых матери выкидывали за объятые огнём стены в отчаянной попытке спасти. Иди

и смотри... Тогда я понял, почему родители не хотели, чтобы я смотрел это кино. Потому что это не кино — это дробление всех представлений о жизни, это честное слово пережившего войну режиссёра, правда, воспринять которую неимоверно тяжело. Просто на экране ты видишь не абстрактную деревню, о гибели которой час назад рассуждал с высоты своих познаний, а конкретных людей: бабушек, дедушек, молодых женщин, малышей, которым суждено умереть мученической смертью. Такого кино не было тогда, людей жалели, такого кино не будет теперь, потому что нет больше режиссёров и авторов сценария, видевших всё своими глазами и считавших своим долгом показать правду остальным. Климов не пошёл на сделку с совестью и снял фильм, просмотр которого для каждого становится своей войной и своим огнём, пожирающим все прежние воззрения.

Из пятнадцати человек только один после финальных титров нашёл в себе силы говорить и несмело так, но всё же сказал: «Ну и что? Снять можно, что угодно». И тогда на экране появились слова, которые после показа «Иди и смотри» в Европе произнес один из пожилых зрителей: «Я солдат вермахта. Больше того — офицер вермахта. Я прошёл всю Польшу, Белоруссию, дошёл до Украины. Я свидетельствую: всё рассказанное в этом фильме — правда. И самое страшное и стыдное для меня — что этот фильм увидят мои дети и внуки».

В этом свидетельстве сомневаться не приходится.

А я бы сегодня перефразировал высказывание: «Самое страшное и стыдное — что мы не видим этот фильм». Мы, внуки, правнуки, праправнуки тех, кто, как Флёра, в юности пропитался ужасом и болью, кто, как партизаны из фильма, кружил по болотам и вступал в неравный бой с фашистами, кто кидался живым факелом под танк, не спал у операционного стола сутками, чтобы спасти как можно больше жизней, прыгал в ледяную воду, стремясь зацепиться за пядь берега и вгрызться в неё, удержаться, оттеснить врага... Мы — наследники победителей — сегодня можем позволить себе с видом знатоков рассуждать о «не таких уж плохих» фашистах, делать бредовые выводы о медицинских экспериментах Менгеле, находящихся за гранью добра и зла. Мы смотрим «Резню бензопилой в Техасе», но боимся покалечить свою тонкую душевную организацию просмотром *правды* о Великой Отечественной войне.

Шестьсот двадцать восемь деревень сожжено в Беларуси за три года фашистской оккупации — такие данные приводятся в фильме, и по силе воздействия они намного превосходят избитые фразы «Основано на реальных событиях» или «Подлинная история», к которым для пушшего эффекта прибегает современная киноиндустрия. По данным на 1 февраля 2023 года, приведённым в электронной базе данных «Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны» (создана к семидесятилетию Хатынской трагедии Департаментом по архивам и делопроизводству Министрства юстиции Республики Беларусь, Национальным архивом Респу-

блики Беларусь и Белорусским фондом мира при поддержке Российского фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память»), таких деревень 9 097. Из них более пяти тысяч двухсот сожжены вместе с жителями. Каждый третий житель славной республики навсегда остался на войне...

Соавтором сценария фильма выступил Алесь Адамович, белорус, пятнадцатилетним мальчишкой вступивший на путь партизанской борьбы. Война оставалась с ним до конца жизни, он, словно предвидя все перипетии, стремился успеть сохранить как можно больше свидетельств непосредственных участников событий. Так родились «Хатынская повесть», а потом «Я из огненной деревни...», лёгшие в основу сценария «Иди и смотри». Кстати, А. Адамовичу мы обязаны и «Блокадной книгой», материал для которой он собрал вместе с Д. Граниным. В 1980 году вышла повесть «Каратели, или Жизнеописание гипербореев». Я прочёл её. И это было второе сбивание с ног после кино. Показанное в фильме — один из эпизодов, которых за 1941–1944 годы будет более девяти тысяч. Трагедия семей, сирот, оставшихся без родителей, чудом уцелевших матерей, выползающих ночью из-под горы трупов односельчан, чтобы увидеть самого родного человека мёртвым, для фашистов и их помощников была работой. Кто-то воевал честно, на полях сражений, а зондеркоманды «воевали» с безоружными стариками и женщинами, с детьми и подростками. И вот это нейтральное слово — «работа» — в повести приобретает жуткое звучание, зловещий смысл. Перед карательным отрядом стоит большая цель — Борки, на пути к которой им предстоит посетить ещё несколько деревень, которые даже не устаиваются названия: «Посёлок первый», «Посёлок второй», между третьим и четвёртым посёлком, через запятую, происходит ещё одно сожжение. И бесконечные расстрелы. «Тупига тянул очередь, как опытный портной шов, — твёрдо и плавно, внимательно вслушиваясь в работу машины». Как точно и красиво описана работа человека, какое сравнение выбрано, какие эпитеты приведены! А потом всё это нивелируется описанием сути: «Следил, замечал, как испуганно вздрагивают и, кажется, ойкают мёртвые, словно оживающие от его работы...» Тупига достреливает людей и ругает соратников за некачественно выполненную работу. Адамович не собирается никого щадить, поэтому мы проживем все мысли и чувства «засыпающих» от выстрелов людей (тем, кто не умерли, кажется, что они спят), мы прочтём всё, о чём думает палач в минуты своего труда. Погибающие вспоминают детство, мать и отца, убийца купается в своей ненависти к «комсомолочке», мечтая поставить красивую точку в своей работе, добив беременную женщину последней. Адамович не пишет о парадах. Он пишет истину.

Искренне полагаю, что в списке литературы для старших классов должны быть книги Алеся Адамовича. А фильм «Иди и смотри» — обязателен к просмотру. Стремление защитить детей от жестокости на экране приводит к исторической близорукости, переписыванию истории с молчаливого

согласия тех, кто её не знает, и, в конечном итоге, становится причиной катастроф. Об этом предупреждали многие великие люди, в том числе гуманист Д. Сантаяна, изрёкший: «Тот, кто забывает об истории, обречён на её повторение». Эту фразу нередко повторял и режиссёр Элем Климов, не желавший отступать от первоначального замысла фильма. Никакой плакатности и парадности, только правда. Он прекрасно понимал, что фильм получится непростым, жестоким, не для просмотра за чашкой чая, и поделился своими мыслями с соавтором сценария. Алесь Михайлович ответил: «Пусть не смотрят. Мы должны это оставить после себя. Как свидетельство войны, как мольбу о мире». Вот в этом и кроется смысл фильма «Иди и смотри», книг Адамовича — помнить, чтобы никогда не повторить.

УЛЬЯНА САРВАНОВА

1 курс

Наставник: Янборисов Тимур Маратович,
преподаватель истории

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования Башкирский государственный
медицинский университет Министерства
здравоохранения Российской Федерации
(Медицинский колледж)

Республика Башкортостан

Дети без детства

Рассказ основан на интервью бывших
заключённых концлагеря Дахау. Лю-
дей, что попали в лагерь смерти деть-
ми. Детьми без детства.

Глава 1. Поезд в один конец

Жизнь — самая непредсказуемая вещь в мире. Нельзя угадать, что про-
изойдёт завтра, через два дня, месяц. После окончания третьего класса,
в начале июня 1941 года, я представляла своё счастливое лето, что буду
жить с мамой в Москве, после в Ленинграде, в Казани. Как несколько суток
проведу в купе поезда, играя пластиковыми пупсами, читая книги, вышивая
звезду Давида. Как бабушке привезу духи «Красная Москва». Из всех моих
грёз сбылось лишь одно — холодные вагоны. Поезд, стремящийся в место
гибели моего детства. Концлагерь Дахау.

Сентябрь 1941 года

Сырой вагон. Темно. Скрежет колёсных пар поезда. Никто не говорит,
не плачет. Матери прижимают к себе детей, даря им своё тепло. Моя мама
спит, у неё нет сил. Накрывая её своей кофтой, я мысленно задаю лишь один
вопрос, что не даёт мне покоя уже пару дней: «Мама, расскажи мне, мама...
В чём мы виноваты?..»

Резкий скрип, что разбудил всех. Дверь вагона открылась с противным
скрежетом. Снаружи шёл ливень, всё было серым. Фашистская речь. Нас силой
выгнали из вагонов, вырвали из рук узелки. Никто не сопротивлялся. Покор-
ность... Вынужденное чувство, что отравляет душу, выворачивает её наизнанку.

Один из фрицев, чья форма указывала на высокое звание, начал речь, думая, что мы сможем её понять. После нас построили в шеренгу, хлестая кнутом, отвели в помещение, что отдалённо напоминало баню.

— *Zieht euch aus, der Dreck der Leute! Schnell!*¹

Нам приказали раздеться догола. Грязные вещи были отброшены в дальний угол. Фашисты проводили «дезинфекцию», сопровождая процедуру липкими взглядами на юных девушек.

Поодаль девчонка-подросток возмущалась действиями фрица:

— Убери руки! Хватит, не трогай меня!

— *Kleiner Dreck!*²

Грохот. От одной пощёчины девчонка рухнула на скользкий деревянный пол. В ход пошли плети.

Я не видела происходящего. Мои глаза были вовремя прикрыты тёплыми материнскими ладонями. Но я слышала всё! Слышала звук прорезиненных плетей, как лопается кожа, а на пол летят кусочки человеческой плоти. Избивали всех, кто проявлял малейшее неповиновение.

— Спасибо...

Единственное, что я смогла вымолвить своей маме.

«Дезинфекция» продолжалась.

Первые дни октября 1941 года

После «бани» мы ночевали вновь в сырых, пыльных вагонах. Вместо рваной одежды нам дали пижамы в голубую полосочку. По-прежнему тихо, лишь мелкий дождик стучит по крыше.

— Мама, спишь? Мам?

Хотелось прервать эту тишину, она слишком угнетала меня. Мягким, но дрожащим от холода голосом, она отвечала мне:

— Нет. А что же ты, малыш, не спишь?

— Мам, обещай быть рядом. Мам, только не уходи. Мамочка...

Молчание. По моим щекам текли горячие слёзы, обжигая не моё, а материнское сердце. Я понимала, что это не в её власти, что нас могут легко разделить, но отчасти мне так было немного легче...

Следующий день

— Пожалуйста, нет, отдай ребёнка, будь же человеком!

На мощёную чёрную землю падали женщины, разбивая в кровь колени. Селекция...

Мужчина с изучающим прищуром осмотрел и нашу пару с ног до головы. Мы были последние в строю, но видели всё, что происходило.

— *Frau und Kind in einer Baracke! Dann werden sich die Ärzte darum kümmern. Gesunde Frau und Kind.*³

¹ Раздевайся, грязь лодская! Быстрее! (нем.)

² Маленькая дрянь! (нем.)

³ Женщину и ребёнка в один барак! Дальше врачи разберутся. Женщина и ребёнок добротные (нем.).

Их речь для нас была неясна. Но поняли мы одно: нас не разлучают пока. Скованные одной цепью, под немецкую речь мы шли на так называемый «медосмотр».

В огромном бараке людей было прилично. Усевшись на колочий дощатый пол, мы ждали своей очереди. Одна деталь не давала мне покоя.

— Мама, люди заходят, но не выходят, мам...

Мой голос дрожал как осиновый лист на ветру. Страшно. Ведь через шесть человек и нам идти в тот кабинет. Озябшие руки легли на мои плечи. Мама не знает, что там происходит. Никто из новоприбывших не догадывается, какой мрак творится за железной дверью.

— *Der nächste!*⁴

В кабинет зашли две беременные женщины. Дверь начала закрываться.

Вдруг в барак влетает запыхавшийся фриц. Грозным тоном отдаёт приказ.

— *Zurückkehren!*⁵

Из мрачной комнаты вышли одна за другой две узницы.

Немец жестами указывал на выход и нам тоже. Мы ушли.

«Через пару месяцев я узнала, что это за «медосмотр». Люди вставали на огромные металлические весы. Через одну-две минуты весы опускались и узники падали в глубокую яму, получая травмы, несовместимые с жизнью. Это один из способов убрать неугодных. Мы с мамой и двумя женщинами попали на этот «медосмотр» по ошибке...».

Ноябрь 1941 года

Дахау. Лагерь, что окружён рвом с водой, колючей проволокой под напряжением. Никто не спрячется, не сбежит. Смерть всегда на шаг впереди любого. Почти месяц я нахожусь в небольшом медицинском помещении концлагеря. Каждый день у меня берут кровь. Это очень больно. Длинная игла металлического шприца грубо вводится в левую сторону моей тонкой, худой шеи. Крови берут много. После вводят желтоватую жидкость. Врач, наполнив несколько стеклянных пробирок, уходит, оставляя нас одних.

Кроме меня в медпункте находятся ещё пятеро мальчишек и три девчонки. Бессильно склонившись и опершись локтями о колени, я тяжело вздохнула. Это заметила одна из девочек, что ещё не спала после введённых инъекций. Шарканье маленьких босых стоп. На мою койку присели.

— 2311, что с тобой? Тебе плохо?

«По прибытии в концлагерь моим именем стал номер, набитый на правом предплечье. Это сбивало с толку. До сих пор ощущаю себя не человеком, а предметом с инвентарным номером. Одна из главных задач фашистов — сломать нас морально. Это у них отлично получается...».

— Нет, 945, всё нормально. Давай отдохнём, следующий осмотр будет совсем скоро.

⁴ Следующий! (нем.)

⁵ Вернуться! (нем.)

Мы обменялись взглядами с Девятьсот сорок пятой. Разлеглись по своим койкам.

Эта девочка обладала отменным здоровьем две недели назад. Но сейчас на вид это была даже не промокашка, а страшное нечто: желтовато-землистый цвет кожи, такого же цвета впалые глаза. Худоба и ломкие конечности. От той пухлой девчушки не осталось ничего.

«Кто же знал, что это наш последний диалог! Тем же днём после вечернего осмотра из медкабинета вынесли ещё тёплый труп этой девочки. Умерла во сне».

Врачи были явно обеспокоены этой ситуацией. Нам не стали колоть инъекций. Принесли слегка ржавые весы. Провели взвешивание, попутно записывая результаты в блокнот.

— 2311. *Geh zur Wand!*⁶

До сих пор не понимаю немецкую речь. Ассистент врача прислонил меня к стене. Я содрогнулась от прикосновения с ледяными кирпичами. А дальше всё как в тумане. Мой подбородок приподняли, широко раскрыли рот и вставили резиновую конструкцию с железными крючками, что крепились до крови за губы, царапая мне слизистую щёк. Залезли руками до глотки.

«Невозможно больно. Горячие слёзы текут по щекам, попадая на руки доктора-убийцы. Я посмотрела мучителю в глаза. Он бесстрастно смотрел на меня. Это взгляд безумца. Нечеловеческие мысли скрывались за этими серо-голубыми стекляшками».

Я упала на пол, откашливаясь, выплевывая слюну, смешанную с кровью, жадно глотая воздух. Процедура завершена. Зло в белых халатах покинуло комнату.

Весна. Май 1942 года

Периодически нас выпускали из медпункта. В течение двух часов нам позволялось пройтись между бараками, немного пообщаться с другими заключёнными.

Рядом с нашим местом заключения был ещё один барак. Но он отличался от медпункта. Был огорожен ржавой железной сеткой, имелась небольшая площадка. Выглядел не так сурово. Да и дети ходили не в полосатой пижаме заключённых, а в привычной чистой одежде свободного человека. Всего около двух десятков пар близнецов разных возрастов.

Проходя мимо «особенного» барака, я поймала на себе чей-то взгляд. Обернувшись, увидела, что у сетки, в самом углу, сидел мальчишка четырнадцати лет.

Стараясь не привлекать лишнего внимания, спокойным шагом дошла до места, где находился паренёк.

Каштановые волосы, светлые зелёные глаза, смуглая кожа, высокий рост. Он словно не был пленником концлагеря. Ни единой царапины на коже. Да он точно не узник! Но и на немца не похож...

⁶ Иди к стене! (нем.)

Из раздумий меня вывел голос юноши:

— Я такой же, как и ты. Меня зовут Марат, а тебя?

«Марат... Так у них и имена есть...».

— 2311, или Евангелия Кацман. Нам запрещают говорить свои имена.

— Я наблюдал за тобой с того момента, как ты попала в барак для медицинских опытов, где заключённых заражают малярией либо травят ядами. Во время прогулок видел ваши с ребятами взгляды, полные непонимания, грусти и зависти. Геля, не завидуй моей судьбе.

«Я молчала. Хотелось узнать, что происходит в этом особенном бараке, какова его тёмная сторона. И правда ли зависть растёт на пустом месте и им намного хуже, чем мне?»

— Марат, что происходит в стенах этого помещения?

Он молчит. На душе скребётся страх. Обстановка нагнетается с каждой секундой.

— Марат, время ограничено. Прошу, расскажи мне тайну вашего барака.

На глазах паренька появились слёзы. Они скатывались по смуглой коже, падали на иссохшую землю, покрытую трещинами. Он заговорил.

— Человек в белом халате ставит над нами генетические опыты. Один из двух близнецов заражается неизлечимой болезнью, либо подвергается инъекциям в глазное яблоко. Последний способ используется ради желания получить сыворотку, способную изменить цвет радужки глаза. Но самый жестокий эксперимент... Это создание искусственных сиамских близнецов.

Минута молчания. Я вижу, что Марату очень тяжело говорить об этом, он плачет, но считает должным рассказать мне эти ужасы особенного барака.

— Создание сиамских близнецов — основная задача безумцев в белых одеждах. В нашей группе сшили между собой двух пятилетних близняшек. Преимущественно эксперимент проводится на детях детсадовского возраста, ибо их ткани быстрее заживают. Днём и ночью комната была наполнена плачем и мольбами о том, чтобы всё это прекратилось. И это невыносимо. Слышать просьбы о помощи, но без возможности облегчить их страдания... Через неделю после операции по их сшиванию в помещении появился запах тухлого мяса. Девочки гнили изнутри. На их конечностях образовалась гангрена. Прошла ещё неделя. Близняшек обнаружили мёртвыми во время утреннего обхода. Но мне не стало от этого легче морально.

Мой брат слепнет, чахнет на глазах от внутриглазных инъекций. Жить осталось недолго. Наш с ним максимум — неделя. Если в ходе опыта погибает один близнец, то второго умерщвляют ради сравнения состояния органов. Геля, не возвращай напрасно в своей душе зависть к нам. У тебя есть шанс выжить, у нас его нет изначально...

— *Zurück!*⁷

Мы оба обернулись на эту фразу. Недалеко от нас ассистент врача отдавал приказы возвращаться в барак. Мы с Маратом встретились взглядами. Слёз

⁷ Назад! (нем.)

не было, они высохли. Я приложила ладонь вплотную к сетке, парень сделал так же. Молчание передавало больше эмоций, чем словесное прощание.

Через пять дней подростка не стало.

Зима. Декабрь 1943 года

Больше двух лет я ничего не знаю о своей маме. Где она, что с ней? Последнее, что я помню, это то, что нас разлучили, направив её в женский барак.

Мне вновь начали колоть инъекции. Каждая ночь сопровождалась лихорадкой, бредовым состоянием. Водили на рентгеноскопию раз в две недели. Но прошёл буквально месяц и я снова в строю, словно и не болела. Таким образом я подогревала к себе интерес мерзавцев, что именовались врачами, потому что инъекции меня не брали, я просыпалась при каждом обходе, когда они ожидали увидеть труп.

Теперь в нашем бараке стабильно находилось около тридцати пяти детей. Узники в концлагере становилось всё больше. Практически без перерывов работали крематории.

При очередном «выгуле» нас построили в шеренгу и таким строем отвели на центральную площадь концлагеря. На улице зима, а на всех детях, кроме меня, поверх пижам надеты лёгкие кофточки...

«Хах... Холодом меня тоже не возьмёшь, фашистская гадина. Я выросла в Сибири!»

На главной площади находились сотни узников. Наша шеренга была ближе всех к жестокому зрелищу... В центре была установлена виселица. Вешали евреев.

«Мне тошно. В груди с новой силой воспламеняется ненависть к этим людям. Тяжело сдерживать себя. Нам приходилось слышать крики людей, находясь в своём бараке, но свидетелями такой жестокости мы не были ни разу».

Мимо повешенных проходили со свёртками в руках женщины. Их номера выкрикивал фашист. Я увидела маму...

«Нет! Мама! Мамочка... Босая, вся синяя, худющая, страшная. Она шла в строю... И держала младенца на руках... Она что, родила ребёнка?..»

Я посмотрела в сторону, куда направлялись женщины. Их вели напрямиком в крематорий...

Не могу сдержать слёз, градом падающих на притоптанный снег. Нет! Фашисты, что были рядом с нашей колонной, заметили мои слёзы. Злорадно улыбнулись... Они ещё поплатятся за своё злорадство.

Из толпы выбежал маленький мальчик. Он несётся напрямиком к одной из женщин. Её и ребёнка разделяли полметра заснеженной земли. Мальчик в полосатой пижаме упал к ногам мамы. Пуля, пущенная в спину по-предательски мерзко, не дала ребенку обнять мать.

Мы с мамой встретились взглядами. Она поняла, что я в напряжении, готова рваться к ней так же отчаянно, как тот малыш. Её глаза, наполненные горькой водой, умоляли этого не совершать...

За три года заключения в концлагере я пережила множество экспериментов, была свидетельницей смерти детей, находила в кровати холодные трупы своих друзей. И эта трагедия теперь навсегда со мной. Мою маму отправляют в крематорий! Я видела, как шевелились её губы. Она напевала колыбельную. Горькие слёзы падали на свёрток, откуда виднелась головка младенца. Два бьющихся сердца с одним номером на двоих приговорены к мучительной смерти. Мне никогда не узнать, кто был у меня — братик или сестричка. Я в последний раз взглянула на неё. Она — на меня...

Женский строй, отдаляясь от нас, обречённо скрылся в дверях сжигающей тьмы.

Лето 1944 года

В концлагерь прибыли новые узники. Их слишком много. Крематорий не справляется. По территории концлагеря валяются трупы. Их не убирают, ибо от них даже нет запаха. Разлагаться просто нечему: тонкая кожа и кости.

«На мне больше не проводят опыты инъекциями. Фашисты очень искусны в сфере пыток. Чтобы до конца морально сломать меня и других подростков, фашисты заставляли нас наблюдать за пытками над другими заключёнными».

С раннего утра нас сковали одной цепью и повели в хорошо закрытое и холодное помещение, над дверью которого красовалась деревянная табличка с высеченной надписью «Ärztliche Untersuchung von Müttern und Kindern»⁸.

Железная дверь с тяжёлым скрипом отворилась. Темно. Сыро. Единственные источники света — три слабо светящиеся жёлтым цветом лампочки, маятниками покачивающиеся из стороны в сторону.

Нас поставили к стене, жестами приказали молчать. Слышен детский лепет. Шаги. Из другой комнаты вышли три молодые мамочки и дети-дошкольники. У всех испуганные взгляды. Как же это знакомо!..

Всё произошло слишком быстро. Женщин схватили и завели им руки за спины. Детей за петли подвесили к потолку. Под каждого ребёнка подставили чистые металлические вёдра. Малышам разрезали пятки. Тонкой струёй полилась их алая горячая кровь...

«Материнский плач... Оглушающий... Если моё сердце разрывается от их криков, то какую боль испытывают они?»

Мы находились в этом помещении почти сутки. На потолке уже не было места. Слишком много тел было подвешено. Почти сотня маленьких детей. А кровь стекала очень медленно.

Ассистент «врача» подошёл к нам. Мы встретились взглядами. Его глаза были пустые. Он снял с нас цепь.

— *Entfernen Sie sie von der Decke!*⁹

Его голос был уставший. Нет даже малейших ноток безумства, в отличие от психа в белом халате. Тот с удовольствием рассматривал посиневшие лица

⁸ Медицинское обследование матерей и детей (нем.).

⁹ Снимите их с потолка! (нем.)

убитых изощрённым способом детишек... На полу в дальнем углу лежала куча женских трупов. Их просто закололи штыками. Позже им раздробят челюсти и выбьют прикладом автомата золотые зубы...

Глава 2. «Хлебный ящик»

Ночь на 29 апреля 1945 года

Суматоха. Звук расстрелов. Последние семь дней они происходят без перерыва. В воздухе присутствует стойкий запах пороха, изредка перебиваемый смрадом сожжённых заключённых. Наш барак подопытных опустошается с огромной скоростью.

«Я не понимаю, что происходит. Чувство тревоги нарастает с каждым днём. Мне надо скрыться, я не хочу умереть в крематории».

Сейчас в нашем помещении нет никого из взрослых. На дворе темнота. Самое время найти место для отсрочки своей гибели. Сторожевых нет, а значит, путь открыт.

«Сердце предательски громко стучит в груди. Страх пронизывает всё моё исхудавшее тело. Нужно идти, прятаться. Концлагерь огромен, но чем дальше уйдёшь, тем быстрее найдут. Выходит, скрыться нужно под самым носом фашистской гадины. Точно, будка!»

Перед каждым баракком имелась небольшая будка, где находились крупные ящики с продовольствием.

Стараясь аккуратно наступать на деревянный пол, не издавая лишних скрипов, я покинула наш медпункт. Ночью очень тяжело ориентироваться, даже если знаешь местность наизусть. Разглядев ту самую будку «спасения», я аккуратно пролезла через открытую форточку внутрь.

Внимательно ощупав ящики, я обнаружила, что у одного сломана петля и дверца висит на второй. Он был пуст. Самое наивное решение в моей жизни: я спряталась в этом ящике.

Дверь в будку резко отворилась. Немецкая речь. Я зажимаю себе рот, лишь бы не издать шума.

Пинок. Мой ящик от такого пинка чуть не опрокинулся, но этого, к счастью, не произошло.

«Моё сердце ушло в этот момент в пятки. Невольно подумала: всё, конец тебе, Кацман, самая нелепая смерть по собственной глупости...»

Немцы уже ушли. Но я не спешила покидать своё убежище. До самого рассвета не спала. Примерно в шесть утра через громкоговоритель комендант лагеря что-то огласил. Стало очень шумно. Находясь в ящике, я слышала гул, топот и крики людей. Неужели идёт массовый расстрел?

Я не знаю, сколько прошло времени, но стало тише, правда, ненадолго. Вновь звуки выстрелов. Позже они сменились людскими криками. Опять затишье. Что же происходит снаружи?..

Топот. В каморку с громким гулом кто-то врывается. Вскрываются ящики с продовольствием. Крышка моего убежища слетает с петли. На меня смотрит узница концлагеря. Переглядки.

— Что там творится?

У девушки появляется практически беззубая улыбка. Она плачет.

— 2311, Кацман, мы свободны! Победа!

Я — Евангелия Кацман. Мой номер *две тысячи триста одиннадцать*. Бывшая заключённая лагеря смерти. В концлагерь Дахау попала в возрасте десяти лет.

Я — Евангелия Кацман. Я видела, как мою маму ведут убивать. Четыре года мы, узники Дахау, подвергались жестоким, извращённым, болезненным опытам. Желая сломить нашу веру, уничтожить в нас осознание себя личностью, добить морально, нас заставляли быть свидетелями пыток над другими детьми.

Я — Евангелия Кацман. У меня за плечами несовместимый с детством огромный опыт многочисленных встреч со смертью моих товарищей.

Я — Евангелия Кацман. Я несу ответственность за тех, кто, превратившись в золу, став тленом, остался там навсегда, и чувствую свою обязанность рассказать всю правду о концлагере Дахау. Чтобы весь мир знал о позорных преступлениях фашистских нелюдей. Чтобы никогда не повторилось подобное. Чтобы дети не теряли матерей и не выросли в одночасье.

Мы — дети, у которых украли детство.

Список использованных источников

1. Портал проекта «Без срока давности» : [Электронный ресурс]. — URL : Без-срокадавности.рф.
2. Рассказ выжившей в фашистском концлагере из первых уст : [Электронный ресурс]. — URL : <https://www.sobaka.ru/city/city/91439>.
3. Ужасные эксперименты в концлагере Дахау : [Электронный ресурс]. — URL : <https://mir24-tv.turbopages.org/mir24.tv/s/articles/16394421/bol-i-uzhasnye-eksperimenty-v-kocnlagere-dahau-zaklyuchennye-oblizyvali-pol-pytayas-poluchit-vodu>.
4. Дахау — самый первый концентрационный лагерь в фашистской Германии : [Электронный ресурс]. — URL : <https://redko-da-metko.ru/2021/05/09/8-priemov-s-pomoshuyu-kotoryh-lomali-zakluchennyh-v-dahau/>.
5. Шокирующие свидетельства выживших в Освенциме : [Электронный ресурс]. — URL : <https://turbo.ria.ru/20190127/1549934215.html>.
6. Исповедь узников Освенцима : [Электронный ресурс]. — URL : <https://myslo.ru/city/tula/tulyaki/ispoved-uznikov-lagerya-osventsim-chtobi-vizhit-mi-eli-travui-gazeti>.
7. Дневник узницы концлагеря : [Электронный ресурс]. — URL : <https://rostov-kp.ru.turbopages.org/rostov.kp.ru/s-daily/27293.5/4431553/>.
8. Уроки истории : [Электронный ресурс]. — URL : <https://urokiistorii.ru/articles/jeto-nas-privezli-okazyvaetsja-v-osven>.

ОЛЬГА НИКАНОВА

1 курс

Наставник: Козина Светлана Ивановна,
преподаватель русского языка и литературы

Областное государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение «Ульяновский техникум
железнодорожного транспорта»

Ульяновская область

Лёнькина победа

Лёнька бежал в сторону леса, спотыкаясь о кукурузные будылья и оглядываясь назад. Немецкий патруль цепью стоял вдоль дороги и просматривал окрестность. Под прицелом автоматов Лёньке незаметно нужно было пробежать около километра. Рубаха намочла, босые израненные ноги ныли. Он крепко держал в руках картуз, в котором лежал десяток яиц. Автоматная очередь резанула воздух. Мальчик успел нырнуть в заросли, но не удержался и ткнулся лицом в нагретую солнцем землю. Яйца не разбил, прижал к груди...

Ещё немного — и лес. Там свои. Немцы туда не сунутся.

Ползком добрался до рожицы. Вот и перелесок, а там рукой подать до блиндажа. Голосом подал сигнал. От дерева отделилась тень, обняла Лёньку, и вместе они растворились в чаще...

Немцы появились в белорусской деревеньке Болюта августовским вечером 1941 года. Организованно расположились в сельсовете и в лучших хатах. Сразу же утвердили свой *Ordnung*: волостная управа с бургомистром, в деревне — староста, для охраны территории — полицейский отряд из изменников и предателей. Приказано: колхоз — ликвидировать, начать погрузку хлеба для отправки в Германию. Новая власть следила за исполнением своих приказов тщательно. За любую провинность наказание следовало незамедлительно.

Вечером местные ребятишки смотрели, как прикладом автомата немецкие солдаты разбивали окна в школе, как горели в костре томики стихов с закладками учеников, как от удара пыльного кованого сапога развалился на половинки старый глобус. Он потом долго будет сниться, этот глобус, с разорванной пополам Африкой.

Так закончилось Лёнькино детство, закончилось преступно рано. Выкосоило его как косой-литовкой, которую заботливая отцовская рука прислонила к заднему двору ещё в июле.

Лёньке Биркову одиннадцать лет. Светлый вихрастый мальчик, такой неприметный в толпе, как былинка в поле. В 1941 году окончил четвёртый класса. Пас коней на речке Ракитовке, что на Витебщине.

Витебская область Белоруссии... Она одной из первых приняла на себя все тяготы войны, с честью выдержав суровые испытания. Вторжение гитлеровцев на её территорию началось с первого дня войны. Тогда же ушёл на фронт простым солдатом Лёнькин отец, Евдоким Бирков. Мальчик больше никогда его не увидит — отец пропадёт без вести в августе 1944 года. Уходя, Евдоким наказал сыну оставаться надёжной опорой для матери и двух сестёр. Непосильный груз, который тогда свалился на детские плечи, Лёнька нёс достойно и праведно. Он, как и многие другие дети того времени, вырос и возмужал в одночасье.

Здесь, на Витебщине, сразу же стали возникать партизанские отряды. Партизаны освобождали от оккупантов деревни и целые районы, минировали дороги, пускали под откос машины и поезда. Для связи с миром нужны были мальчишки, неприметные и смекалистые.

В одиннадцать лет Леонид Бирков стал партизанским связным. Юркий, быстрый, толковый, он мог обхитрить врага в два счёта. Днём между дел наблюдал за тем, куда направляется немецкий патруль, сколько человек осталось в отряде, какое оружие и провиант привозят. Вечером эти сведения да ещё еду доставлял в лес. Тайными тропами пробирался Лёнька-связной через озеро, по Большой Гряде. Для неприятеля эти дороги в глухие леса были совершенно закрыты.

Страшно ли было Лёньке? Да, страшно! Но страшнее — смотреть, как фашист стирает носовым платком с сапога кровь убитого ребёнка. Слово фотографическая карточка, отпечатался в памяти этот зверский случай. Страшнее — узнать, как немцы безжалостно сожгли пять соседних деревень. Их названия до сих пор проносятся в голове таким порядком: Асташово, Красное Утро, Вишенки, Яриново, Стайчевка...

В одиннадцать лет очень трудно свыкнуться с мыслью, что в доме нет отца, что тётка Груня теперь ютится в задней избе, а в её горнице горланят песни пьяные немецкие солдаты, что Фёдку Кудлатого вместе с другими односельчанами угнали в Германию. Уже будучи взрослым, он узнает, что всего с территории его родной области насильно отправили на принудительные работы в Германию 68 434 человека.

Жуткие преступления нацистов... Главное из них — истерзанное и исковерканное детство. Это и есть тихий ужас нацизма — сломить волю ребёнка, подавить в нём личность, сделать рабом, поселить страх. Липкой змеей страх вползает в сознание, остаётся в памяти, выплывая в самый неподходящий момент, отравляя смертоносным ядом само существование на земле.

Нацизм страшен своими последствиями — он оставляет после себя смерть. Бороться с ним тяжело. Ведь душевная боль намного ощутимее боли телесной. Нужны невероятная сила воли и внутреннее мужество, чтобы пережить боль и не сломаться.

Но сама жизнь сильнее смерти и страха смерти. Смог побороть в себе этот страх и Лёнька, бывший связной партизанского отряда, а ныне ветеран труда, отличник профтехобразования, бывший заместитель директора по учебно-производственной работе, любимый преподаватель многих студентов Ульяновского техникума железнодорожного транспорта, Леонид Евдокимович Бирков.

Сейчас нашему Леониду Евдокимовичу девяносто два года. Несмотря на солидный возраст, он бодр и крепок, у него ясный ум и хорошая память. Он улыбается, вспоминая туристские походы со студентами от Ульяновска до Карсуна, обстоятельно объясняет технические характеристики железнодорожного транспорта. В каждом его слове — Жизнь, искрящаяся, радостная, полная здоровых эмоций!

О судьбе Леонида Евдокимовича Биркова можно написать повесть — он из тех замечательных людей, которые достойны того, чтобы о них писали книги. Быть может, этот короткий рассказ станет отправной точкой в этой повести, повести о детях войны, победивших фашизм...

АСКЕР ДОДАЕВ

1 курс

Наставник: Баймурзова Ирина Каншаубиевна,
преподаватель русского языка и литературы

Карачаево-Черкесская республиканская
государственная бюджетная
профессиональная образовательная
организация

«Аграрно-технологический колледж»

Карачаево-Черкесская Республика

Разговор с Родиной

Родина моя — край голубых озёр, бескрайних равнин, белоснежных вершин, край необыкновенных людей, прославивших себя на века.

Листая страницы истории, мы видим, как менялся облик твоей земли, сменялись правители, но неизменными, Родина моя, оставались люди твои: добрые и бескорыстные, мужественные и стойкие, горячо любящие тебя и способные пожертвовать собой ради тебя, как это было в самые тяжёлые годы Великой Отечественной войны, памяти о которой нет срока давности. Знаю, Родина, ты всегда с особой горечью вспоминаешь тех, кто остался на полях сражений, гордишься теми, кто вернулся с победой, надеешься узнать о судьбе пропавших без вести. Я знаю: в истории этой страшной войны особое место занимает судьба детей блокадного Ленинграда, о которых мы помним и будем помнить всегда. То, что пережили ленинградские дети, не передать словами: постоянные бомбёжки, страх неизвестности, голод и холод. Многие из этих детей, Родина моя, нашли свои родные очаги и материнское тепло у нас в Карачаево-Черкесии. В череде этих событий, фактов, имён мне хотелось рассказать тебе о подвиге учительницы, чья жизнь будет светить яркой путеводной звездой для многих поколений моего народа, о судьбе которой я узнал на уроке литературы, который назывался «Выбор поступка — выбор судьбы».

...Далёкие восьмидесятые годы прошлого века. Жаркий летний день. Районная поликлиника. Все в ожидании врача Чомаевой Марьям Сеит-Батдаловны. Очередь нетерпеливо ждёт специалиста, который задерживается на совещании. Последней каплей возмущения становится реплика подошедшей молодой женщины, которая явно была не из этих мест:

— Извините, пожалуйста, но мне нужно срочно увидеть Марьям Сеит-Батдаловну!

Очередь заволновалась:

— Нам тоже нужно! Мы уже битый час её ждём!

В ответ незнакомка ещё раз извинилась и сказала:

— Вообще-то я приехала сюда издалека, чтобы выразить слова благодарности своей второй маме, Разумхан Махаевне Чомаевой, спасшей меня и моих подруг из блокадного Ленинграда во время войны, но, к большому огорчению, я узнала, что её нет в живых. Она осталась в далекой Киргизии.

Слёзы, градом катящиеся из глаз женщины, неподдельное горе, написанное на её лице, имя учительницы, которую знали и любили в Учкекене, изменили настроение очереди:

— Вы простите нас, пожалуйста. Мы ведь не знали о цели Вашего визита к врачу. Думали, что Вы просто хотите без очереди...

В это время дверь кабинета открылась и из него в окружении коллег в развевающемся белом халате спешно вышла Марьям Сеит-Батдаловна, к ногам которой буквально бросилась гостья из Ленинграда и стала целовать землю у её ног. Врач, опешив от неожиданности и смущения, пыталась поднять рыдающую женщину, думая, что это очередная уловка, чтобы попасть на приём без записи. Марьям Сеит-Батдаловна возмущённо посмотрела по сторонам. Из её уст уже были готовы слететь резкие слова, но женщину смутила реакция пациентов. Люди смотрели на них со слезами на глазах.

— Марийка, милая моя, я хочу сказать тебе то, что не смогла сказать нашей маме при жизни. Прости, что слишком поздно. Не будь её, не было бы и нас.

Эти слова пронзили душу Марьям Сеит-Батдаловны, которая, наконец, узнав незнакомку, стала радостно обнимать её, приговаривая:

— Не может быть! Это ты! Как я рада! Надо позвонить Азе, Коле, Алику!

Они стоят, прижавшись друг к другу так крепко, словно воспоминания прошлого связали их навечно...

...Семья Сеит-Батдала и Разумхан Чомаевых работали в школе аула Учкекен. Он был директором, а супруга — учительницей. К ним в ауле было всегда особое отношение. Аульчане приходили к Чомаевым поделиться радостью, услышать дельный совет. Степенный, рассудительный Сеит-Батдал и нежная, добрая, интеллигентная Разумхан хорошо дополняли друг друга. В семье было четверо прекрасных малышей. В доме постоянно гостили многочисленные родственники, друзья, для которых Сеит-Батдал и Разумхан находили и время, и внимание. К сожалению, это счастливое время быстро кануло в Лету. Началась война. Сеит-Батдал, не раздумывая, добровольно ушёл на фронт, наказав жене беречь детей. Для Разумхан начались тяжёлые дни ожидания вестей с фронта. Тревожные новости об отступлении наших войск терзали душу. Враг приближался к Кавказу.

В один из дней разнеслась весть о том, что через аул в горы везут ленинградских детей. Разумхан, собрав в узелок еды, побежала навстречу. То, что

она увидела, ранило душу матери, тронуло сердце учительницы: бледные, обессиленные долгой дорогой, уставшие от страха дети. Их полные тоски и безнадежности глаза перевернули душу Разумхан. Она подбежала к сопровождающим ленинградских детей и сказала:

— Умоляю вас, оставьте их мне. Вы же не довезёте их. Я позабочусь о них.

Соседки, услышавшие эти слова, пытались отговорить её от безрассудного, по их мнению, шага:

— Подумай, что ты делаешь! А если не выживут?! У тебя самой четверо! Один меньше другого! Немцы скоро войдут в аул! Убьют и тебя, и детей!

В ответ они услышали:

— Кто знает, если я сегодня помогу этим детям, завтра, может, Всевышний поможет моим. Я знаю: Сеит-Батдал одобрил бы моё решение. А немцы не узнают, что они не мои, если вы не скажете!

Так Разумхан стала матерью ещё для пятерых детей. Всю теплоту своего сердца, материнскую ласку, щедрость души разделила она между своими детьми и ленинградскими девочками — русской Анной Жерновой, белорусской Валентиной Бурун, еврейками Ириной Стельмаховой, Валентиной Филак, Анной Польша. Жизнь для Разумхан наполнилась новым смыслом: теперь она должна заменить девочкам их родителей, сделать всё, чтобы они не чувствовали себя чужими в её семье.

Появление немцев в ауле внесло смятение в жизнь каждого. С первых дней фашисты предупредили о том, что все коммунисты, красноармейцы, евреи должны сдаться, те, кто не выполнит приказ, будут расстреляны или сожжены вместе с теми, кто их скрывает. В душе Разумхан поселился страх за своих приёмных девочек. Она передела их в карачаевские платья и предупредила, чтобы никто не выходил на улицу в её отсутствие. Бедная женщина боялась даже думать о том, что будет с её детьми, если немцы узнают о девочках из блокадного Ленинграда, которых она прячет у себя дома. И когда уходила в Кисловодск менять молоко на продукты для детей, Разумхан закрывала всех девятерых в огороде, в землянке, вход в которую заваливала початками кукурузы. Вернувшись, она долго приходила в себя от леденящих душу новостей: пытки и казни стали обычным делом; долина реки Подкумок за городом превратилась в расстрельный полигон. Особой приметой нового времени стали и жёлтые звезды, нашитые на одежду евреев. Наказание следовало за недоносительство, поддержку партизан. Только 7 сентября 1942 года в районе Минеральных Вод у стекольного завода фашисты расстреляли около двух тысяч человек — раненых, евреев, среди которых были старики, женщины и дети.

В эти тяжёлые дни Разумхан считала, что дети не должны видеть её страх. Она старалась поддерживать в них веру в лучшее, рассказывала разные поучительные истории, умудрялась даже читать книги.

Фашисты не раз вызывали Разумхан на допросы, на которых женщина утверждала, что это её племянницы, которые не смогли уехать к своим роди-

телям в Хурзук. Так продолжалось долгие пять месяцев. Несмотря на угрозы сжечь её вместе с детьми, она не выдала своих приёмных девочек, спасла их от верной гибели. Когда изгнали захватчиков, спасённые Р. М. Чомаевой А. Жернова, В. Бурун, И. Стельмахова, В. Филак, А. Польша вернулись к себе на родину, в непокорённую героическую северную столицу, навсегда сохранив в памяти образ сельской учительницы, матери, человека с большим и щедрым сердцем.

Родина моя, меня глубоко тронули слова одной из девочек, спасённых Разумхан Чомаевой:

— Я никогда не забуду выразительные, полные любви и сострадания глаза нашей мамы, её натруженные руки, которые первыми давали нам, а не своим детям, выпить кружку айрана или съесть кусок лепешки. Это давало нам шанс на спасение, на жизнь. Мы навсегда сохранили благодарность к человеку, который, рискуя жизнью своих детей, отнёсся к нам, пятерым умирающим девочкам, с таким милосердием и спас нас всех от смерти. Об этом помнить будем не только мы, но и все наши внуки и правнуки.

И сегодня, Родина, в городе на Неве живут потомки тех спасённых женщиной-горялкой детей, в чьих сердцах продолжает гореть яркий свет души Разумхан. Я уверен, Родина, в том, что искорки её горячего сердца будут передаваться из поколения в поколение, напоминая о великом подвиге Чомаевой Разумхан Махаевны, простой учительницы, ставшей олицетворением бескорыстной любви и милосердия, «чья память незабвенная живёт, в сердцах людей укоренившись прочно», напоминая о тех страшных событиях, которым нет срока давности и через которые прошли дети блокадного Ленинграда.

ЯНА ТРЕТЬЯК

1 курс

Наставник: Донченко Галина Георгиевна,
преподаватель

Государственное профессиональное
образовательное
Автономное учреждение Амурской области
«Амурский колледж сервиса и торговли»

Амурская область

Забвению не подлежит

Я уверена, что все помнят утверждение М. В. Ломоносова о том, что «народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Какое значение имеет прошлое для тех людей, которые освободили не только свою страну, но и Европу от фашизма?

С 9 мая 1945 года советские люди никогда не забывали эту цифру — двадцать семь миллионов! Это наша историческая память о погибших и ненависть к фашизму во всех его проявлениях. Американский журналист Скотт Риттер в феврале 2022 года так определил цель Специальной военной операции на Украине: «Ненависть — это когда у вас убивают от двадцати до тридцати миллионов человек в войне с фашистской Германией... Самый важный праздник в России — День Победы. Ненависть к фашизму — это у них (у русских) в ДНК. И вы приказываете им сидеть и спокойно смотреть, как идеология нацизма возрождается на Украине, и не вмешиваться?»

Эти двадцать семь миллионов советских людей погибли потому, что их судьба была предрешена Гитлером задолго до начала Великой Отечественной войны. Гитлер еще в 1924 году излагал идеи об истреблении «низшей расы» (евреев, славян, цыган) в книге «Майн кампф». Эти расы не подходили под критерии «нордического типа», поэтому их можно было уничтожить. И как-то идеолог нацизма забыл, что «недочеловеками» были русские люди: Пётр Чайковский, Александр Пушкин, Фёдор Достоевский! Этот список можно продолжать на сотнях страниц: Дмитрий Менделеев, Александр Попов, Константин Циолковский и т. д. И это их объявили неполноценными?

К исполнению идеи по уничтожению миллионов людей немцы готовились основательно. Было продумано всё: массовые расстрелы, концлагеря смерти, утилизация останков людей. «Памятка немецкого солдата» полностью осво-

бождала оккупантов от угрызений совести и преследования за преступления: «Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасёшь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек».

И они не останавливались, убивали безнаказанно тех, кто не мог себя защитить на оккупированных территориях. Сегодня на картах Белоруссии мы не найдём местечка под названием Хатынь. На месте деревни Хатынь создано единственное в мире «Кладбище деревень», на котором символически похоронены сто восемьдесят пять белорусских деревень, разделивших судьбу Хатыни. А сто восемьдесят шестая невозрождённая деревня — сама Хатынь. Скорбное место, меняющее представление о смысле жизни у каждого, кто постоит там и прочитает хотя бы десяток названий деревень, и услышит сотни голосов: «Мамочка, спаси меня! Я не хочу умирать!»

Символом зверства фашистов стала деревня Хатынь, сожжённая 22 марта 1943 года вместе со ста сорока девятью мирными жителями. Из них — семьдесят пять детей. Была проведена акция устрашения: фашисты согнали всех жителей в колхозный сарай, закрыли двери, а потом подожгли. Когда ворота сарая не выдержали напора и открылись, каратели начали расстреливать горящих людей. Кузнец Иосиф Каминский был единственным выжившим, но он не смог спасти своего сына, изрешечённого пулями. Они стали прообразом центральной скульптуры на «Кладбище деревень»: отец держит на руках бездыханное тело сына.

После карательной акции остались в живых двое детей: семилетний Виктор Желобкович и двенадцатилетний Антон Барановский. Обгоревших, израненных детей подобрали и выносили жители соседних деревень.

В Республике Беларусь находится мемориальный комплекс памяти детей — жертв фашизма в деревне Красный Берег Жлобинского района Гомельской области. Здесь в 1943–1944 годах располагался один из донорских детских концлагерей. В нём были белорусские, украинские, русские дети от восьми до четырнадцати лет, насильно отобранные у родителей. Большая часть содержащихся здесь ребятишек были полными донорами: у них забирали всю кровь за один раз, после чего дети умирали. Немецкими врачами был апробирован новый «научный» метод забора крови. Детей подвешивали под мышки, сжимали грудь. Чтобы кровь не сворачивалась, делали специальный укол. Кожа на ступнях отрезалась, или в ней делались глубокие надрезы. Вся кровь стекала в герметичные ванночки. Тела ребятишек увозили и сжигали. Всего из этого лагеря фашисты вывезли 1990 детей. В наши дни Красный Берег называют «детской Хатынью».

Не прошло ещё и ста лет после Нюрнбергского процесса, когда нацизм был побеждён в Европе, но не был уничтожен. Это было невозможно, потому что на протяжении столетий государства Европы в своих колониях безнаказанно устраивали геноцид против коренного населения. А американцы,

истребившие десятки миллионов индейцев? Никто из завоевателей не ответил за преступления против человечности. Если бы советские войска не дошли до Берлина, то и суда над нацизмом не было бы, потому что принцип вседозволенности всегда был в Европе основополагающим.

С 1991 года Украина прославилась парадами нацистов, факельными шествиями, сносом советских памятников, переписыванием истории. Агент гитлеровской разведки Степан Бандера сотрудничал с оккупантами, а в 2010 году стал Героем Украины. Если Гитлер пропагандировал теорию расового превосходства немцев, то Бандера — украинцев. Если просто, то можно объяснить так: нет — русским и русскому языку. Именно запрет на русский язык подтолкнул жителей Донбасса и Луганска 11 мая 2014 года провести референдумы о самоопределении. В первую очередь выдвигалось право на языковое самоопределение жителей региона. Один недалёкий российский актёр, оценивая причины начала самоопределения Донбасса и Луганска в 2014 году, искренне удивился: «И что, из-за языка воевать? Это линия раздела?!» Да. Даже этой линии раздела хватило бы. Из-за языка надо воевать, если его отнимают. Язык — это память народа о своей культуре и истории. Видимо, как пел В. Высоцкий, «не те книжки он в детстве читал».

Не все украинцы поддержали фашистский режим после государственного переворота 2014 года. Известный поэт Украины Олесь Бузина в стихотворении «Я не люблю такую Украину» писал в 2015 году: «Фашизм воскрес и нет страшней заразы // — Как будто снова сорок первый год!» Власти Украины ненавидели писателя, потому что он честно писал о геноциде жителей Донбасса, за что его и убили в 2015 году. А как нацисты могли поступить с тем, кто имел смелость говорить правду о фашистском терроре?

В Донецке есть скорбное место — Аллея ангелов. Мемориальная плита, на которой золотыми буквами выбиты имена детей, погибших после 14 апреля 2014 года. Они погибли по-разному: кто при массированных обстрелах, кто от разрыва мины, кто от игрушки, начинённой взрывчаткой. Эти дети сначала были лишены детства, а затем и жизни, потому что киевская хунта начала кровавый террор против населения Донбасса. Зеленский, став президентом, так определил место жителей Донбасса и Луганска в государственном устройстве — «особи». А раз «особи», то можно безнаказанно убивать. Более ста невинно погибших детей за восемь лет! Разве не геноцид — слова украинского националиста Остапа Дроздова: «С лица моей страны должны исчезнуть русскоязычные дети». Куда они должны были деться с земли, на которой исконно жили русские?

А теперь о том, что волнует меня, мою семью: можно ли было избежать Специальной военной операции на Украине, начавшейся 24 февраля 2022 года? Если в феврале 2022 года были сомнения, споры, то сейчас ответ один: нет, нельзя. С 24 февраля 2022 года для России и всего мира пойдёт новый отсчёт времени. Нам нужна победа над националистами, которые на протяжении последних лет разжигали ненависть, неуважение к России

и её гражданам, её истории и культуре, обучая детей, как убивать «москалей», «русню».

Россия участвовала в Минских соглашениях, которые должны были привести к мирному урегулированию конфликта на Донбассе. В декабре 2022 года Ангела Меркель, бывший канцлер Германии, публично призналась, что Минские соглашения никто, кроме России, и не собирался выполнять, Украине было дано время, чтобы наращивать вооружение для военного конфликта с Россией, а также было обещано вступление в НАТО. А это — уже прямая угроза суверенитету России, так как подлётное время американских ракет от Украины до Москвы — несколько минут. И Россия сделала свой выбор — защищать национальные интересы!

Сегодня Специальная военная операция — это уже не просто противостояние России и Украины, России и НАТО, это война США с Россией. Нас открыто призывают ненавидеть и называют агрессорами, намекают на третью мировую войну. Всё повторяется, как было в 1941 году, когда против СССР была не только Германия, но страны Европы, Япония, Таиланд. Очень хотелось поделить территории, уничтожив часть населения, а оставшихся советских людей сделать рабами в новых колониях Третьего рейха. Все только и ждали, когда начнётся делёжка «русского пирога». Только ожесточённое сопротивление народа спасло страну от порабощения.

Нацисты могли уничтожить СССР, лишив его будущего — детей. Детей надо было убить или лишить памяти о родителях, доме, стране, чтобы они не стали врагами. Более двухсот тысяч невинных детей погибли от изощрённых зверств тех, кто считал себя «высшей расой». Есть в нашем национальном характере такая черта — не помнить зла. Мы простили немцев за преступления на нашей земле, но помнить будем, пока мир стоит, про истребление нашего народа фашистами всех мастей.

В США и Европе забыли, что одна из священных традиций России — защищать каждую пядь земли, доставшейся от предков. Забыли, что не позволим никому посягать на нашу тысячелетнюю культуру. Забыли, что от нацизма до фашизма — один шаг. Забыли, что память о погибших миллионах советских людей навеки в нашей памяти. Президент Владимир Путин назвал геноцид в отношении советского народа «преступлением без срока давности». Никакого забвения тому, что было в нашей истории!

ЮЛИЯ ПОНОМАРЕВА

1 курс

Наставник: Соловьева Ольга Ильинична,
преподаватель русского языка и литературы

Государственное автономное
профессиональное образовательное
учреждение Свердловской области
«Екатеринбургский
промышленно-технологический техникум
им. В. М. Курочкина»

Свердловская область

Горошина

Юлька сидела, обняв острые коленки, на широкой лавке деревенской избы и с упоением слушала рассказы своей бабушки о «старых временах». Евдокия Матвеевна, женщина крупная и степенная, ловко двигалась по крошечному «бабьему закуту» — месту возле русской печи, где находилась кухня. Печь весело потрескивала, озаряя малиновыми отблесками доброе лицо бабушки; пахло готовым тестом и особенным уютom зимнего вечера. Дед, Николай Дмитриевич, чинил прохудившиеся подошвы валенок, расположившись на скамье у входа в избу. Он с удовольствием прислушивался к рассказам жены, кивал головой в тех местах, с которыми был согласен, и поводил худыми своими плечами, если имел насчёт сказанного собственное мнение. Слова редко срывались с его языка, дед разговорчивостью не отличался.

— Баба Дуня, расскажи мне сказку про горошину, — попросила Юлька.

— Ведь не раз уже рассказывала, — ответила бабушка, улыбаясь.

— Да разве же это сказка? Самая что ни на есть быль, — вставил слово дед.

Бабушка тем временем переместилась с кухни за крепкий большой стол, покрытый цветастой клеёнкой, и принялась лепить пирожки.

— Родители мои приехали в Ленинград, спасаясь от голода в начале двадцатых годов, — начала свой рассказ бабушка. — Отец устроился на завод рабочим, а мама кончила курсы медсестёр и в больнице работала. К началу войны мне только десять лет минуло — самая младшая была у родителей, последыш. В комнате нашей в коммунальной квартире из детей только я и осталась, все старшие вылетели уж из гнезда. Школу разбомбили в первый налёт на город, учиться я не ходила. Самое страшное началось, когда немцы блокаду установили. Как ни пытались люди запастись продуктами, а к концу октября запасы всё равно вышли. Голод пришёл.

Я как думаю о том времени, сразу перед глазами лицо соседки нашей встаёт, она сошла с ума и умерла самой первой в ту блокадную осень. Помню дикие её глаза и лицо перекошенное, помню, как она переворачивала мебель на общей кухне и кричала: «Где, где моя каша?!» А еды не было уже совсем, только хлеб по карточкам — крохи. Страшен голод, Юлька! Он всё заставляет забыть: про долг свой, про верность, про честь, про близких. Для голода нету любви, никого нету, только ты сам, только твоя жизнь. Ох и трудно этой злой силе противиться! Голод так и тянет тебя на тёмную сторону. Мне мама тогда сказала: «Дунечка, будешь думать о еде, сойдёшь с ума, как соседка. Думай о людях вокруг, думай, чем можешь другим помочь. Тогда выживешь». Я была девочкой некрасивой, но крепкой. Порода у нас хорошая, хоть и белёдые, а живучие, — вела свой рассказ бабушка, тепло поглядывая на светловолосую и светлоглазую внучку.

— А деда Коля какой в войну был? — спросила Юлька, пытаясь представить дедушку маленьким мальчиком.

— Мы с дедом ровесники, в соседних классах учились, он в нашем доме жил. Дед и мальчиком красивый был, засмотреться можно — темноволосый, а глаза синие, сам худенький, высокий. Чудной был паренек, всё книжки читал и глядел так, словно не на тебя смотрит, а прямо в душу заглядывает. Он меня до войны и не замечал даже, — вздохнула бабушка Дуня.

— Замечал, как не замечал, — хмыкнул дед. — Ты боевая была, смелая, такую нельзя не заметить.

— Ну, может и так, — бабушка задумалась, лицо ее посуровело. — Тяжкое было время, — продолжила она свой рассказ, — люди начали умирать к концу осени. Смерть пришла в наш город: кого дома прихватит, кого на улице, а кого и в очереди за хлебом... Присел человек отдохнуть, глядишь, а его уж и в живых нет. Обычное дело стало. Вот и дед Коля твой быстро ослабел, к началу зимы совсем слёг. А я ничего, бегала, воду многим в нашем подъезде таскала с реки, хлеб по карточкам получала для неходячих, с санитарной дружиной обходила квартиры, дрова добывала. Удивлялись люди моей силе. А у меня тайна была, я о ней никому не рассказывала. В тот день, в самом начале голода, когда я прибирала на кухне после сумасшедшей соседки, меж половиц у самой стены нашла горошину, крупную сухую горошину. Это было чудо! Весь довоенный мир, сытый и счастливый, поздоровался со мной через ту горошину. Я решила, что она — волшебная.

— Чего только ребёнок не придумает себе! — вставил дед.

— Может, и так, — ответила бабушка. Да только и вправду с тех пор мне жить легче стало. Горошину я завернула в бумажку и всегда с собой носила, берегла. Бывало, идёшь с санями, полными воды, едва-едва ноги передвигаешь, думаешь: «Всё, сейчас упаду!» — достанешь горошину из кармашка, лизнёшь её, понюхаешь, и так кашей гороховой напахнет, такой сладостью наполнится всё тело, будто и вправду поела. Не раз мне горошина жизнь спасала.

Однажды пришла я к Коле домой, принесла дров, чтобы печку подтопить. Я к нему частенько забегала, читала вслух, он уж сам книжку в руках держать не мог. И в тот раз печь растопила, подошла к кровати, гляжу — отходит Коленька, умирает.

— А как же ты это поняла, баба Дуня? — воскликнула Юлька.

— Так ведь я к тому времени не раз видела, как смерть за человеком приходит, — ответила бабушка. — Серая тень надвигается на лицо, и глаза становятся как озёрки осенние, которые только-только мороз прихватил. Испугалась я, взметнулась, закричала, затормошила его: «Коля, Коля, не умирай!» — а он не слышит, уходит, забирает его смерть. Выхватила я тогда из кармана свою горошину и положила Николаше под язык. Сама горячими слезами заливаюсь: и парня жалко, и горошину свою жалко! Только смотрю, что отступила смерть от Коли: порозовели у него щёки, глаза смотрят на меня и узнают. Рассасывал Коля мою горошину, глядел на меня и плакал, и я плакала, а потом мы оба уснули. С того дня дед твой, Юлечка, на поправку пошёл. А вскоре нас вывезли из Ленинграда и привезли сюда, на берег Чусовой. Тут мы шестьдесят лет и прожили с дедом вместе... Видела бы ты, внучка, какие девки за ним бегали, не чета мне! А он ни на кого даже не взглянул, на мне женился, — Евдокия Матвеевна с гордостью посмотрела на мужа.

— Деда, а почему ты на бабушке женился, если она некрасивая была? — спросила Юля.

— Эх ты, Юлька, глупая ты ещё девица! — покачал головой Николай Дмитриевич. — Разве в красоте дело? Верным надо быть. В верности — вся сила!

АНГЕЛИНА БОРИСОВА

1 курс

Наставник: Никифорова Татьяна
Валентиновна,
преподаватель русского языка и литературы

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение Астраханской области
«Астраханское художественное училище
(техникум) им. П. А. Власова» г. Астрахани
Астраханская область

О ЧЁМ «МОЛЧАЛ» ДНЕВНИК

Блокнот. Старый, потёртый. С облезшей обложкой и жухлыми страницами. Где-то надорванными, где-то обгоревшими. Большая часть листов давно выпала, оставшиеся же держатся на ниточках когда-то крепкого переплёта.

Как и когда он появился в доме, никто не знает. У нас не принято об этом говорить. На мои вопросы отвечают, что это дела давно минувших дней и что уже нет и в помине того, кто принёс блокнот домой. В нём буквы, написанные детским почерком, смотрятся неряшливо и одиноко.

«...я проснулся от оглушающего воя сирены. Сказали бежать в подвал. Я не сразу понял, что сейчас ночь, только сидя тут, в подвале, я понял, что с собой ничего не взял, кроме папиного блокнота, с которым и заснул. Ноги замёрзли, лампа почти не греет. Мы сидим: я, мама и сестрёнка. Жмёмся друг к другу. От папы вестей нет уже больше месяца. Мама каждую ночь плачет и молится о нашем здоровье. Нас снова бомбят. В прошлый раз у нас выбило окна, осколки стекла попали сестрёнке в ногу. Было много крови. Мама порвала одно из своих платьев на тряпки. Жаль, что она уже в нём больше не встретит папу. Земля дрожит. Мама сказала не писать в полутьме. Мне страшно. Я не хочу, чтоб в нас прилетела бомба...»

«Мама пошла за хлебом. Нас с собой не взяла. Сестрёнка всё ещё болеет, она больше не может ходить, поэтому я за ней присматриваю. Всего пару лет назад она бы рассмеялась, если бы узнала, что смотрю за ней я, а не она за мной. Я давно не слышал её смеха. И своего тоже. И мамино. Иногда мне снится, как мы все гуляем по городу, как я качаюсь

на любимых качелях. Качелей больше нет. Их, как и соседний дом, разбомбило. Иногда, ночью, мне кажется, что кто-то в тишине тихо зовёт и просит о помощи. Тогда я жмусь к маме. Папа говорит, что настоящие мужчины к маме, как банный лист, не прилипают, но я не слушаю папу. Я люблю маму...»

«Сестрёнка умерла... ..казала, что уже ...вгуста. Скоро мой де... рожден...»

«От папы так ничего и не приходит, но я жду. Сестрёнку увезли куда-то, но мама так ничего и не сказала. Она стала молчаливой, чаще стала уходить из дома. Я за неё волнуюсь. Она делится своим хлебом со мной. Я не смею ей отказать. Хочу плакать, но слёзы не идут. Я скучаю по сестрёнке...»

«Мама работает. Я чувствую себя плохо. Становится холодней. Всё чаще я просто лежу, представляя, как бы мы жили, если бы не война. Я говорю с сестрёнкой, хоть рядом её нет, но она всегда со мною. Мама рассказывала про ангелов-хранителей. Сестрёнка — мой ангел. Она всегда меня оберегала. Жаль, что я её не сумел сберечь».

«...люблю читать папины старые записи в блокноте. Можно представить, что всё хорошо, что нет стрельбы вдали, не падают бомбы с неба, не кричат люди, на улицах не лежат тела... Я возвращаюсь из школы. Дома ждёт вкусный ужин. Мама и папа улыбаются, они о чём-то болтают, а мы играем с сестрёнкой наперегонки. Мы что-то уронили. Папа ругается, но совсем не долго, треплет нас по головам и что-то говорит, но я не слышу. Смех превращается в плач. За окнами слышится стрельба, на улице всё ещё лежат тела. Школы больше нет. Я забыл, как пахла мамина еда. Сестрёнка... Не помню, какой была на ощупь папина рука. Я плачу. Хочу домой. Хочу к маме, к папе, к сестрёнке... Как только мама придёт, обязательно её обниму за себя, сестрёнку и папу...»

«Сегодня мой день рождения. Мама принесла мне мишку. У него немного косые уши и разные лапы, но я счастлив. Я улыбаюсь. Когда я посмотрел на маму, она тоже улыбалась. Как давно я не видел её улыбку. Уставшую, слабую, но улыбку. С морщинками у носа. Мама изменилась. Она будто постарела раньше, чем должна была. Это неправильная мама. Мама яркая, со звонким смехом, тёплая, с улыбкой такой доброй. Я люблю свою маму, но это не моя мама. Я прижал медведя и обнял неправильную маму. Я почувствовал холод старой папиной шинели, но не маму. . .»

«...сил нет. Часто кружится голова. Я стал медленнее собираться во время сирены. Медведь, что подарила мне мама, стал папой. Мне кажется, я вижу сестрёнку. Она часто сидит рядом, но ничего не говорит...»

«Похоронка...»

«Мама рядом со мной почти всегда. Я вижу её слёзы. Мне грустно. Больше не могу писать. Скоро придёт мама и обнимет меня. Моя мама. Холодно. Тяжело. Мама, папа, сестрёнка, я...»

Не в первый раз я читаю этот блокнот. Не в первый раз я чувствую пустоту и отчаяние, бессилие и огонёк надежды, что потух. А ведь таких дневников сотни. Таких тетрадок, блокнотов, листов, в которых описаны ужасы войны, что пережили дети и взрослые. Не хочу знать, что такое война, не хочу, чтобы мои дети знали чувство голода, когда невозможно достать хлеба. Не хочу испытать эту горечь утрат, беспомощность, отчаяние, что охватывает при осознании происходящего, видеть детские слёзы и слёзы матерей, потерявших своих детей.

Нельзя забыть то, что происходило: ни этого мальчика, ни его сестрёнку, ни их маму и папу. Именно они помогают обрести нам сострадание и милосердие. Память о таких людях пробуждает в нашей душе любовь и желание мирного неба над головой.

АЛИСА ГРИН

1 курс

Наставник: Маркова Ольга Николаевна,
преподаватель русского языка и литературы

Федеральное государственное
автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»
(Институт среднего
профессионального образования)

г. Санкт-Петербург

Плитка шоколада

Фашисты вошли в село Раздольное в начале августа. Мишка рыбачил с самого утра, думая, что порадует мать и сестру, принеся к обеду ведро карасей. Вдруг он услышал гул и грохот. Взбежав на пригорок, он увидел столбы пыли, стройные и бесконечные ряды немецких солдат в тёмно-зелёной форме и десятки грузовиков. Остолбенеv от увиденного, он ещё какое-то время смотрел на шагающих немцев, а затем кинулся в село самой короткой дорогой, которую знал. На пути он встретил деда Евдокима — высокого и грозного старика с длинной седой бородой, опирающегося на палку. Поговаривали, что дед Евдоким убил быка ударом кулака, и сын у него был такой же — высокий, злой, здоровый и бородатый. Всех их Мишка старался обходить стороной. Даже внука их, Прошку, он тоже не любил и не дружил с ним. Время от времени Прошка задирает и поколачивает Мишку. И вот Мишка остановился перед дедом Евдокимом как вкопанный, часто дыша.

— Ну, чаво встал? — спросил дед Евдоким сквозь седые усы.

— Немцы... — пролепетал Мишка.

— А чаво оборону не держишь, как твой батька? — усмехаясь, спросил дед.

Мишка опустил голову.

— Ну, беги до нас! Да скажи, чтоб встречали как надо! — и вдарил по заду Мишке палкой.

Мишка ойкнул и побежал.

— Немцы! — закричал Мишка, забежав в дом к деду Евдокиму. Прошка сидел на веранде и пил молоко.

— Без сопливых знаем! — крикнул он. — Скоро я вельможей буду, а ты у меня в холопах, понял!

На веранду вышел сын деда Евдокима — дядька Фрол, с такой же густой бородой, он дал подзатыльник Прошке. — Жри молча!

И, обращаясь к Мишке, спросил:

— Батю мово не видал?

Мишка замахал рукой.

— Там! Около леса!

— Ну всё, дуй домой, да скажи мамке, чтоб не кабенилась и давала жрать, чего попросят, если надо, то пушай и порося колет, — он положил руку на голову Мишке. — Теперь ты в доме хозяин, Мишка. Придётся терпеть.

— Я? Так мне всего десять лет...

— Ничо, привыкнешь, — дядька Фрол потрепал по голове Мишку, как когда-то это делал отец.

Мишка не ожидал, что такой злой, ни с кем не разговаривающий дядька Фрол вот так вот вдруг заговорит с ним. Мальчик показал язык Прошке и побежал домой.

Немецкие машины проехали дальше, а солдаты остались и рассредоточились по домам. В доме у Мишки жило теперь пять фашистов. Немцы были не агрессивны, они целый день пили самогон, пели песни и спали. «Как будто и войны никакой нет», — думал Мишка, глядя на пьяно шатающихся немцев. Старшая сестра, Оксанка, с матерью три раза в день варила им еду, а Мишка убирался в свинарнике. По посёлку ходил дед Евдоким с двумя солдатами и составлял какие-то списки. На рукаве у деда была белая надпись «Староста». На третий день всем было велено собраться на базарной площади. Мишка стоял впереди всех и смотрел, задрав голову.

На торговые ряды зашли два немецких офицера и дед Евдоким. Один из них достал листок и начал говорить по-русски с сильным акцентом.

— Все рузски крестьни должны работать! Это рас! Они будут са это харащо кушать! Это два! Остальных будут вешать! Это три!

Офицер убрал листок и похлопал деда Евдокима по плечу, тот громко кашлянул и сказал басом:

— Теперь я скажу. Слушайте меня, и всё будет хорошо. Кто глупостей делать не будет — будет жив-здоров, а кто пойдёт против — того вон что ждёт, — и дед махнул рукой в сторону. Там стояла виселица с тремя петлями.

Было гробовое молчание.

— Ну, с Богом, православные! Дай Бог, пронесёт! — сказал дед Евдоким и перекрестился.

— Предатель! Палач! Предатель! — закричала одна женщина в толпе и кинулась на импровизированную трибуну с кулаками.

— Держите её! — только и успел крикнуть дед, как автоматная очередь прервала её бег.

— Дура! — только и сказал дед.

Жители стояли тихо, боясь пошевелиться. Дед Евдоким достал из кармана пиджака листы.

— Зчитаю фамилии, кого куда на работы. Петровская Глаша — пойдёшь стадо пасти. Макарова, Никитина — на ферму.

Дед продолжал читать фамилии, Мишка стоял и слушал, и наконец услышал фамилию своей матери.

— Емельянова — в медпункт, фельдшером, дочку санитаркой возьми.

Работа фельдшером была самой лучшей, как считал Мишка — всегда в тепле, светло и пахнет хлоркой. Он пробрался сквозь толпу к своей матери.

— Мам, а ты чего, фашистам градусники ставить будешь?

— Тише! — зашипела на него мать, сделав злое лицо.

После собрания она долго ждала, когда дед Евдоким останется один, чтобы подойти к нему. Наконец, все офицеры разошлись, и она быстро подошла и зашептала:

— Ты чего, старый хрыч, определил меня фашистов лечить? Сволочь! Да у меня муж на фронте, а я фашистам клизмы ставить? Кулачьё недобитое!

Мишка стоял недалеко и всё слышал. Дед только вздохнул глубоко и спокойно сказал:

— Я тебе, Маруся, всё прощаю, и «сволочь», и «кулачьё», за то, что ты внучка маво, Прошку, от скарлатины выходила. Вот ты дура-баба! Когда ещё старая власть вернётся... — он вздохнул. — Если вернётся... А пока будешь делать, что я велю! Так сама выживешь и детишки тоже.

Дед Евдоким ещё что-то заворчал, развернулся и быстро пошёл. Мать прижала Мишку к себе и глубоко вздохнула.

Жизнь шла своим чередом: Мишку заставили мыть мотоциклы, которые постоянно то приезжали, то уезжали от школы, где теперь располагался немецкий штаб. Никто не обращал на него внимания. Мать постоянно была в фельдшерском пункте, где и работала до войны по специальности — фельдшером. Она мыла полы, окна, протирала пыль. В медпункте никого не было, кроме матери и пожилого немецкого врача, который целыми днями курил и читал немецкие книги. Мать даже приносила домой немецкую тушёнку, и они варили её с картошкой и капустой. Мишка в тот день просто объелся.

Помыв очередной мотоцикл, Мишка решил проведать мать. Дорога к фельдшерскому пункту шла мимо дома деда Евдокима.

— Мишка! — услышал он голос Прошки. — Поди-ка сюды! Смотри чё покажу!

Мишка остановился и увидел, как Прошка стоит на ступеньках дома и вертит в руках что-то блестящее. Любопытство было сильнее страха, и Мишка медленно подошёл.

— Ну, чё там у тебя? — спросил Мишка как можно равнодушнее.

— Вот чё! — Прошка сунул под нос Мишке плитку немецкого шоколада наполовину в блестящей обёртке. — Шоколад! Хочешь?

Мишка помолчал, сжал губы и кивнул головой

— Да... хочу...

— А вот поцелуй мне руку, как вельможе, тогда и дам! — и Прошка вытянул перед Мишкой согнутую ладонь и откусил кусочек от шоколадной плитки.

Мишка густо покраснел, подошёл поближе, часто заморгал и, неожиданно для себя, ударил Прошку по носу. Прошка от неожиданности открыл перемазанный шоколадам рот, завыл и убежал в дом. Мишка дал дёру к матери в фельдшерский пункт. Ну всё, теперь точно повесят! — думал он. — И меня, и мамку, и Оксанку!

Мать сидела на пороге и пила чай.

— Миша? — удивилась она. — Что-то случилось?

— Не... — сказал он запыхавшись. — Проведать пришёл... А ты чего домой не приходишь?

— Не отпускают второй день. Ну-ка, на вот, — и она подала ему стакан.

Мишка прильнул к стакану с чаем, и у него глаза на лоб полезли — сладкий!

— Ух ты! А можно ещё?

— Пей весь, — сказала мать, и Мишка залпом выпил стакан горячего сладкого чая.

Послышались шаги, и на крыльцо вышел немецкий врач, он был в белом халате поверх зелёной формы. Мать сразу встала и прижала Мишку к себе. Он закурил и что-то спросил у матери на немецком, та кивнула и сказала по слогам на непонятном для Мишки языке. Врач закивал головой, нагнулся и посмотрел Мишке в глаза.

— Гут, гут, — сказал он и ушёл в медпункт. Когда он вернулся, то в руке у него была плитка шоколада со свастикой.

Он протянул её Мишке.

— Бери, — прошептала мать и что-то проговорила немецкому врачу, на что тот покивал головой и опять ушёл внутрь.

— Мам, хочешь половину? — спросил Мишка, прижимая плитку шоколада

— Это твоё. Никому не показывай, Миша, — и она засунула её за рубашку. — Давай домой, у меня работа.

Немцев дома не было. Мишка залез на печку, аккуратно развернул обёртку и откусил кусочек. М-м-м... Какая же это была вкуснятина! И горький, и сладкий одновременно! Он откусил ещё кусочек и решил, что на сегодня всё. Будет есть раз в день по половине дольки.

Рано утром начался шум двигателей, грохот машин, громкие команды и топот немецких солдат. Оксанка с Мишкой, спавшие на печке, смотрели, как немцы быстро собираются, ругаются и бегут строиться во двор, а затем строем выдвигаются к штабу, где их ждут грузовики. К обеду всё стихло, последний грузовик с солдатами уехал. Пришла мать, она устало села, глядя, какой беспорядок в доме оставили после себя немцы.

— Всего на три часа отпустили, — сказала она, задремав. Оксанка тут же слезла с печки и начала готовить завтрак.

Два дня в селе было спокойно и тихо, как будто и войны никакой нет. Мать приходила домой часа на три-четыре, спала и вновь уходила. И вот

на третий день в Раздольное приехало четыре грузовика, полных ранеными немцами. Фельдшерский пункт был заполнен тут же. С лёгкими ранениями начали размещать по домам. К Мишке в дом заселили двух немцев — пухлого с перебинтованной рукой и высокого худого с перевязанной головой. Худой много ругался, злился и грозил всем кулаком. Наконец, к вечеру, он успокоился и уснул. Мишка был дома один и сидел в чулане, наблюдая за двумя немцами. На печке он сидеть не рискнул, потому как ему показалось, что эти немцы были «с фронта», и от того очень злые. Дед Евдоким, увидев, сколько привезли ещё раненых немцев и, соображая, в какие дома их ещё разместить, улыбаясь, говорил в седые усы:

— Видать, наши подожгли под хвостом у фашиста... — но, сделав грозное лицо, заходил в дома и отдавал распоряжение о заселении раненых немцев.

На второй день подселили ещё троих раненых немцев, Оксанку из фельдшерского пункта немецкий врач отправил по домам производить перевязку лёгких ранений и стирать бинты, мать дома не появлялась уже четыре дня. Оксанка пришла домой с большой сумкой, в которой был перевязочный материал, почти за полночь. Немецкие солдаты были пьяны, некоторые уже спали. Она начала бинтовать пухлому немцу руку, тот только пьяно улыбался. При свете керосиновой лампы Мишка видел из чулана, как Оксанка с каменным лицом закончила и подошла к солдату с перевязанной головой. Он посмотрел на неё исподлобья и выпил ещё стакан. Оксанка начала аккуратно снимать повязку с головы, как немец схватил её за руку и что есть силы толкнул в сторону печки. Раздался глухой стук и хрип. Двое солдат, толстый и худой, начали отчаянно ругаться. Худой даже схватился за автомат, но тут раздался голос тех, кто уже спал, и эти двое замолчали. Худой налил себе ещё стакан самогона, выпил и завалился спать.

Мишка лежал и боялся представить, что случилось. Он не шевелился, пока фитиль в лампе не начал тускнеть. Мишка осторожно вылез из чулана — Оксанка лежала около печки с темной лужей возле головы, немцы храпели в одном исподнем, бросив оружие на лавке. Мишка не мог понять, какие чувства он испытывает, но это были какие-то новые, ранее не изведанные эмоции, как те, когда он ударил Прошку в нос. Мишка подошел к лавке и попытался поднять автомат — нет, не получается. Тут он увидел, что под лавкой в ряд стоят гранаты с длинной ручкой. Он взял четыре штуки и сел на табуретку возле сестры. «Мамка ругаться и плакать будет», — подумал он...

Мишка потянул сразу за две чеки. Стоп! Он засунул руку за пазуху и достал шоколад — сейчас можно и побольше откусить, решил он. Набив полный рот — м-м-м... незабываемый вкус, — он дернул две чеки у двух гранат и кинул в сторону спящих немцев. Затем так же дернул ещё две чеки и катнул гранаты в сторону немца с забинтованной головой.

«Эх, мамка ругаться будет! И плакать! Но шоколад вкусный!»

ДАРЬЯ ФИЛИПОВА

2 курс

Наставник: Шалунова Людмила Анатольевна,
преподаватель русского языка и литературы

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение «Профессиональное
училище № 13 имени дважды Героя
Социалистического Труда В. И. Штепо»

Волгоградская область

Непокорённые

Всех, за Отчизну жизнь отдавших,
Всех, не вернувшихся домой,
Всех, воевавших и страдавших,
Минутой обниму одной.
Пусть всё замрёт в минуту эту,
Пусть даже время промолчит.
Мы помним Вас, отцы и дети,
Россия, Родина Вас чтит!

Роберт Рождественский

Минута молчания... Это то немногое, чем мы можем почтить память не вернувшихся с Великой Отечественной войны... Долг наш перед ними неоплачен. Говорят, если за каждого погибшего в той войне объявить Минуту молчания, мир замолчал бы на пятьдесят лет... Как же нам, живущим, отплатить всем тем, кто защитил страну, её будущее, нашу с вами жизнь в те страшные годы? Где найти слова, чтобы сказать, что мы Их помним, что мы Им бесконечно благодарны, что мы ими гордимся?..

9 мая 2023 года Россия снова скорбно замрёт в Минуте молчания... Нашей Победе уже семьдесят восемь лет! Это жизнь нескольких поколений, но каких бы высот она ни достигла, этот День никогда не перестанет быть Великим. Ведь наша Победа ознаменовала торжество жизни над смертью, разума над безумием войны, гуманности над варварством, стала мерилем преданности Отечеству, народу...

Как рассказать, что такое война? Как передать ощущение, когда на тебя обрушиваются снаряды, бомбы, страх? Где найти самого себя, раздавленного всенародной бедой? Бедой, которая не щадила ни взрослых, ни детей. И всё же

в этой военной кутерьме старались в первую очередь спасти детей... как самое дорогое, как самое уязвимое... Как будущее страны, поднявшейся на праведный бой. Но, несмотря на заботу, в войну дети выросли раньше, чем в мирное время. В их маленьких душах жила большая боль и большая ответственность за себя, за всех, кто вчера ещё жил очень счастливо рядом с отцом и матерью, весело играл с друзьями на улице, любил, радовался, строил планы, мечтал... А сегодня... у многих погибли отцы, от голода умерли самые близкие люди... Разве это можно понять, объяснить, простить? Разве с этим можно смириться? И не прощали, и не мирились, а боролись изо всех своих детских сил, которые во сто крат увеличивались совсем не детской ненавистью к врагу.

... Я живу в удивительном месте. Моя малая родина — небольшой уютный городок Калач-на-Дону, находящийся на юге Волгоградской области. Настоящего без прошлого не бывает. Эту простую истину вот уже восемьдесят лет своей жизнью и подтверждает мой маленький, но такой великий город. В нём зримо переплелись героическое прошлое, овеянное ратными подвигами, и настоящее, продолжившее славу родной земли не менее великими трудовыми победами. От того, как мы живём, как помним о подвиге наших солдат, зависит и наше будущее. Я горжусь, что я — частичка славной истории калачёвской земли.

*Где степь снарядами вспахана,
Где мир солдат добывал,
Где пушки надрывно, простуженно ахали
И землю кромсал металл,
Где столько солдат наш вынес,
Где слышались стоны и плач,
Там снова родился, там заново вырос
Наш город-солдат Калач.*

По праву моему городу в 2010 году присвоено звание Города воинской славы. Огромной всеобщей бедой ворвалась в Калач война. Вдвойне было больно за безжалостно разрушенную, такую налаженную жизнь. Жизнь, которая вся была устремлена в счастливое, светлое будущее. Но особенно страшным символом этой беды стал 1942 год... Год, когда гитлеровцы пытались прорваться к Сталинграду и захватить его. Тогда на борьбу с ненавистным врагом наравне со взрослыми поднялись и дети. Наша калачёвская земля помнит их всех до единого, до сих пор оплакивает она их жестоко оборванные войной жизни...

Далеко за пределами нашего города известны имена и судьбы юных героев-калачёвцев: Ивана Цыганкова, Петра Кошелева, Михаила Шестеренко, Егора Покровского. Им было по шестнадцать–семнадцать лет. Все они родились и выросли в Калаче. Жили по соседству друг с другом. Играли в одни игры, ходили в одну школу, одинаково любили рыбалку на Дону... Егор Покровский был детдомовцем. Его приютила восьмидесятилетняя женщина — Белоглазова Евдокия Ильинична. Но сиротства своего он не чувствовал: Евдокия Ильинична, несмотря на возраст, стала мальчику настоящей матерью. Когда началась война, подростки стали работать в плавмастерских, им даже доверяли ремонт малень-

ких судов, которые бороздили донские воды. Но больше всего мальчишек привлекала работа по восстановлению военной техники, доставленной с недалёкой передовой. Мальчишки почти не разлучались. Они стали настоящей командой. До войны друзья часто отправлялись в походы по донским просторам, по прилегающим к реке низинам и горам. Они знали каждый кустик, каждую балку, каждую тропинку в степи, каждую отмель на родном Дону... Разве подозревали они, что скоро все эти знания им так пригодятся? ...И не понарошку, а всерьёз?!

...У меня в руках недавно прочитанная книга И. С. Гуммера «Это было в Калаче». Из этой документальной повести я и узнала о боевых делах маленького партизанского отряда, который насчитывал всего четыре человека... Его организовали Иван Цыганков, Пётр Кошелев, Михаил Шестеренко и Егор Покровский — мальчишки, друзья, которые не могли простить фашистам поруганной чести родной земли, своего короткого детства, так и не начавшейся юности, несбывшихся надежд... С молчаливого согласия всех возглавил отряд Иван Цыганков. До сих пор в Калаче его редко называют полным именем — привычнее по-домашнему, ласково — Ваня. Эти мальчишки были моими ровесниками, ровесниками моих однокурсников... Я часто думаю, а могли бы мы, как Ваня Цыганков и его друзья, встать на защиту Отечества? В памяти, как на киноплёнке, проходят эпизоды яркой, героической жизни каждого из этих парней.

...Июнь 1942 года. Идут тяжёлые бои в большой излучине Дона. Ваня Цыганков смог связаться с красноармейцами и предложить помощь отряда в борьбе с фашистами. Мальчишки-партизаны неоднократно по заданию военного командования занимались разведкой в тылу врага на правом берегу Дона. Пригодились знания родных мест! Ребята без особого труда проходили сквозь немецкие посты. Несколько раз приходилось переплывать Дон, чтобы узнать, есть ли в районе той или иной балки, соседнего хутора немецкие танки, сколько их и какую технику подтягивает враг к этому участку. Командование очень ценило донесения ребят-партизан, потому что их сведения действительно были очень важны.

...Один из дней августа 1942 года. Бой в окрестностях Калача. Крохотный отряд юных партизан собирал на поле боя и подносил оружие бойцам... Пробираясь приходилось ползком. Над головой свистели пули... Они с лёгким треском врезались в стволы деревьев, секли ветки кустарников, а иногда впились в траву перед самым носом так, что хотелось зарыться в землю. Но недаром команду Вани Цыганкова называли отчаянной. Конечно, им было очень страшно, но они ползли, зная, что бойцам нужны патроны, оружие... Найдя винтовки, мальчишки замерли в засаде... Вот он враг! Совсем рядом! Ненавидный, проклятый и... очень страшный!.. Загремели выстрелы — фашисты рухнули на землю, как подкошенные. «Больше не будут топтать и поганить нашу землю! «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!» — думали ребята. Их юные души были полны ненависти к врагам, злым, беспощадным, вероломным.

...Сентябрь 1942 года. Наши войска терпели поражение за поражением, отступали под натиском превосходящего противника. В Калач вошли немцы.

Началась оккупация. Большое горе захлестнуло каждого, кто здесь жил. Фашисты наводили свои порядки: в школах устроили казармы, сожгли районную библиотеку — много бед наделали «новые хозяева». А самое страшное, что на прилегающей территории они устроили шесть концлагерей. Самый крупный был в Калаче. Площадь возле бывшего клуба обнесли колючей проволокой и высокой изгородью. В этом лагере содержались военнопленные и мирные граждане. Их было около трёх тысяч. Особенно жестоко фашисты обращались с пленными красноармейцами и командирами. С них сняли обмундирование и обувь. Полуголые, голодные люди находились под открытым небом с сентября по ноябрь. Только 23 ноября Калач был освобождён нашей армией. Эта дата для всех калачёвцев стала самой памятной, самой священной во всей истории нашего города. С тех пор мы отмечаем два Дня Победы!

...Немецкие изверги издевались над пленными, били до полусмерти, заставляли работать по тринадцать-четырнадцать часов в сутки на рубке и перевозке леса, земли, песка, камней... Кормили пленных отходами ржаного хлеба. В день полагалось на человека всего двести граммов этих отходов. В лагере была чудовищная смертность. От голода, от болезней, от истязаний... Мёртвых вывозили из лагеря на подводах и машинах за окраину, где их сваливали в овраг, предавая земле... Это было ни с чем не сравнимо по своему цинизму, по безмерной жестокости. Совсем ослабевших, но ещё живых, увозили на машинах за Дон, в балку, где и расстреливали. Их жизни фашистов не волновали: эти люди уже ничем не могли быть полезными гитлеровцам. Всего за время оккупации умерло и было расстреляно около полутора тысяч человек.

Ещё накануне оккупации населению Калача было предложено эвакуироваться. Но юные партизаны даже не подумали воспользоваться этой возможностью. Ваня Цыганков чётко распределял обязанности в отряде, возглавлял все операции. Ребята не давали гитлеровцам покоя, но никому не рассказывали о своих делах. А так хотелось! Не похвастаться! Нет! Успокоить своих земляков хотелось парням, вселить в них уверенность, что скоро фашистов прогонят... На заборах, на стенах домов стали появляться листовки, в которых говорилось об обязательной нашей Победе. А ещё в тех листовках были призывы: никогда, ни при каких обстоятельствах не покоряться врагу. Так были воспитаны эти мальчишки. Патриоты. Защитники. Гордые юные русские люди. Герои! Их воспитывали родители, школа, жизнь — Отчизна...

...То там, то тут взрывались вражеские машины, базы. Немцы были в ужасе! Рядом партизаны! Фашисты их панически боялись!

Гитлеровцы никого к концлагерям не подпускали близко, поэтому калачёвцы почти ничего не знали об этих лагерях, кроме того, что пленных там содержат в тяжелейших условиях. Но юным партизанам всё же удалось связаться с несколькими пленными и устроить им побег...

...Фашисты выследили юных партизан, схватили их... Ребят долго пытали, мучили, избивали, но ни единого слова не проронили юные герои. Они остались непокорёнными! Перед великой, праведной ненавистью этих мальчишек враги

оказались бессильны со всей своей злобой, со всеми своими пытками... Через несколько дней после расправы над юными партизанами фашисты расстреляли Евдокию Ильиничну Белоглазову.

Иван Цыганков был награждён медалью «За Оборону Сталинграда». По-смертно...

...С тех пор прошло много лет. Война всё дальше уходит в прошлое. Залечены раны родной земли, давно восстановлены и заново отстроены города, сёла, деревни. Уже несколько поколений калачёвцев выросли в мирное время. Но сколько бы лет ни отделяло нас от военной години, мы знаем и помним тех, кто отдал жизни за нашу счастливую, мирную жизнь. Мы узнаём о них из книг, из рассказов ветеранов, из экскурсий в музеи... а ещё о Героях нам «рассказывают» обелиски, которые, как вечные стражи, берегут Святую Память по всей нашей России. Воинская слава Калача-на-Дону тоже увековечена в многочисленных памятниках и братских могилах... Весной сама донская земля по-матерински поминает своих сынов, вспыхнув лазоревым цветом степных тюльпанов. По воле природы в местах боёв, в местах гибели Героев битвы за Калач тюльпаны только красного цвета... Эту загадку нам разгадать не дано... Красные тюльпаны, как капли крови погибших на этой земле в годы Великой войны...

...В маленьком сквере, в центре Калача, стоит скромный обелиск, под которым похоронены юные защитники нашего города: Иван Цыганков, Пётр Кошелев, Михаил Шестеренко, Егор Покровский. Здесь всегда лежат живые цветы... сюда приходят люди, чтобы почтить память погибших героев... приходят не только в дни торжественных дат... И я рада... нет! Я горда, что у этой могилы, склонив головы, часто стоят мои ровесники... Красные гвоздики на обелиске, как Вечное пламя... оно жжёт наши сердца памятью... Мы должны быть достойны её, а значит должны быть готовы на самопожертвование во имя России, как это сделали ребята из отряда Вани Цыганкова... Как это делают сейчас наши солдаты, героически сражаясь с поднявшим голову фашизмом на земле Украины... Среди этих солдат очень много моих земляков, чем я тоже очень горжусь — значит и моё поколение может в бою доказать свою любовь и преданность России.

Погибая, каждый защитник Отечества думал о главном — о Завтрашнем дне... Уже семьдесят восемь лет мы живём в этом отвоёванном у войны Завтра. И каждый год, 9 мая, мы возвращаемся памятью во Вчера...

В День Победы бесконечна очередь народной скорби и к большим памятникам, монументам, братским могилам, и к скромным обелискам... Бесконечна людская река в Бессмертном полку... в этом потоке нет рангов... все равны в памяти перед Прошлым, в ответственности перед Будущим и Настоящим... И пусть Минута молчания — всего шестьдесят секунд мирного времени, оплаченные такой дорогой ценой, — вечным набатом звучит в наших сердцах, не давая ничего забыть...

МАРИЯ ГАРКУША

2 курс

Наставник: Фетисова Лариса Сергеевна,
преподаватель русского языка и литературы

Государственное бюджетное
профессиональное
образовательное учреждение
«Брянский техникум индустрии сервиса»

Брянская область

О чём могли бы рассказать старые липы?

Старинный поселок Локоть, живописные улицы которого раскинулись среди знаменитых лесов Брянщины, — моя малая родина. Мне дорого здесь всё: и знаменитые аллеи, посаженные ещё в XIX веке, и роскошный городской парк, часть имения Михаила Романова, и конный завод, известный не только в нашей стране, но и за её пределами. Я многое могла бы рассказать о том, что любят в нашем посёлке все его жители, чем гордятся. Но сейчас мне хочется говорить о той душевной боли, которую я испытываю, когда обращаюсь к истории своего края, связанной с периодом Великой Отечественной войны.

Об этом трагическом времени сейчас напоминают небольшой сквер, где установлена боевая пушка, памятник героям, погибшим за Родину, на базарной площади да скромный обелиск и невысокий холмик в виде пятиконечной звезды недалеко от конного завода, у старого кладбища под вековыми липами.

Именно эти липы стали немymi свидетелями событий Великой Отечественной войны, которые потрясли не только жителей небольшого поселка, но и всю страну. Так о чем же могли бы рассказать старые липы?

На территории оккупированных фашистами районов Брянской, Орловской и Курской областей летом 1942 года гитлеровцами был запущен «тестовый проект» по созданию самоуправленческой структуры для будущего рейхкомиссариата «Московия». Так появился Локотской округ, «полицайская республика», возглавил которую предатель, фашистский пособник Каминский. Воевать с партизанами у его «шайки» не получалось, поэтому продажные изменники, стараясь угодить своим хозяевам, вымещали злость на мирных и невинных жителях, поголовно уничтожая их, сжигая дома и целые деревни.

Для промежуточного содержания (между поимкой и уничтожением) советских патриотов конезавод превратили в тюрьму-концлагерь. За время

оккупации там были уничтожены тысячи людей (по некоторым данным до десяти тысяч). Расстрелы проводились вблизи Локотского кладбища, в четырёхстах метрах от тюрьмы. При каждом случае расстрела вырывали отдельные ямы, в которые потом закапывали убитых. Часто палачи так торопились это сделать, что из таких ям долго раздавались стоны ещё живых людей, и их слышали жители. Это место получило название «Котлован скорби». Все ямы находятся в нём в одной стороне, в другой — расположен холм в виде пятиконечной звезды.

Старые кладбищенские липы стали безмолвными свидетелями этого бесчеловечного преступления. Они видели, что почти всех этих патриотов расстреляла из пулемета «Максим» печально известная Тонька-пулемётчица, Антонина Макарова, женщина-палач, ставшая прообразом героини современного сериала «Палач».

Только презрения и ненависти достойны те, кто выбрал путь предателя и убийцы, тем более, если это — женщина. Выходя из окружения, Антонина Макарова попала в руки фашистских пособников и была доставлена в Локоть. Здесь ей предложили сотрудничество. За небольшую комнатку на конезаводе и денежное вознаграждение она согласилась выполнять «особые задания»: расстреливать арестованных мирных жителей, партизан и советских военнопленных. Перед первым расстрелом она напилась водки, чтобы не было так страшно, но уже перед вторым этого не потребовалось. Она хладнокровно делала своё преступное дело. Даже для фашистов неожиданностью стал размах развернувшегося здесь террора. «Смертников» направляли к Антонине группами по двадцать семь человек едва ли не каждый день. Иногда ей приходилось выполнять свою кровавую обязанность по нескольку раз в день. Среди казнённых были партизаны, члены их семей, а также мирные жители, которых расстреливали за малейшие провинности или просто для устрашения.

Макарова оказалась не только крайне жестокой, но и циничной: она снимала с убитых ею людей понравившуюся одежду, забирала у них ценные вещи. Вот её признание на суде: «Я расстреливала примерно в пятистах метрах от тюрьмы у какой-то ямы. Арестованных ставили лицом к яме... По команде начальства я становилась на колени и стреляла по людям до тех пор, пока замертво не падали все...» А вот это ещё одно показание, не менее шокирующее: «Если мне вещи у приговорённых нравятся, так я снимаю их потом с мёртвых, чего добру пропадать. Один раз учительницу расстреливала, так мне её кофточка понравилась, розовая, шёлковая, но уж больно вся в крови заляпана, побоялась, что не отстираю — пришлось её в могиле оставить, жалко». Я подробно привожу эти признания, потому что была потрясена, прочитав их. В какую бездну бездуховности, злодейства и цинизма опустилась Макарова, ставшая предателем Родины, пособницей фашистских палачей, а по сути, палачом своего народа!

Долго ждали старые липы наказания для преступницы. Оно пришло лишь в 1979 году. Её привезли к «Котловану смерти» для дачи показаний. Как

ни скрывалась от наказания Макарова-Гинзбург, замечая следы кровавых злодеяний и надеясь, что время стёрло их в памяти людей, возмездие настигло её. Для преступлений предателей-палачей нет срока давности. В августе 1979 года она была расстреляна, хотя женщин в Советском Союзе практически не казнили.

Молчат вековые деревья. Они могли бы рассказать, как здесь, у «Котлована смерти», в годы Великой Отечественной войны встали лицом к лицу мужество и трусость, верность Родине и предательство, служение идеалам добра, справедливости, человечности и ужасающее варварство. Победителями оказались те, кто навечно остался в сырой земле, защищая Родину, сохраняя её идеалы.

А раскидистые кроны старых лип шумят от малейшего дуновения ветра. Сквозь этот шум слышим мы, ныне живущие, безмолвное предостережение: «Не забывайте о погибших, замученных фашистами и их прислужниками! Берегите Родину!»

Вспомнить об этом трагическом месте в моём родном посёлке особенно важно сейчас, когда идёт специальная военная операция на Украине. Забывая о горе и лишениях, принесённых нашей стране нацистами и предателями, лжепатриоты осуждают нашу армию, да и страну в целом, оправдывают националистов, для которых Бандера и другие пособники фашистов, уничтожавшие мирных жителей, стали героями. Пусть знают, что предавших Родину ждёт правосудие и презрение народа. Каждому должно воздаться по делам его.

А возле трагического места под старыми липами сейчас возведена часовенка. Святое это место. Так решили потомки.

ПОБЕДИТЕЛИ
В НОМИНАЦИЯХ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

**За представленный опыт работы
с архивными материалами проекта
«Без срока давности»**

СОФИЯ МУХАМАТОВА

9 класс

Наставник: Асадуллина Дина Шамильевна,
учитель истории и обществознания

Муниципальное общеобразовательное
бюджетное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 1
с. Архангельское муниципального района
Архангельский район Республики
Башкортостан

Республика Башкортостан

Свет

Свет... Первое, что я увидел в своей жизни. Потом — тепло. Тепло рук. «Кто это?» — «Сынок, это я — мама». Мама — какое интересное слово. И снова тепло, ласково, уютно. Мама — хорошее слово! Свет маминых глаз, тепло её рук, думалось мне, всегда будут со мной.

Свет... Солнечный свет, дарующий жизнь всему на земле. Тянутся к свету цветы на лугу, греется в тёплых солнечных лучах птица на ветке дерева. Свет солнца отражается в маминых глазах. «Мама, что это?» — «Мир». Мир — какое короткое слово. Простирающееся повсюду тепло и благодать от солнечного света наполняет всё радостью и добром. Всё и всех. Так, мне казалось, будет всегда. Мир — прекрасное слово!

Свет... Свет очага в родном доме. Тепло, идущее от огня в печи. Деревянный стол, вкусный обед, сказки на ночь. За окном яблони в цвету. Чарующий запах. «Мама, что это?» — «Родина». Родина — красивое слово. На улице гулять ребятам, бегу с ними купаться. Домой возвращаюсь с отцом. Тёплая ладонь его лежит на моем плече. Родина — хорошее слово! Да! Так будет всегда, мне казалось.

Свет... Свет солнца?! Нет, не он. А, свет маминых глаз?! Нет, снова я ошибся. Ну, конечно, это свет родного дома! Нет... А что же тогда? Пойду спрошу у мамы.

Свет... Резкий, яркий, слепящий. Тепло обжигающее, уничтожающее всё вокруг. Шум от пролетающих самолётов, разрывы снарядов, зарево горящих

домов. «Мама, мама, что это?» — «Война!» Война — странное слово. И снова шум самолётов, взрывы снарядов, отблески пожарищ... И снова, и снова. «Мама, когда это всё закончится?» «Мама, мам?» Не отвечает. Стало холодно. Война — страшное слово. Да, точно. Страшное.

«...Гитлеровцы, вторгшись сюда зачумлённой ордой, сожгли все до одной постройки, увезли весь скот и превратили цветущие колхозы в руины и пепелища. Массовое истребление мирного населения особенно здесь показало весь звериный облик гитлеровских головорезов.

...В период временной оккупации дер. Себяхи Елагинского сельского совета, так называемый «Иловский ров» был превращён немцами в кладбище, куда они сбрасывали трупы расстрелянных, убитых и замученных. «Иловский ров» представлял из себя противотанковый ров длиной 467 мтр, шириной 2 мтр и глубиной 2 мтр. Весь ров немцы заполнили трупами расстрелянных и замученных советских граждан.

За период 1941–1943 годов немецкие каратели свезли сюда на автомашинах и расстреляли более 8000 человек из числа военнопленных и советских граждан; детей, стариков бросали в ров и закапывали живыми, а потом по этим могилам проходила немецкая грузовая машина по несколько раз...» (из Меморандума по агентурному делу «Шакалы» 1-го лагерного отделения УПВИ МВД БА ССР, Архив Управления ФСБ России по Республике Башкортостан).

Свет... Холодный, тусклый. Тепло всё менее приятное, отталкивающее. Оно будто липкое, как пот после тяжёлой болезни. Кто-то рядом. Нас много. Вдруг вижу знакомое лицо. Бегу навстречу. «Мама, мамочка!» — «Сынок, я нашла тебя! Я здесь!» Обнимаю её. Чувствую тепло маминых рук. Теперь всё будет хорошо. «Мама, что это?» — «Концлагерь». Концлагерь — незнакомое слово. Длинные бараки, грязь, постоянное чувство голода, высокие трубы и запах... Запах, от которого трудно дышать. И каждый день тех, кто рядом, куда-то уводят. Они не возвращаются. «Мама, где же ты?» В ответ тишина. Мне уже никогда не услышать её голос. Концлагерь — ужасное слово.

«На старом гарнизонном кладбище Саласпилс и близлежащих участках из концентрационного лагеря было погребено не менее 7000 трупов советских детей, могилы расположены в различных участках по взгорьям и на равнинах Саласпилского перелеска и занимают общую площадь 2500 кв. м. На расстоянии 150 метров от кладбища, по направлению дороги Рига — Огре имеется площадь сожжения трупов размерами 25x21 кв. м, глубина сожжённого слоя достигает одного метра, среди костей взрослых людей обнаружены во множестве кости детей 5–7–9-летнего возраста. В некоторых ямах-могилах детские трупы сброшены в беспорядке вместе со взрослыми трупами обоего пола...» (Акт судебно-медицинской экспертизы по результатам вскрытия могил и извлечению детских трупов на гарнизонном кладбище Саласпилс, Государственный архив Российской Федерации Ф. Р-7021. Оп. 93. Д. 52. Л. 20–23).

Свет... Казалось мне, что я уже никогда не увижу солнца. Тепло его лучей не разольётся по округе. Не согреет меня. И такие слова, как «мама», «Родина», «дом», «мир», уже никогда не прозвучат вновь. Холод. Пронизывает, охватывает меня всё сильнее. Кажется, что надежда оставляет меня.

«От простудных заболеваний погибали дети и оттого, что они почти голыми в зимнее время отправлялись в «карантин» — в неотапленные, холодные помещения. Факты этих издевательств установлены и должны рассматриваться как вполне организованные мероприятия со стороны немецких извергов, ставящих целью умерщвление Советских детей» (Акт судебно-медицинской экспертизы по результатам вскрытия могил и извлечения детских трупов на гарнизонном кладбище Саласпилс, Государственный архив Российской Федерации Ф. Р-7021. Оп. 93. Д. 52. Л. 20–23).

Свет... кажется. Нет, я вижу его даже через закрытые веки. Открыть глаза, чтобы убедиться. Получается не с первого раза. И не полностью. Но всё же я вижу его. Свет... не солнечный. Свет от красной звезды на пилотке солдата. Он смотрит на меня, и тепло его глаз обнимает меня, наполняет силой. Как же долго я его ждал. Да, именно этого русского солдата, которому пришлось пройти через столько испытаний, преодолеть столько трудностей, увидеть бесконечное горе. Но он дошел, он осветил светом Победы не только меня, но и свой дом, нашу Родину, весь мир. Люди, услышьте эти слова! Запомните время, когда в мире звучали совсем другие: война, концлагерь. Сделайте так, чтобы дети больше никогда не знали этого.

Свет... Свет Победы! Свет Памяти! Пусть не гаснет он никогда. Пусть горит он не только на обелисках, посвящённых памяти погибших в годы Великой Отечественной войны, на могиле Неизвестного солдата, на аллее городов-героев. Пусть этот свет согревает сердце каждого из нас. Пусть делает мир более добрым, справедливым, человечным. Пусть слова «мир», «Родина», «дом», «мама» будут слышны повсюду.

**За использование писем времён
Великой Отечественной войны 1941–1945 годов,
свидетельствующих о военных преступлениях нацистов
и их пособников против мирных советских граждан**

АНАСТАСИЯ АРБУЗОВА

8 класс

Наставник: Прядко Александра Георгиевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное автономное
образовательное учреждение
Гимназия № 1 имени А. С. Пушкина
города Южно-Сахалинска

Сахалинская область

Семейные реликвии: чтобы помнили

Это был прекрасный весенний день, один из тех майских дней, когда вся страна с гордостью и воодушевлением празднует День Победы. Именно в эти дни вся наша семья отправлялась на майские праздники к бабушке в деревню.

По правде говоря, мы, дети, не очень любили туда ездить: в деревне нам было скучно — там не ловил Интернет. Но мы любили бабушку и хотели его порадовать перед 9 Мая. Этот праздник был важен для него, потому что во время Великой Отечественной войны он был ребёнком и видел все ужасы своими глазами.

По дороге мама рассказывала нам истории, которые сама когда-то слышала в детстве. Больше всего мне запомнилась история, как бабушка помогал разносить письма старшей сестре, которая в годы войны была почтальоном.

«Одно дело, когда ты приносишь хорошие известия с фронта о том, что кто-то жив, здоров, идёт на поправку. Совсем другое — приносить похоронку. Сложно, зная о смерти человека, сообщать такую печальную весть близким», — рассказывала мама.

Когда мы приехали, бабушка встречал нас на крыльце. Он накормил нас ужином, и мы с сестрой, чтобы как-то себя занять, решили играть в прятки. Я решила спрятаться на чердаке: подумала, что там настолько грязно и неуютно, что никто не станет там меня искать. Но через несколько минут сестра всё же нашла меня. Пока я вылезала из засады, задела несколько коробок, и из них посыпались старые фотографии, заметки из газет, солдатская пи-

лотка и часы. Я с осторожностью взяла часы и поднесла их к уху в надежде услышать, как они идут. Но часы молчали...

Вдруг за спиной мы услышали:

— Так, так...

Это дедушка, услышав грохот, поднялся на чердак.

— А что это? — спросила я дедушку.

— Это реликвии, самые дорогие вещи для нашей семьи: они хранят память о войне, — объяснил нам дедушка. — Солдатская пилотка и часы — это всё, что осталось мне от отца, вашего прадедушки. Он участвовал в Курской и Сталинградской битвах и дошёл до Берлина.

Я знала, что Сталинградская и Курская битвы вошли в историю как самые значительные события Второй мировой и Великой Отечественной войн. Они ознаменовали коренной перелом в войне. В ходе Сталинградской битвы стратегическую инициативу перехватила Красная Армия, положив этим начало коренному перелому в войне. Курская битва ознаменовала собой конец коренного перелома в войне и начало наступления Советской Армии. Если в начале Сталинградской битвы Красная Армия вела борьбу под девизом «Ни шагу назад!», то после Курской битвы её девизом стали слова «Вперёд, на Запад!». Эти две битвы были решающими в победе над фашизмом.

До этого момента для меня это были лишь страницы школьного учебника, а сейчас я поняла, что мой прадедушка, моя семья — это и есть история. Я посмотрела на дедушку. При упоминании об отце лицо старика преобразилось: куда-то исчезли морщинки, глаза засияли особым светом. И тогда я поняла, как же мой дедушка гордится своим отцом!

Мы с сестрой подсели поближе.

— Дедушка, а у тебя сохранились письма? — спросила моя сестра.

— Конечно, они лежат внизу, — ответил дедушка и повел нас за собой.

Оказавшись в гостиной, мы стали наблюдать, как из шкапулки, которая стояла на комод, дедушка достал одно за другим пять писем. Это были пожелтевшие страницы, такие долгожданные когда-то, хранящие память о тех днях — настоящие семейные реликвии. В них всё: короткие истории о войне, стихи, пожелтевшие фотографии, вырезки из боевых листков и газет, слова любви к своим близким и мечты о послевоенном счастье.

Вот и сейчас мы смотрели на эти пять листков, сложенных треугольником, и понимали, что перед нами уникальные истории, облачённые в чернила.

— Дедушка, нам мама рассказала, что ты помогал сестре разносить письма.

— Да, ребята. Поверьте, это была сложная работа. Почтальонов всегда очень ждали, хоть и боялись дурных вестей. Мне тоже приходилось их приносить. Когда я вручал похоронки близким погибших, я видел горе, боль в их глазах. Это было самое тяжёлое.

Дедушка протянул мне первое письмо, написанное нашим прадедушкой нашей прабабушке в далёком 1942 году...

14 сентября 1942 г.

Дорогая Наташа, шлю тебе горячий привет с фронта. Милая, прости, что я тебе так долго не писал. Письма твои всегда получал, за что тебе, моя дорогая, большое спасибо. После твоего письма я становлюсь ещё злее и хочется бить эту гадину ещё сильнее. Спасибо, любимая, за такие письма. Я очень доволен, даже не знаю, как передать тебе мою радость, хотя бы через письма, но ты и наши дети всегда рядом со мной. Свободного времени мало. Многому приходится учиться на ходу. Но я не унываю. Кто бы мог подумать, что я смогу управлять танком. А ещё меня научили готовить очень вкусную гречневую кашу. Когда я вернусь домой с победой, обязательно приготовлю её тебе и нашим детям. Ещё я хочу тебе немного рассказать о моих сослуживцах. Ребята во взводе хорошие, мы все стали большой семьей. Не беспокойтесь за меня. Верьте в лучшее. Всё будет хорошо. Победа будет за нами!

Твой муж Иван

— А это письмо из госпиталя.

Дедушка протянул мне листок, на котором стояла пометка Красный Крест.

— Ваш прадедушка Иван Ильич был ранен под Курском, — объяснил он. Я развернула письмо и начала читать...

28 декабря 1942 г.

Дорогие мои Наташа, Витя и Галя. У меня всё хорошо. Сейчас лежу в госпитале. Получил ранение в ногу, пока помогал товарищу вытаскивать из ямы его брата. И в этот момент из засады фриц выстрелил мне в ногу. Провели операцию, вытащили осколок. Рана начинает заживать. Уже потихоньку начинаю ходить. Врачи ухаживают за каждым и уделяют каждому время. Сказали, что мне очень повезло. Ранение несерьёзное. Надеюсь, что скоро мне разрешат вернуться на фронт, и я продолжу бить фрицев. Всё будет хорошо. Постараюсь писать почаще. Я вас очень люблю и скучаю. Мы победим!

Ваш папа Ваня

Я тогда подумала, что же на самом деле чувствовал Иван Ильич, когда писал это письмо. Что, если он был при смерти, но близких расстраивать не хотел?

Я взяла в руки третье письмо и заметила, что первые строчки в нём почти стёрлись. Я смогла прочесть только часть письма, в которой прадедушка писал своей дочурке.

30 июля 1944 г.

Любимая дочурка, Галочка!

Жди меня, и я вернусь.

Позабудь, Галчонок, грусть.

И запомни наизусть — фрицев всех мы победим.

Я приеду, и мы счастливо заживём жизнью довоенной. Девочка моя, я по тебе так скучаю. Помнишь, ты хотела съездить в Москву на Красную площадь? Я обещаю тебе, мы обязательно исполним твою мечту, но сначала я должен победить немцев и защитить тебя, маму и твоего братика. Главное, пиши мне почаще и верь в нашу победу. Твои письма греют мою душу! Доченька, я тебя очень люблю, крепко целую и обнимаю.

Ваш папа Ваня

— Это последнее... — дедушка протянул мне тоненький листок, примятый от бесчисленного прочтения. Было заметно, что читали его чаще других.

9 мая 1945 г.

Любимая моя семья, мы победили! Мы дошли до Берлина и разгромили этих проклятых немцев. Все эти годы я больше всего хотел увидеть вас и крепко обнять. Я чувствовал вашу любовь и поддержку, именно она спасала меня на поле боя. Нам пообещали, что через месяц мы будем уже дома. Очень соскучился, постараюсь приехать как можно быстрее. Это были самые страшные четыре года в нашей жизни. Но мы выстояли и защитили нашу любимую Родину. Крепко целую и обнимаю.

Ваш папа Ваня

— Дедушка, но мама рассказывала, что Иван Ильич погиб, а здесь он живой и даже собирается домой...

— Он погиб через несколько дней после Победы...

Я посмотрела на сестру — она плакала... Дедушка гладил её по голове и тихо приговаривал: «Это уже история...»

Тогда-то я подумала, как важно хранить семейные реликвии — эту память о Великой Отечественной войне — передавать их из поколения в поколение.

Я надеюсь, что вся наша страна всегда будет помнить героев, которые защищали нашу Родину и наши жизни, чтобы сейчас мы жили спокойно и не знали, что такое война. Если мы начнём забывать их подвиг, можно считать, что всё это было зря.

Я горжусь своими предками и буду хранить память о них всегда!

**За использование писем времён
Великой Отечественной войны 1941–1945 годов,
свидетельствующих о военных преступлениях нацистов
и их пособников против мирных советских граждан**

ВИКТОРИЯ СОЛОМЕНИКОВА

5 класс

Наставник: Буш Евгения Васильевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Большереченская средняя
общеобразовательная школа»

Омская область

Один день из жизни Кати Сусаниной

Ученическая жизнь школьников шла по намеченному плану, и до начала фестиваля проектов оставалось всего две недели. А Манечка всё ещё не могла определиться с темой выступления.

О славном боевом пути своего прапрадеда во время Великой Отечественной войны она уже рассказывала. Это её личная гордость! В этот раз она хотела затронуть сердце каждого, чтобы все узнали что-то новое и важное: то, что никого не оставит равнодушным; то, что заставит сердце болеть, а душу плакать... болеть и плакать ради очищения, ради памяти и ради будущего.

Манечка вспомнила, как однажды Елена Сергеевна, учительница литературы, рассказывала о страшном дневнике Тани Савичевой, погибшей девочке блокадного Ленинграда. Вспомнила и поняла... Она будет рассказывать о самых страшных преступлениях — преступлениях против беззащитных детей.

Список таких преступлений оказался огромным. С очередной фотографией, с очередным архивным документом, которые уже доступны для изучения каждому, Манечка видела ужас, страдания и боль. Боль маленьких детей: истощённая и замёрзающая Таня Савичева, мемориал Лидице, где были уничтожены восемьдесят два ребёнка, памятник во Владимире, где на гранитной карте страны отпечатаны детские ладошки в память об истерзанных детях, — и ещё много-много свидетельств, памятников, обелисков и мемориалов в самых разных городах и странах.

Архивные документы не говорили, а кричали об ужасных преступлениях нацистов в концлагерях: медицинских опытах, голоде, холоде, изнурительном

непосильном труде, избивении ради веселья, травле овчарками, газовых камерах, огромных печах... Это больно видеть, слышать, чувствовать, об этом больно думать и говорить.

Решение с выбором темы пришло сразу, когда Манечка прочла письмо замученной белорусской девочки Кати Сусаниной. Это письмо было найдено случайно при разборе печи в 1944 году в освобождённом от фашистов Витебске.

Каждая строчка давалась тяжело. Манечка читала и плакала, её голос дрожал, а всё прочитанное становилось явью...

Она закрыла лицо руками. Кругом тишина, и вдруг всё завертелось... Манечка оказалась там, во дворе дома немецкого барона... Манечка увидела худенькую и избитую Катю...

Пошатываясь от бессилия и боли, маленькая девочка шла через двор с огромным тяжёлым ведром к загону, где содержались свиньи. Вонючее пойло разносило на всю округу нестерпимый запах, вызывающий тошноту и головокружение. Катя шла и украдкой вытаскивала из ведра картофельные очистки, чтобы быстро съесть, пока никто не видит, потому что после ей придётся делить эту трапезу с «Розой» и «Кларой» — хозяйскими свиньями. Так приказал барон Шарлэн, который говорил, что «русс была и будет свинья»... Он говорил это каждый день, пытаясь раздавить унижением душу маленькой девочки.

Завидев Катю с ведром, свиньи оживились, зная, что их сейчас будут кормить. Первой к корыту прибежала большая и жадная свинья Клара. Запуганная и забитая девочка боязливо стояла рядом, но кушать хотелось... И Катя быстро схватила из корыта кусок картошки. В этот момент разъярённая свинья бросилась на защиту своего пойла, кусая Катю и пытаясь отогнать... При очередном броске Клара успела схватить девочку за руку, чуть не откусив палец. Потекла кровь. Зажавшись от боли, Катя бросилась в дровяной сарай, в котором ей отвели маленький закуток для житья... Она опять осталась голодной. Как это страшно...

Если бы сейчас родные могли видеть Катю, почувствовать её мучения, то их сердца бы разорвались в один момент от горя. Они даже бы не узнали её: грязное и рваное платьице, очень худенькая, почти скелетик, ввалившиеся глаза с чёрными кругами полны тоски, боли и страдания, ручки высохли и походили на грабли, а голова наголо выбрита. Ничего уже не напоминает о той весёлой и озорной девочке с длинными косами, которая была до войны.

Только сама Катя помнит свой последний день рождения с мамой и папой, своё тринадцатилетие: в доме было много гостей, все веселились, пели песни, вкусно ели, а папочка ей сказал, чтобы она росла большой и счастливой...

Счастье пропало в один миг, когда прозвучали первые немецкие выстрелы, когда довольный немец, вволю поиздевавшись над мамой, избив до полусмерти плёткой, не раздумывая застрелил её, а Катю погнали вместе со всеми

детьми в лагерь. Счастье закончилось тогда, когда там, в распределительном пункте, ей поставили на шею номер, тогда, когда немецкий барон решил забрать её к себе и сделать рабыней. Мир рухнул, но сердце Кати продолжало верить в то, что отмщение за их боль и унижения придёт и фашисты будут наказаны. Так говорила мама перед смертью, так думала и сама Катя. Она верила в победу и освобождение.

Катю били каждый день, били часто и жестоко. Всё её маленькое тело покрывали синяки и ссадины. Вчера она пыталась бежать, её поймали. За это её избивал лично сам барон: бил кулаками по голове, ногами в сапогах с железными накладками по спине, в живот, везде, куда попадёт, бил так, что она потеряла сознание. После издевательств Катю окатили из ведра ледяной водой и бросили в тёмный и холодный подвал. Теперь, когда Катя кашляла, из её рта шла кровь. Немецкий барон отбил ей лёгкие, поэтому всё болело и было тяжело дышать, ещё тяжелее было думать о том, что эти мучения никогда не закончатся. До самого вечера она лежала на сыром полу, а потом снова непосильная работа... Эта страшная жизнь продолжается уже два года.

А ведь сегодня у Кати день рождения — ей пятнадцать лет... Она многое вынесла и многое узнала, она готова умереть, чтобы больше не прислуживать и не терпеть унижения и побои. Самых слабых невольников увозят отсюда и убивают — об этом знают все. Но здесь никто из рабов не боится смерти, потому что смерть даёт освобождение от хозяина и от мучений, потому что здесь они никому не нужны, потому что каждый из них — это личная вещь барона, он может делать всё, что хочет со своей вещью: подарить, сломать, выбросить...

Вечером Катя узнала от горничной полячки Юзефы, что в ближайшее время господу уезжают в Германию с большой партией невольников и невольниц. Барон хочет забрать и Катю, ему нравится издеваться над маленькой девочкой. Но Катя уже решила... Она останется на родной сторонешке. Она не хочет быть втопанной в трижды проклятую всеми чужую землю. Она умрёт... умрёт сама! Только смерть спасёт её от жестокого битья.

Ночью в дровяном сарае, стоя на коленях, подняв заплаканное лицо вверх и крепко зажав в руках маленькое письмецо, Катя произносила свои последние слова... Это были слова проклятия фашистским мучителям и слова завещания об отмщении за боль и страдания своему папочке и всем красноармейцам...

Катя с отчаянием и ненавистью шептала: «Не хочу больше мучиться рабыней у проклятых и жестоких немцев, не давших мне жить! Покарай, папенька, немецких кровопийц. Это завещание твоей умирающей дочери. Завещаю, папа: отомсти за маму и за меня. Прощай, добрый папенька, ухожу умирать.

Твоя дочь Катя Сусанина...

Моё сердце верит: письмо дойдёт...»

На другой стороне письма карандашом Катя написала: «Дорогие дяденька или тётя, кто найдёт это спрятанное от немцев письмо, умоляю вас, опустите сразу в почтовый ящик. Мой труп будет уже висеть на верёвке».

Опять всё завертелось и закружилось у Манечки в голове, и она открыла глаза... Выбор был сделан. Именно письмо Кати Сусаниной станет «колоколом правды» — совестью всех, кто узнает об этой девочке, потому что зло должно быть наказано, потому что добро должно торжествовать, а совесть должна судить. И тогда ни одно преступление не останется без наказания!

Манечка вытерла слезы — впереди дело. Она обо всём расскажет, ничего не утаит, чтобы больше ни один гнусный человек на планете не смог поднять руку на ребёнка.

Утром в школе Манечка нашла Елену Сергеевну, подбежала к ней и тихо проговорила:

— Я выбрала тему! Я расскажу об одном дне из жизни Кати Сусаниной, потому что её прощальное письмо — это по-настоящему «живой свидетель» преступлений прошлого... Но почему так страшно? Почему?

Елена Сергеевна в ответ крепко обняла Манечку и прошептала:

— Не бойся! Важно знать, помнить и нести эту память в будущее: только так будут спасены человеческие сердца, только так мы сможем остановить зло. Готовься! Ты маленькая, но сильная и смелая девочка! Расскажи правду — открой сердца людей для доброты и сострадания, заставь память никогда не забывать об ужасах фашизма, а людей верить, что справедливость восторжествует и все преступники обязательно будут наказаны!

В этот момент сердце Манечки стало ещё сильнее, уверенность в истине и своём выборе ещё крепче, а в голове прозвучали слова: «Мы будем смелыми, как дети войны. Мы победим любое зло, потому что с нами правда!»

**За гражданскую активность
и поддержку мероприятий проекта
«Без срока давности»**

ИРИНА СЕЛЕЗНЁВА

2 курс

Наставник: Пальчикова Елена Васильевна,
заместитель директора

Тамбовское областное государственное
бюджетное профессиональное
образовательное учреждение
«Котовский индустриальный техникум»

Тамбовская область

Не забудем, не имеем права забыть...

Псковская, Смоленская, Новгородская, Брянская, Белгородская, Курская, Московская... — это печальная переключка советских областей, которые были оккупированы в годы Великой Отечественной войны фашистскими захватчиками.

Сегодня я вместе со своим наставником провожу экскурсию для студентов первого курса по экспонатам уникальной выставки «Без срока давности», которую предоставило нам Тамбовское региональное отделение общероссийской общественной организации «Поисковое движение России».

Сотни архивных документов, выписок, справок, фотоснимков, воспоминаний очевидцев, а за ними судьбы, судьбы замученных и искалеченных советских людей в фашистских застенках, заживо сожжённых ни в чём не повинных мирных людей.

Ещё совсем недавно беззаботные лица наших юных слушателей вдруг становятся грустными, а их взгляды — сосредоточенными.

Я обращаю внимание ребят на стенд, посвящённый одной из западных областей Советского Союза — древней псковской земле. Мои ровесники внимательно смотрят на уникальный документ — «Акт комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Псковской области. 23.06.1945 год» — это свидетельство страшных преступлений фашистов и их пособников над мирным населением, это ещё одно напоминание о варварской идеологии нацизма.

Наставник дополняет мой рассказ, показывая письменные воспоминания очевидцев тех лет, свидетельствующие об ужасах, которые пришлось пережить псковичам в годы немецко-фашистской оккупации. А я смотрю на моих друзей и уже не узнаю в них тех весёлых ребят, которые ещё недавно задорно смеялись возле учебной аудитории — юноши молчат, а девочки плачут...

Мы идём дальше, и перед нами стенд, посвященный Волгоградской области с её «сердцем» — городом Волгоградом, а в годы войны — Сталинградом.

Я рассказываю ребятам, как с лета 1942 года до начала 1943 года в Сталинграде шли ожесточённые бои, а на оккупированной территории области немцы жгли русские хаты, убивали женщин, детей и стариков.

— Посмотрите, — говорю я моим слушателям, — это фотография довоенного села Алексеевка Сталинградской области. В сентябре 1942 года немцы организовали здесь лагерь для военнопленных и мирных жителей, в котором замучили более пяти тысяч человек. Каждые сутки в лагере погибало от издевательств, холода и голода до шестидесяти человек!

Я продолжаю наш экскурс:

— Новгородская область. Вглядитесь в лица людей на этой фотографии... Этим молодым женщинам посчастливилось вырваться из страшных «лап» гитлеровцев и их пособников. В 1942 году на новгородской земле действовал немецкий карательный батальон, который массово убивал местных жителей, стирая с лица земли такие села, как Бычково, Починок... Более сорока больших и малых русских селений уничтожил этот батальон только в одной Новгородской области!

Мы идём дальше, и я продолжаю рассказывать о зверствах немецко-фашистских захватчиков на нашей многострадальной земле, говорю о тех преступлениях, которые и сегодня не имеют срока давности:

— Курская область была оккупирована немцами в ноябре 1941 года. Фашисты сразу объявили, что всё мужское население области — военнопленные. Более двадцати тысяч узников разместили в нескольких лагерях, а к зиме 1942 года их осталось в живых только десять тысяч. Самый жестокий лагерь смерти находился в Щигровском районе. Здесь за колючей проволокой морили голодом, избивали прикладами, поливали ледяной водой, убивали советских людей, а их тела сбрасывали в прорубь соседнего пруда. А весной, когда лёд таял, вода в пруду становилась красной от людской крови. Ужасы лагерей для выживших советских граждан закончились только в феврале 1943 года, когда 121-я и 132-я стрелковые дивизии 60-й армии генерала Черняховского освободили населённый пункт Щигры.

— Обратите внимание на стенд с названием «Луганская область». Луганская область, а в годы Великой Отечественной войны — Ворошиловградская область...

И здесь мой рассказ прерывает один из первокурсников:

— Луганская область — моя малая родина. Вот я вижу военную фотографию маленького шахтёрского городка Краснодон. С первых дней оккупации

молодежь Краснодона создала подпольную организацию «Молодая гвардия», которая боролась с захватчиками на родной земле. А это школьные снимки моих смелых земляков: Сергей Тюленин и Любовь Шевцова, Ульяна Громова и Олег Кошевой, Владимир Загоруйко и Юрий Полянский, Нина Старцева и Анна Сопова... их много, а за ними тысячи таких же непокорённых последователей! Наши ровесники не отступили, не сломились, не смирились с фашистским режимом! Они боролись с нацистами даже тогда, когда оказались в их застенках! После долгих пыток полуживых молодогвардейцев враги сбросили в шурф старой шахты, а сверху на них направили тяжёлые чугунные вагонетки. И ещё несколько дней краснодонцы слышали стоны непокорённых молодогвардейцев... Наши герои приняли мученическую смерть за мир без фашизма.

Молча стоят у экспозиции ребята, молчит мой наставник, молчу и я...

В тишине мы начинаем двигаться от стенда к стенду и рассматривать фотографии тех страшных для страны лет. Вот из-за колючей проволоки смотрят на нас глаза голодных советских детей... А вот женщина склонилась над телом замученной фашистами дочери... Неизвестная станция, железнодорожный состав, вагоны которых набиты советской молодежью для отправки на принудительные работы в Германию... Невозможно без боли смотреть на эти снимки! Мы вновь молчим, но в этот момент, я уверена, каждый из нас думает об одном и том же — не забудем, не имеем права забыть преступления фашистов на нашей земле!

Экскурс подходит к завершению, мой наставник констатирует:

— Преступления фашистов в годы Великой Отечественной войны не имеют срока давности и классифицируются как геноцид в отношении мирного населения Советского Союза. Наша выставка — это только небольшая часть просветительского проекта «Без срока давности», посвящённого сохранению исторической памяти о трагедии мирного населения — жертвах преступлений нацистов и их пособников на нашей земле.

Тихие и задумчивые уходят с выставки мои ровесники. И я понимаю, что им, чьи отцы и братья сегодня участвуют в специальной военной операции, не надо объяснять, что зверства фашистов двадцатого века практически ничем не отличаются от расправ неофашистов двадцать первого века. Ведь истинное лицо современного фашизма, с которым сегодня столкнулись наши защитники Отечества, представляет колоссальную угрозу не только для нашей страны, но и для всего мира.

За участие в деятельности поисковых отрядов

РЕНАТ САЛАХОВ

3 курс

Наставник: Лещенко Ирина Анатольевна,
преподаватель профессиональных модулей

Государственное автономное
профессиональное образовательное
учреждение
«Казанский энергетический колледж»
Республика Татарстан

Дневник поисковика

Наступила долгожданная весна 2022 года. На улице май. Я собираюсь в очередную поисковую экспедицию. С отрядом поисковиков сначала на поезде добираемся до Волгограда, потом на узиках едем знакомым маршрутом до посёлка Ерзовка. Начинается моя вторая по счёту вахта.

23 апреля

Прибываем к месту, где должны разбить лагерь, устанавливаем палатки, натягиваем тенты, оборудуем яму для разведения костра и ледник для хранения продуктов, устанавливаем столы для приёма пищи. Ребята в нашем отряде дружные. Как всегда работаем слаженно. В день прибытия обустраиваем лагерь.

24 апреля

Утром получаем наставления от командира отряда. Поисковикам всегда следует быть осторожными. На местах сражений острый наконечник щупа может наткнуться на неразорвавшуюся мину или снаряд и вызвать детонацию. Отряд разбивается на группы. В руках у нас щупы, металлоискатели, лопаты и карты с отмеченными местами боёв в полях вблизи посёлка Ерзовка. Сначала участки земли с помощью металлоискателей обследуют опытные поисковики. Как только металлоискатели в руках наших товарищей начинают звонить или при прокалывании земли щупы упираются во что-то с характерным приглушённым звуком, начинается наша работа: копаем в указанном старшими месте. Большинство товарищей в отряде — опытные поисковики, но волнение от предстоящей деятельности всё равно переполняет каждого из нас. Каждому хочется принести максимальную пользу.

27 апреля

Хожу по многострадальной волгоградской земле, а в голове всплывают фрагменты книг и воспоминаний участников войны, которые я прочитал, изучая хронологию Сталинградской битвы перед поездкой: «Великая Отечественная война была адом. Сталинград же был адом крошечным». В битве за Сталинград с советской и немецкой стороны участвовало около 2,1 миллиона человек. По масштабу боевых действий Сталинградская битва превзошла все предшествующие сражения, известные мировой истории. Ожесточённые бои длились с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 года. Советские солдаты сражались за каждую улицу в городе, за каждый дом, за каждый клочок земли. Военачальники вермахта не могли поверить, что за несколько часов можно отвоевать всего несколько метров. По окончании битвы немецкие войска были окружены и взяты в кольцо, 2 февраля 1943 года окружённые капитулировали вместе с фельдмаршалом Паулюсом. За границей победу советских войск окрестили «военным чудом», а для советского народа исход этого тяжелейшего сражения помог обрести веру в собственные силы и в приближение долгожданной Победы.

Сейчас на местах бывших сражений тишина, а восемьдесят лет назад здесь ни днём ни ночью не стихал шум от взрывов бомб и снарядов. Полыхало всё вокруг. До сих пор земля хранит останки павших героев. Наши солдаты подрывались на минах, погибали во время бомбёжек города и окрестностей, но отстояли Сталинград. Большое количество бойцов пропало без вести во время Сталинградской битвы. Наша задача — отыскать останки погибших в страшную годину. И мы с этой задачей справимся!

29 апреля

Металлоискатели всё звенят и звенят. На глубине полутора метров ребята из нашей группы обнаружили останки двух бойцов. «Смертных» медальонов при них не было (плохой приметой считалось заполнять записку со сведениями о себе, отсюда и пошло название медальона — «смертный»). Рядом с останками солдат лежали поржавевшие винтовка Мосина да пулемет Дегтярева, и оба с искривлёнными дулами. Погибли защитники сталинградской земли, судя по остаткам обмундирования, в оборонительный период битвы, летом 1942 года, ещё до начала контрнаступления наших войск в ноябре того же года. А оружие своё бойцы привели в негодность для того, чтобы оно врагу не досталось.

30 апреля

Все ребята из отряда находятся под впечатлением после вчерашних находок. Я практически не спал всю ночь. Сегодня с ещё большим интересом приступил к работе. Что ещё нас ждёт впереди?

Находим останки. Ещё останки бойцов. С медальонами и без них. Запомнился мне павший защитник с медальоном на шее и зажатым в руке женским

кулоном, в который когда-то была вставлена фотокарточка. За долгие годы нахождения в земле от фото практически ничего не осталось. Грунтовые воды и удобрения сделали своё дело. Возможно, это была несбывшаяся, расплывчатая фашистским сапогом любовь убитого бойца. Закрываю глаза и предомной предстаёт образ солдата, сжимающего в руке до последнего момента своей жизни самое дорогое, что у него было — кулон любимого им человека. В то страшное время у многих сотен тысяч советских людей, погребённых под Сталинградом, остались надежды, которым так и не суждено было сбыться.

3 мая

День за днём, метр за метром обследуем землю волгоградских степей. Жарко. Очень хочется пить. Накопленная усталость даёт о себе знать. Представляю, как тяжело было нашим прадедам отвоёвывать родную землю. Новый участок земли, где при обследовании металлоискатель подал сигнал. Несколько раз копнув, вынимаю из земли несколько монет и маленькую иконку — верный признак того, что где-то рядом находятся человеческие останки. Зову на помощь ребят. Копаем. Ещё одного бойца подняли. Очень много событий произошло в дни поисковой экспедиции. Дома будет над чем поразмышлять.

В вахте 2022 года нашим поисковым отрядом были обнаружены останки ста семидесяти бойцов, а также четыре медальона, которые в данное время проходят экспертизу. Имена бойцов пока не установлены. Для этих ста семидесяти бойцов война наконец окончилась, их прах будет с почётом перезахоронен.

6 мая

Завершающий день экспедиции. Перед отъездом домой по традиции нашего поискового отряда посещаем Мамаев курган в городе Волгограде, чтобы отдать дань памяти павшим героям Сталинградской битвы и возложить цветы на братскую могилу. С высоты кургана открывается вид на Волгу и цветущий город. Двести дней и ночей длилась битва, двести дней и ночей держали оборону защитники города. И город не сдался. Для гитлеровской Германии поражение под Сталинградом стало началом конца.

Здесь, на вершине кургана, захватывает дух от осознания подвига защитников Сталинграда. «Железный ветер бил им в лицо, а они всё шли вперёд, и снова чувство суеверного страха охватило противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?!» — цитата из очерка Василия Гроссмана, выбитая на стене мемориального комплекса на Мамаевом кургане, стала одним из главных символов эпохальной битвы. Вникая в смысл цитаты, ещё больше проникаешься идеей, которой решил посвятить свою жизнь, ведь память о каждом погибшем солдате должна быть сохранена для потомков. Великая благодарность героям Сталинграда за их подвиг!

РАТМИР КУДРЯВЦЕВ

3 курс

Наставник: Жукова Елена Ивановна,
преподаватель русского языка и литературы

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение Псковской области «Локнянский
сельскохозяйственный техникум»

Псковская область

Я ощутил войну... руками Странички из дневника поисковика

17 апреля

С утра ничто не предвещало грандиозных событий. Казалось, был самый обычный весенний день, тёплый, но немного пасмурный. Как всегда, в выходные мы с мальчишками просто шатались по деревне, когда увидели несколько машин, съезжавших на обочину. Из них вышли люди в камуфляже. Их было много... Мы с ребятами быстрее всех подбежали к машинам.

Оказывается, все эти мужчины — члены поискового отряда из Томска и им нужна наша помощь, так как мы местные!! Здесь, восточнее поселка Локня, шли особенно тяжелые бои в феврале 1944 года. Томичи ведут поисковые работы в тех местах, где в годы Великой Отечественной войны сражались сибиряки. А Локнянский район освобождали и части Сталинского Сибирского добровольческого корпуса.

19 апреля

Сегодня отправился в свой первый поход с отрядом «Томич»! Сколько я пережил за те два дня, когда взрослыми решался вопрос: быть мне поисковиком или нет!! Хотя я и мальчишка, но сердце колотилось, и руки холодели от волнения, как у девочки, даже стыдно было.

Командир отряда, Сергей Григорьев, хлопнул меня по плечу и сказал, что такие помощники, знающие свой родной край, очень нужны, а мужские руки никогда лишними не бывают. Провели вводный инструктаж, и рано утром мы выдвинулись.

Пока ехали на выбранный участок поиска, я вспоминал свой разговор с деревенскими друзьями: «Зачем это тебе надо? Зачем ворочать эти кости, доставать оружие, бомбы, которые могут взорваться?»

Сегодня мы нашли только вещи времён Великой Отечественной войны, но ни одного бойца. Работали и лопатой, и щупом. Я держал в руках личные вещи красноармейцев, и эти люди переставали быть безымянными и чужими. Сейчас я понял, что мне, лично мне это надо! Это моё дело, моя память!

20 апреля

Уже поздно, мама гонит меня спать. Но я должен записать, чтобы не забыть те впечатления и ощущения, которые испытал впервые в жизни! Сегодня мы продолжили поиски недалеко от моей родной деревни Осипово Село, и я нашёл своего первого бойца... Сначала было неверие, а потом радость и гордость захлестнули меня... Очень аккуратно, буквально просеивая землю, я искал его остальные косточки... Это мой боец, и я должен сделать всё, чтобы он лежал вместе со своими товарищами в братской могиле! Надо искать, всех найти, чтобы они вернулись домой. Никто не должен быть забыт... «Для того, чтобы жить дальше и двигаться вперед, мы идём», — сказал командир. Верю, что и мои дети поймут, что всё зависит от тебя, от того, что ты хочешь оставить после себя. Восстанавливая память об этих людях, мы даём надежду на будущее...

21 апреля

Ура! Меня взяли в экспедицию! Мы будем целых пять дней жить в поле, в палатках, готовить на костре! Пришлось постараться, чтобы уговорить родителей меня отпустить. Наверное, мой умоляющий взгляд и обещание маме посадить весь огород помогли!

24 апреля

Практически не было времени записать свои мысли... находок было много: каждый день мы доставали останки бойцов и их личные вещи, оружие и снаряды. Мы ощутили войну... руками.

Вечера тоже были заняты: разборы дня с командирами, постановка задач на следующий день... Но главное — это душевные разговоры у костра, песни под гитару... Я и не догадывался, что наш командир сам пишет стихи и знает множество стихотворений своих друзей-поисковиков. Одно меня поразило, я даже записал текст и аккорды:

*Опять над головой костёр качает дым,
Бредёт сквозь лес в обнимку с песней тишина.
А мы идем искать ровесников следы —
Тех самых, что на четверть века старше нас.*

26 апреля

Закончилась экспедиция, я дома... Можно посидеть и подумать... А подумать есть о чём... Сегодня командир предложил мне вступить в отряд, стать настоящим поисковиком. Это большая честь, я понимаю... Конечно, я соглашусь, но как это совместить с учёбой в техникуме... Ладно, посоветуюсь, я же не один студент в отряде!

Командир дал мне почитать рассказ «Меня нашли в воронке», который написал его товарищ, тоже поисковик, Алексей Ивакин. Я даже не представлял, что так можно написать: «Я без вести пропавший, обычный солдат. Таких, как я, много. Только подо мной в воронке еще десять наших. Из нашего взвода. И все рядовые, которых никогда не опознают. У кого потерялся медальон, у кого записка сгнила, а кто и просто не заполнил бумажку... И, оглядываясь назад, я прошу: «Мужики! Найдите тех, кто ещё остался!» Мороз по коже. Мы наших бойцов, почти всех, тоже нашли в одной яме.

4 мая

Сегодня мы прощались с найденными бойцами. Нами было поднято и захоронено тридцать четыре солдата. Надеюсь, что мы всё сделали правильно и они довольны. Было очень торжественно и красиво.

Взять металлоискатель и пойти в поле — это уже продолжение. Я понял, что работа поисковика невозможна без общения с местными краеведами, без погружения в военные архивы, без просмотра карт и аэрофотосъёмки военных лет.

А ещё я понял, что есть такое состояние души — поисковик. Для нас война не окончена, пока не захоронен последний павший воин...

Значит, будет и для меня новая Вахта памяти...

За умение сравнивать исторические события, явления, процессы на различных исторических этапах нашей страны

ПОЛИНА ШЕРСТОБОВА

10 класс

Наставник: Понамарева Галина Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное автономное
общеобразовательное учреждение
«Кожевниковская средняя
общеобразовательная школа № 2»

Томская область

За этими воротами стонет земля Открытое письмо

Здравствуйте, дорогие друзья и все, кто читает это письмо. Пишу его под сильным впечатлением, не могу молчать. Об этом молчать нельзя. Знаете, бывает так, что какая-то тема трогает настолько, что спать ночами становится тяжело, в горло не лезет кусок хлеба и места себе не находишь от переполняющих душу эмоций и чувств. Знакомо? Вы, должно быть, думаете, что я буду писать о любви? Да, любовь важна, несомненно, это одна из главных тем, и мы ещё не раз поговорим о ней, обещаю. Но не сегодня. Не она тронула меня, не она пробудила во мне столь ярое неравнодушие. Догадываетесь, о чём пойдёт речь? Дать подсказку?

Однажды американский философ Джордж Сантаяна сказал: «Тот, кто забывает об истории, обречён на её повторение. Тот, кто не помнит своего прошлого, осуждён на то, чтобы пережить его вновь. Тот, кто не учит историю, обречён её повторять». Это высказывание как нельзя кстати подходит к теме моего размышления и событиям, происходящим в мире сейчас. Глупо, однако, бояться повторения роковых сороковых (рифма вышла, смотрите!), сейчас ведь XXI век, время технологий и инноваций. Но картины новостных телепередач заставляют усомниться в безопасности. Я искренне надеюсь и верю, что эти страшные картины никогда не коснутся лично нас с вами и все конфликты разрешатся как можно скорее.

Войны были всегда, всегда была жестокость, братоубийство, ничем, казалось бы, не обоснованная ненависть. Боюсь, искоренить человеческую жестокость не под силу никому, но мы: я, каждый из вас, все равнодушные люди Земли должны пытаться сделать всё возможное для уменьшения её масштабов. Мы должны помнить обо всём, что было. Только память спасёт наше будущее от возрождения пережитков прошлого.

Война и дети... Страшно совмещать эти два слова даже в мыслях, но детям Великой Отечественной войны досталось не меньше, чем взрослым.

Саласпилс. Вам знакомо это слово? Уверена, вы слышали его из программ о той страшной войне и, наверняка, знаете, чем так прославился этот латвийский город. В Саласпилсе был создан один из самых крупных за всю историю войны с фашизмом концентрационных лагерей. Его по сей день называют «фабрикой крови». А содержали там в основном детей. Там пытали, выкачивали кровь, травили мышьяком. Вы понимаете? Сколько же детских жизней забрали нацистские гады, нагло ворую «чистую» кровь?! А знаете, каким пыткам подвергались дети в этом «лагере трудового воспитания»? Зимой гнали в бараки без одежды и обуви, принуждали мыться ледяной водой, кормили отравленной кашей, заставляли выполнять бесполезный физический труд. О каком трудовом воспитании идёт речь, если мы говорим о детях грудного возраста, коих в Саласпилсе было множество?

Жертвами стали сто тысяч человек, семь тысяч из которых — дети. Такие цифры показывают официальные источники. Только вдумайтесь... Семь тысяч детей, семь тысяч невинных ангельских душ. Среди них дети разного возраста: от младенцев до тринадцати-четырнадцатилетних подростков. Всех, кто являлся носителем признака «советский ребёнок», ссылали в тот адский лагерь, над мемориалом которого сейчас находится надпись: «За этими воротами стонет земля», взятая из стихотворения Эйжена Вевериса, что был узником этого жуткого места. Невозможно и представить, каково было детям, оторванным от матерей, оставленным в холодном чужом месте, обречённым жертвовать кровью ради раненых нацистов.

Да, Саласпилс не являлся лагерем смерти, но численность погибших там ни в чём не повинных людей вынуждает присвоить ему этот статус:

*Детский лагерь Саласпилс,
Кто увидел — не забудет!
В мире нет страшной могил,
Здесь когда-то лагерь был,
Лагерь смерти — Саласпилс.*

Таковы строчки стихотворения Якова Голякова, положенного на музыку Эдуарда Кузинера. Слушать эту музыкальную композицию невозможно без душевной боли и трепета. Жутко думать о маленьких, ещё не начавших жить людях. А ведь среди них могли быть будущие великие врачи, изобретатели, космонавты, путешественники, писатели и просто хорошие люди... Каким животным должен быть человек, чтобы совершить преступление против

ребёнка?! Как можно убить того, кто ещё не научился ненавидеть?! Как обмануть эти большие, доверчивые, смотрящие по-щенячьи беззлобно глаза?! Как?! Вот бы спросить у фашиста, как спалось ему после всех тех деяний. Как вообще возможно жить после такого? Однако жили и живут, продолжая и сегодня проводить жуткие эксперименты над нашими военнопленными, нарушая все принципы морали, человечности и мирового законодательства.

Дети войны... Дети, чьё детство отобрали бесчеловечные существа. Дети, видевшие смерть родных. Дети с опалёнными войной судьбами. Вот бы обнять каждого из них — и тех, чьи души сейчас на небе, и тех, кто пережил это кошмарное время и нашёл в себе силы восстановиться. Обнять всех и каждого, поделиться частичкой тепла и доброты — всем тем, чего их лишила война. Нельзя, чтобы это повторилось...

Я не могу думать об этом без слёз. Нельзя допускать повторения, слышите? Нельзя бросать Родину. Нужно отстаивать своё. Ради мира, ради детских жизней. Именно эту цель преследуют наши воины — участники специальной военной операции. Сегодня Россия ведёт непримиримую борьбу с теми, кто грозит нашей государственной безопасности. Я горжусь своим президентом-патриотом, низко склоняю голову перед нашими защитниками — живыми и ставшими жертвами современного нацизма. Мы не позволим нацизму распространиться. Этот яд должен быть выведен из организма человечества раз и навсегда. Мы должны жить в мире. У детей должно быть счастливое детство.

Друзья, пожалуйста, не будьте равнодушны. Чужого горя не бывает. Давайте окружим заботой и вниманием семьи наших бойцов, будем чтить память о переломных для нашей Отчизны временах и всеми средствами бороться за мир, за наше счастливое детство и юность.

Мирного неба нам всем!
Навеки ваша Поля

**За умение сравнивать исторические события,
явления, процессы на различных
исторических этапах нашей страны**

МИХАИЛ ЩЕКОТИХИН

10 класс

Наставник: Серова Надежда Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Общеобразовательная школа
им. А. М. Кадакина
при Посольстве России в Индии

**«Счастье всего мира не стоит одной слезы
на щеке невинного ребёнка»¹**

Начало февраля. Сегодня тёплый солнечный день. Привычной дорогой иду в школу. На душе как-то особенно спокойно и радостно: скоро выходные, а значит, встреча с друзьями. Незаметно мелькают уроки: первый, второй, третий... шестой. Седьмым в расписании классный час «Разговоры о важном». Он посвящён Сталинградской битве. Люблю историю, поэтому с особым вниманием слушаю рассказ о событиях военного времени. На экране чёрно-белые кадры хроники: наступающие советские войска, разрушенный город, сдавшиеся в плен немцы... И вдруг мой взгляд останавливается на снимке военных лет. Время будто замерло: прошла минута или целая вечность? В классе такая тишина, что слышишь биение сердца. С фотографии на меня, подростка XXI века, смотрят испуганные детские глазёнки. В них неподдельный ужас и робкая надежда на спасение. Фото было сделано в 1942 году Л. И. Коновым в Сталинграде — в городе, где после освобождения от фашистов не осталось ни одного уцелевшего здания. Выжили ли эти крохи с фотографии? Или их постигла участь почти миллиона детей, погибших в ходе Великой Отечественной войны? Разве можно забыть застывший страх в глазах ребёнка, прикрываемых маленькими ладошками? Чем оправдать сотни тысяч загубленных детских жизней?

¹ Ф. М. Достоевский.

История повторяется. На Аллее ангелов памяти погибших детей Донбасса более ста пятидесяти имён... И там каждый день, такой, может быть, солнечный и весёлый для нас, забирают ещё одну жизнь невинного ребёнка. Или не одну... За детские слёзы, за детские смерти виновные должны понести справедливое наказание!

Как когда-то, в далёком 1943 году, несмотря на то что война ещё продолжалась, состоялся первый в Советском Союзе суд над фашистскими оккупантами и их пособниками, вошедший в историю как «Краснодарский процесс». Перед военным трибуналом предстали офицеры зондеркоманды СС, среди которых были и предатели Родины. Судебный процесс над карателями проходил публично и широко освещался в прессе. Ему предшествовала серьёзная подготовительная работа: специально созданная Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников рассмотрела пятьдесят четыре тысячи актов и двести пятьдесят тысяч протоколов опроса свидетелей массовых преступлений нацистов против гражданского населения на оккупированных территориях Краснодарского края, Мариуполя и Ростова-на-Дону. Благодаря работе следователей была подготовлена основательная обвинительная база для вынесения приговора военным преступникам. Из неё мы узнаём страшные факты о геноциде мирного населения: только за полгода оккупации в Краснодаре убиты одиннадцать тысяч горожан, среди которых две тысячи детей. Две тысячи маленьких жизней, прерванных беспощадными руками карателей только потому, что они «низшей расы», а значит, не достойны расти, взрослеть, видеть солнце и голубое небо! Изучая архивные материалы Краснодарского процесса, обнаруживаешь и другие свидетельства страшных преступлений против самых беззащитных — против детей. На пожелтевших листах уголовного дела потускневшие, местами расплывшиеся от времени чернила — вечная память о тех событиях: 23 сентября 1942 года фашисты убили сорок двух маленьких пациентов детской краевой больницы, некоторым из них было всего по году. 9 октября нацисты заживо закопали в землю двести четырнадцать эвакуированных из Симферополя воспитанников детского дома. Жителей убивали целыми семьями при помощи специально оборудованных машин — газвагенов и, чтобы легче было посадить в такую машину родителей, детей в неё помещали первыми. Всех, кто пытался вырваться, забивали прикладами на глазах остальных членов семьи. При освобождении советскими войсками территории Краснодарского края были обнаружены свидетельства этих зверских расправ карателей над мирными гражданами: много братских могил, среди них самая чудовищная — с десятками детских тел в больничных трусиках и майках.

В зале суда были опрошены двадцать два свидетеля, изучена собранная Чрезвычайной комиссией информация, оглашены материалы судебно-медицинской экспертизы убитых граждан. Благодаря полученным неоспоримым доказательствам зверств нацистов и их приспешников, всех подсудимых

признали виновными. Восьмерых приговорили к смертной казни через повешение, троих — к двадцати годам каторжных работ. 18 июля 1943 года почти пятьдесят тысяч горожан пришли на центральную площадь, чтобы увидеть своими глазами смерть пособников нацистского режима. За бесчеловечные деяния по отношению к детям, женщинам, старикам предателей настигла заслуженная кара.

Краснодарский процесс стал началом планомерной юридической работы по поимке и привлечению к ответственности всех виновных в военных преступлениях против мирного населения СССР. Он и все последующие военные трибуналы — это важный исторический урок для тех, кто в наше время в ряде стран продолжает вести карательную политику против своих граждан ради политических амбиций, прикрываясь неонацистскими лозунгами. Всякий, кто уничтожает мирных людей, среди которых невинные дети, должен помнить о том, что рано или поздно за все совершённые преступления непременно последует справедливое наказание. И невозможно ничем оправдать сотни, тысячи загубленных детских жизней, ибо: «Счастье всего мира не стоит одной слезы на щеке невинного ребёнка», — писал Ф. М. Достоевский.

За оригинальность сюжета конкурсного сочинения, за богатство и выразительность русского языка

ВАЛЕНТИНА УЧАЙКИНА

7 класс

Наставник: Давлитгориева Оксана Викторовна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа
с. Дружба Хабаровского муниципального
района Хабаровского края

Хабаровский край

Неотправленное письмо

Здравствуй, Сашка! Санёчек... мой нерождённый мальчик... На улице снова весна. С утра в мою комнату врываются лучики солнца и, прыгая по полу, подбираются ко мне, ползут по моему морщинистому лицу, словно хотят разбудить. Но я не сплю, боюсь того кошмара, который снится мне каждую весну.

«О чём он?» — спросишь ты. О дне, когда всё случилось.

За окном весеннее солнце, запах зеленой клейкой листвы витает в воздухе, чистое небо смотрит на нашу деревню свысока и как будто не замечает того, что в ней происходит. А деревня наша стонет, плачет горькими слезами — фашист уже несколько месяцев зверствует у нас.

Я только вернулась с изнурительных работ, за которые получила пайку хлеба в двести граммов. Дрожащими, непослушными руками наливаю кипяток в кружку, чтобы утолить чувство голода, ты недовольно шевелишься у меня в животе, я пью, обжигая высохшие губы, жадно откусываю хлеб и поглаживаю себя по животу. Мысленно разговариваю с тобой: «Потерпи, родной, нельзя нам себя выдавать, узнают немцы, что ты у меня есть, и тогда... нет, даже думать не хочу... Вон у соседки Егоровны восьмой месяц был, так фашист увидел, раскричался, что ещё один «рус» будет, и отправил её мешки таскать. Не выдержала Егоровна, не сберегла малыша, понесло её, раньше срока родился... Нельзя нам выдавать себя... Вот вернётся скоро наш папа с фронта, прогонит этих иродов...»

Так и сидела бы я, и причитала, как вдруг ворвался соседский мальчуган Сашка с криками: «Тётъ Маш, помоги, мамку немец в избе бьёт!» Я как была босая, выбежала из хаты и в соседний огород, не подумав, что же будет, чем же смогу помочь. Сашка следовал за мной. Влетела в избу Егоровны, а фашист за волосы тащит её к двери. Я остолбенела сначала, потом выпалила, что его зовут в сельсовет. Он грозно, пылающим от ярости взглядом посмотрел на меня, отпустил Егоровну и метнулся в дверь.

Мать Сашки вытирала разбитые в кровь губы, собирала волосы, а я, удостоверившись, что фашист убежал, принялась успокаивать Сашу, который, перепугавшись, выплеснул свой страх в горячие слёзы.

Вечером я сидела на стуле возле печи, сон никак не шёл. Вдруг резко отворилась дверь, и в избу ворвался тот фашист, который глумился над Егоровной. Моё сердце оборвалось, ноги стали ватными. Я медленно поднялась, забыв при этом, что живот не спрятан. Фашист свирепо что-то закричал на немецком и ударил меня по лицу. Потом, опустив глаза, увидел мой живот. Я не успела опомниться, как почувствовала резкую боль, потому что немец со всей силы ударил по святому — тебе, такому крохотному и ещё не родившемуся.

Очнулась в избе бабки Устиньи. Она рассказала о том, что фашисты согнали всех жителей к сельсовету, а затем отправились в соседнее село вместе с ними. «А Сашка?» — приподнимаясь, широко открыв глаза, крикнула я. «Нет больше Сахарка нашего (так его называли в селе)», — прошептала с грустью бабка Устинья. И вот тогда я решила, что и тебя тоже назову Сашкой...

Позже я узнала, почему меня фашисты не забрали, бабка Устинья убедила немцев в том, что я не жилец. Она меня выходила, уверяла, что всё ещё будет: и муж, и детки... Не случилось... Муж мой Фёдор с войны так и не вернулся, только письмо перед глазами, и всего одна строчка: «Храбро сражался... пропал без вести...» И с детьми тоже не сложилось...

Ты один у меня был, и только память о тебе заставляла меня жить и бороться с этими проклятыми фашистами. И теперь каждую весну я пишу тебе письмо в надежде, что мы когда-нибудь встретимся...

Твоя мама

За оригинальность сюжета конкурсного сочинения, за богатство и выразительность русского языка

МИХАИЛ ЛУКЬЯНЧИКОВ

9 класс

Наставник: Черемская Елена Михайловна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа
с углублённым изучением отдельных
предметов № 6 города-курорта Пятигорска
Ставропольский край

Галина улыбка

Храм опустел. На подсвечниках догорали свечи, поставленные прихожанами в память о своих родных и близких. Сегодня особый день: каждый год в начале ноября во всех церквях поминают павших героев, тех, кто отдал жизнь, защищая Отечество.

Я вышел во двор Свято-Лазаревской церкви и остановился, залюбовавшись красотой осеннего дня. Солнце сияло ярко, празднично. Машук переливался в его лучах всеми красками осени, а синие купола храма сливались с таким же чистым синим небом. Изумрудные ели несли караул у входа на старое кладбище.

В глубине двора на деревянной скамейке в длинной черной рясе сидел старый священник. Седые волосы, длинная борода, мудрый задумчивый взгляд, на груди большой серебряный крест. Это отец Иоанн. Я видел его сейчас в храме, слушал его проповедь, в которой он рассказывал о жертвенном подвиге Дмитрия Солунского, совершённого им ради спасения душ своих соотечественников, ради великой любви к ним. Такая же великая любовь светилась и в глазах отца Иоанна.

Скоро я окончу школу, хочу исполнить свою мечту — стать режиссёром, снимать фильмы, самому писать сценарии к ним. И если у меня всё получится (ведь мечты должны сбываться), первый фильм будет о моём родном городе Пятигорске, о людях, которые в страшные дни войны сделали всё, чтобы небо в этот осенний день было мирным, а мы жили спокойно

и счастливо. А ещё в своем фильме я расскажу о мальчишке Ване, который так же, как и тысячи пятигорчан, мечтал о победе и как мог приближал её.

Итак... Загорается экран. Из огня выплывает название фильма: «Победители. Основано на реальных событиях».

Август 1942 года. Окрестности Пятигорска. Чёрной змеёй ползут один за другим танки со свастикой на броне. Несутся, ревя, вздымая пыль, мотоциклы, а в них фашисты с автоматами и связками гранат. Враг рвётся в город. Первыми на их пути встают курсанты Полтавского военного тракторного училища. В страшный неравный бой вступили четырнадцать молодых ребят под командованием лейтенанта Дубовика. Горит земля, пылает склон Машука. Насмерть стоят герои!

А в это время в городе идёт срочная эвакуация. Все работают слаженно и спокойно. Нужно как можно быстрее вывезти раненых. На помощь медикам приходят местные жители. На машины, подводы грузят тяжелобольных. В кадре лицо мальчишка лет семи-восьми, худенький, шустрый, он вместе с матерью укладывает на повозку раненого солдата. «Ваня, — обращается к нему мать, — подай одеяло, помоги мне укрыть бойца».

А фашисты уже ворвались в город. На улицах идут ожесточённые бои. Мирные жители, рискуя жизнью, прячут у себя дома тех, кого не успели эвакуировать. Ваня с матерью бредут домой. Страх нет. Но уставший Ваня как бы сразу повзрослел на несколько лет. Глаза матери печальны. Мать с сыном подходят к дому. А там уже хозяйничают захватчики. Они нагло расположились в большой центральной комнате. Чужая речь, чужой душливый запах. Ваня сжался, но не от страха, от ненависти.

Началась новая жизнь — рядом с врагами — жестокими, злыми, ненавистными. Дом, где живёт Ванина семья, находится почти на окраине города, в конце улицы уже начинается склон Машука, покрытый лесом. Туда часто убегает Ваня с друзьями, чтобы поиграть и пересказать друг другу новости. А новостей всегда много. Замерев, слушают мальчишки рассказ друга, который видел, как по центральной улице мчалась быстроходная гусеничная машина. В панике разбежались фашисты. Ужас, непонимание: что за «зверь», и не трактор, и не танк? Из кабины торчит ствол пулемёта, а русские солдаты, вооружённые автоматами, разместились прямо за кабиной и косят фашистов, сея панику и смерть в стане врага.

Мальчишки с горящими глазами ещё теснее прижимаются к товарищу. А он продолжает рассказывать, как из переулка, наперерез нашей чудо-машине, выполз фашистский танк. Один залп, другой, тягач загорелся. Погиб молодой отважный командир.

Вечерет. Ваня незаметно выбирается из дома и бежит к Подкумку, туда, где погиб лейтенант. Он видит, что жители соседних домов уже собрались возле сгоревшего тягача. Они положили героя рядом с машиной, чуть поодаль вырыли могилу, а когда совсем стемнело, похоронили героя. Ваня запомнил его имя — Герман Пестов.

В Пятигорск пришла осень. Страшная осень 1942 года. В городе «новая власть», установленная захватчиками. Фашисты продолжают свои зверства: расстреливают мирных жителей, взрывают здания, жгут заводы, уничтожают библиотеки. Но город не сдаётся. В городе действует подпольное движение.

4 октября в городском театре собрался весь «цвет» гитлеровцев. Намечено награждение группы офицеров. Рядом с театром расположена гостиница «Бристоль», в которой фашисты разместили свой штаб. Но не успевают враги начать свой праздник! Десятки ракет освещают место их сборища. А запускает их, показывая направление нашим бомбардировщикам, отважная комсомолка-подпольщица Нина Попцова. Шесть генералов и сто пятьдесят офицеров — огромные потери! Обстановка в городе ухудшается, немцы лютуют, идут массовые аресты и расстрелы.

Но жизнь продолжается. Осеннее утро выдалось тёплым и солнечным. Ваня с дедом и соседскими ребятами гонят на пастбище небольшое стадо. Вот и знакомая поляна. Коровки принялись щипать последнюю осеннюю травку, дед задремал, прислонившись к тёплому валуну, а Ваня с друзьями заигрались неподалёку. Вдруг в небе раздаётся гул, и ребята видят страшную картину: два огромных «Мессершмитта» догоняют наш небольшой самолёт. Взрыв, ещё один, ещё... самолёт падает. Ваня закрывает глаза. Страшно, обидно. Он думает об отце, о том, что давно от него нет вестей. Дед часто болеет, а матери тяжело прокормить семью. Сестрички ещё совсем маленькие, ничего не понимают. Значит, получается, что на него, на Ваню, вся надежда, значит, он должен помочь отцу бить ненавистного врага.

Зима выдалась в тот год суровая. Немцы готовятся к отступлению из Пятигорска. Озлобленные, понёсшие большие потери, они хотят оставить город в руинах. Убивают, жгут, грабят. Ваня сидит дома, смотрит, как снежинки липнут к холодному окну. На улице что-то кричит немецкий офицер. Вокруг бегают, суетятся солдаты. Дом, где живёт Ваня, находится по адресу улица Крайнего 22, а через два дома расположен немецкий штаб. Рядом со штабом — сарай, полный оружия, взрывчатки, гранат. В этом же дворе живёт друг Вовка. Он постарше Вани, но дружат они крепко. Ваня видит, как Вовка забегает к ним во двор. Немцы не обращают никакого внимания на оборванного мальчишку. «Ванька, дело есть, послушай, что мне сестра рассказала, она немецкий знает, случайно услышала», — Вовка шепчет Ване что-то на ухо горячо и быстро. А потом убегает.

Смеркается. Ваня незаметно выходит из дома. Маленький, ловкий, он пролезает в сарай с оружием и приносит другу гранату. Каким-то чудом Вовка незаметно подбирается к мотоциклу, гружённому боеприпасами, и прикрепляет один конец шнура к гранате, а другой — к рулю. Мальчишки выскакивают со двора и прячутся в кустах. Через открытые ворота они видят, как к мотоциклу подходит немец в каске, запрыгивает на сиденье

и нажимает на газ. Как только он поворачивает руль, раздаётся страшный взрыв. Везде трупы фашистов: во дворе, на улице. Начинается пожар, паника.

В разных концах города слышны залпы орудий, виден дым пожаров. Фашисты бегут из разорённого Пятигорска. В немецком военкомате томятся семьдесят девушек и юношей, готовых к отправке в Германию. Туда и должен был прибыть мотоцикл, забитый взрывчаткой, чтобы взорвать здание с ребятами. Теперь они свободны. В их глазах светится надежда и вера в победу. Среди этих ребят особенно выделяется пятнадцатилетняя кареглазая черноволосая девушка Галя. Она выходит на улицу и вдруг её лицо озаряет улыбка. А на экране плывут имена тех, кто отстоял наш город, кто подарил нам мир...

А девушка Галя выросла, выучилась и более пятидесяти лет учила студентов. А ещё она стала моей прабабушкой, за что я очень благодарен судьбе и отцу Иоанну, который так ловко смог стянуть гранату у фашистов.

**За оригинальность сюжета конкурсного сочинения,
за богатство и выразительность русского языка**

ТИМОФЕЙ МИХАЙЛОВ

6 класс

Наставник: Формагина Оксана Николаевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 13»
г. Ревды

Свердловская область

Коленька

Оказывается, чтобы плакать, надо много сил. Это Ваня давно понял. Он не плакал, когда его с братом оторвали от мамы на лагерном плацу и заперли в детском бараке. Не плакал, когда было холодно и очень хотелось есть. Не плакал и когда приходили немцы в белых халатах...

Но Коленька был маленький, он плакал часто.

Ваня, как мог, утешал своего братишку:

— Не плачь, Коленька, береги силы... потерпи... скоро наши придут, найдём маму, поедем домой...

Он не говорил ему, что когда его выводили на работы к женским баракам, то среди измождённых женских лиц он мамы не видел, а когда спрашивал о ней, то никто её имени не знал или не понимал по-русски.

Они спали вдвоём на нижних нарах. Свободных коек было много, дети часто умирали или их забирали куда-то, просто вдвоём было теплее. Ваня растирал ледяные пальчики Коленьки и радовался, когда он, переставая дрожать, тихонько засыпал рядом.

Всегда хотелось есть, всегда... холодная баланда не насыщала, а как будто высасывала остатки тепла из глубины тела.

— Коленька, помнишь, раньше было много еды? — спрашивал Ваня. — Хоть сколько ешь...

Но Коленька не помнил. Когда пришли немцы, он был очень маленький, и после этого еды много не было.

Старших иногда выводили на работы, а малышей всегда держали в бараке. К ним приходили «белые халаты». После этого свободных коек становилось больше.

У Коленьки уже три дня подряд брали кровь. Он совсем ослабел и уже не плакал, когда кололи иглой в руку. Только вздрагивал.

Вчера Коленька не смог подняться с кровати, а после трёх ложек баланды, которые Ваня ему скормил, его вырвало.

— Ешь ты, я не могу, — еле слышно прошептал он Ване.

— Коленька, надо покушать, надо...

Ваня гладил худенькие плечи брата.

— Знаешь что? Завтра, когда придут колоть, ты спрячься под кровать, тебя и не найдут... Хорошо?

Ваня целый день на работах волновался за него, практически бежал в барак. Сегодня он порадует братишку. Расскажет о почти весеннем солнышке, а главное — принесёт гостинец — горбушку хлеба, которую сберёт с обеда.

Братик лежал на койке, на его ручке темнел уже засохший потёк крови.

— Коленька, что же ты не спрятался? Просыпайся! Смотри, что я тебе принёс! — Ваня потряс руку брата.

— Он давно уже спит. Как эти ушли... Я его бужу-бужу, а он не встает, — к Ване подошла девочка Люба из младших.

— Коленька, Коленька! — позвал Ваня, но сам уже понимал, что его братик не спит.

Когда Коленьку выносили охранники, Ваня впервые в лагере заплакал, как будто Коленька вместе со своей вчерашней пайкой баланды отдал Ване все свои силы и на то, чтобы погоревать, и на то, чтобы надеяться и дальше жить.

Коленька Смирнов шести лет умер 20 февраля 1944 года в концентрационном лагере Саласпилс (Латвия) в ходе отбора крови у малолетних узников для раненых немецких солдат, его порядковый номер регистрации — 15321.

Люба Зайцева семи лет умерла спустя две недели от истощения.

Ваня Смирнов десяти лет был освобождён из лагеря летом 1944 года в ходе наступления русских войск, отправлен в Россию.

О матери Смирновых информации не найдено.

В 1967 году на месте лагеря был создан Саласпилсский мемориальный комплекс, на входе которого надпись на латышском языке «За этими воротами стонет земля».

АЛИНА МИКОЛЮК

10 класс

Наставник: Минченко Ольга Александровна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя школа № 37» г. Смоленска

Смоленская область

Территории тишины

У каждого из нас на свете есть места,
Куда приходим мы на миг уединиться...

Этими красивыми строками из песни Игоря Талькова мне захотелось начать разговор о необыкновенном, величественном в своём обличии городе — о Ленинграде — и его недалёком прошлом. Сегодня мне так хочется его назвать. Вот уже на протяжении нескольких лет мы с родителями отправляемся летом в нашу «северную столицу». Не умаляя достоинств своего родного города, моя семья едина в необъяснимой словами любви к городу на Неве, к его героическому прошлому.

Две недели вдыхаем свежий воздух Мойки и Невы, Финского залива, Ладожского озера, которое только называется озером, ведь штормит его порой как самое настоящее море. «Дышим» в прямом и переносном смысле этого слова воздухом истории, переступая пороги старинных особняков: Михайловского замка, Мраморного или Юсуповского дворцов, дворцов Строгонова или Румянцева, Шереметьева или Меншикова... Особая атмосфера и особый воздух — в музеях-квартирах писателей: А. С. Пушкина — на Мойке, Н. А. Некрасова — на Литейном, А. А. Блока — на Декабристов, Ф. М. Достоевского — в Кузнечном переулке... Кажется, что все эти места хранят следы присутствия своих хозяев, а потому создаётся впечатление, что ты дышишь одним воздухом с гениями.

Задолго до наступления каникул мы начинаем составлять маршрут предстоящего путешествия. Очень часто какая-то новая информация о Ле-

нинграде становится объектом нашего исследования. Очередная запись в маршруте «Лето-23» появилась буквально вчера: «Кобона — конечная точка «Дороги жизни»». Но до лета ещё далеко, и потому мы начали открывать для себя Кобону уже сегодня. Документальный фильм «Ладога. Нити жизни», показанный по Первому каналу 21 января 2023 года, стал отправной точкой нашего поиска. Авторы рассказали зрителю о героизме советских энергетиков, протянувших электрический кабель по дну Ладожского озера в 1942 году и тем самым спасших город от неминуемой смерти — смерти от холода.

27 января — день, который мы не просто помним, а не имеем права забыть — день снятия блокады Ленинграда. «Блокада» — слово для русского человека особенное. Особенное оно не только для представителей старшего поколения, наших дедов и прадедов, но и для тех моих сверстников, кто уважает нашу историю, не стремится её «переписать», для тех, кто знает имена героев, и не просто знает — гордится ими и своим правом называться русским человеком. «Блокада», «метроном», «хлеб», «карточки», «Ладога», «светомаскировка», «голод», «саночки», «холод». «Пискарёвское кладбище» — самое большое захоронение в мире, созданное в годы войны. Оно входит в книгу рекордов Гиннеса, но гордость от этого никто из нас не испытывает. Здесь тоже особый воздух... Особая тишина... Здесь не нужны слова, здесь хочется молчать. И эту тишину нарушают лишь птичье пение и едва уловимые звуки музыки.

*Могил пискарёвских внушительный строй.
Неправда, что здесь тишина и покой!..
Здесь мёртвые звуки врываются в уши...¹*

Огромные захоронения! Кладбище не помещается в поле зрения человека. Такие братские могилы вы вряд ли увидите где-то ещё. На территории некрополя сто восемьдесят шесть длинных траншей — братских могил! Почти все они датированы 1942 годом. Сегодня это объект культурного наследия, а в 1941–1944 годах — место массового погребения жителей города и военнослужащих. Зимой 1941–1942 года ежедневно здесь «находили последний приют» тысячи жертв блокады. Только вдумайтесь в эти цифры: 15 февраля 1942 года доставлено для захоронения 8452 человека, 19 февраля — 5569, 20 февраля — 10043!

*Под шелестом опущенных знамён
Лежат бок о бок дети и солдаты.
На Пискарёвских плитах нет имен,
На Пискарёвских плитах только даты.
Год сорок первый...
Год сорок второй...
Полгорода лежит в земле сырой.²*

¹ А. Молчанов.

² В. Суслов.

Со второй половины ноября 1941 года трест «Похоронное дело» не справлялся со своими задачами — не хватало ресурсов. Лишь с февраля начинается массовый вывоз тел, в том числе на Пискаревское кладбище. Потребовалась даже помощь экскаваторов. Захоронение тел в блокаду — неимоверно тяжелый труд. «Некоторые могильщики, вырыв могилу, не в силах были без посторонней помощи из нее выбраться или, опуская покойника в могилу, падали за ним сами... Один из них вырыл могилу, лёг на дно её отдохнуть и больше не встал — умер», — читаем мы строки дневника в небольшом музейном павильоне, расположенном справа перед входом на кладбище.

«С 8 сентября 1941 года по 22 января 1944 года на город было сброшено 107 158 авиабомб, выпущено 148 478 снарядов, убито 16 744 человека, ранено 33 782, умерло от голода 641 803 человека», — гласит надпись на мраморной доске перед входом в Пискаревское мемориальное кладбище. Теперь я знаю: сюда нельзя приходиться без цветов и... маленького кусочка хлеба.

*Мы стояли под свинцовым небом,
Я и тот, кто это пережил.
И старик кусок ржаного хлеба
Тихо на могилу положил...³*

Восемьсот семьдесят два дня блокады... В городе, как в захлопнутой лопушке, оказалось 2,5 миллиона мирных жителей. Чудовищный план Гитлера, призванный сровнять Ленинград с землёй при помощи авиации, медленно «задушить» город бомбёжками, обстрелами... и голодом, — в действии.

Пискаревское кладбище — святое место для русского человека — незримо связано с мемориалом «Разорванное кольцо», сооружённым в том месте, где Ладожское озеро соединяется с сушей. Вечный огонь был доставлен сюда с Пискаревского кладбища. И это не случайно. Два мемориала объединили девятьсот блокадных дней. «Дорога жизни»... Военно-автомобильная дорога № 101 (ВАД 101) с 22 ноября 1941 года почти до 1944 года снабжала город продовольствием. Это был единственный путь (через Ладожское озеро), который связывал осаждённый врагом город с Большой землёй. Побывав на берегу Ладожского озера, мы знали, куда непременно отправимся дальше, — в «Музей обороны Ленинграда» в Соляном переулке.

Казалось, мы уже достаточно знаем о стойкости города и его жителей в те страшные годы, но после экскурсии в музей убедились, что область нашего незнания гораздо шире. Открытие неизвестных для нас страниц истории священной войны оказалось не просто интересным делом, а нашей внутренней потребностью. Новая ниточка — новое имя, имена... и всегда подвиг ради спасения людских жизней.

Имя Нины Васильевны Соколовой — первой женщины-водолаза в Союзе — в «Музее обороны Ленинграда» мы услышали впервые. Информация, которую мы узнали, долгое время оставалась тайной. Все участники операции давали подписку о неразглашении. И вот белое пятно блокадной истории

³ В. Шлёнский.

помечено штампом «Рассекречено». Именно Нине Соколовой принадлежала идея проложить трубопровод по дну Ладожского озера, когда город оказался в блокаде. Весной 1942 года по проекту инженера-гидравлика Соколовой начали прокладку бензопровода. Работали под непрерывными ударами авиации, но трубопровод протяжённостью тридцать пять километров (в том числе двадцать семь километров по дну озера) был проложен. За сорок три дня! За полгода до этого, осенью 1941, командование Ленинградского фронта уже ставило задачу — обеспечить устойчивую связь с Москвой, и водолазы 27-го отряда ЭПРОНа (отряда особой подводной службы) проложили линию, безотказно действовавшую всю войну. Сын Нины Васильевны вспоминал, что она никогда не говорила, что спасла город, ведь это было частью её службы...

Не рассказывал о своём подвиге дочери и Никодим Сергеевич Туманов. Обо всех этапах операции по прокладыванию в Ленинград электроэнергии Волховской ГЭС по дну всё той же Ладоги прямо под носом у немцев сегодня мы узнаём из дневника инженера. Легко сказать — «проложить кабель»! Это в условиях-то бесконечных штормов Ладожского озера, под вражеским обстрелом! Рискованная операция спасла ленинградцев от холодной смерти. Повторения зимы 1941 года город бы просто не выдержал. Голодному человеку и в тепле холодно. А здесь к голоду добавились ещё и жесточайшие морозы, и только от снабжения электричеством зависели теперь жизни многих людей, оставшихся в осаждённом городе.

«Им выпало без счёта адских мук...»⁴

Ста тридцати женщинам блокадного города... Стоя в шеренге, из рук в руки передавали они куски кабеля с берега на баржу, где его наматывали на огромные катушки, которые перед спуском на воду соединяли специальными муфтами весом двести двадцать килограммов. Связисты, водолазы, моряки работали ночью, так как днём немецкие самолёты обстреливали всё, что движется по воде. Рядом с ними — полуголодные, обессиленные от тяжёлой, явно не женской работы чьи-то матери и жены. Они спасали город... Через сорок восемь дней электричество пришло в Ленинград. Заработали заводы и фабрики, свет получили госпитали и роддом, Эрмитаж и детские сады. Но самое главное — свет пришёл в промёрзшие, но «живые» ленинградские дома.

Ленинград не был городом обречённых — таким хотел его видеть фюрер. Это был город живых сражающихся людей!

Ленинградским высотникам необходимо было также в кратчайшие сроки решить вопрос с маскировкой зданий, являвшихся яркими ориентирами для фашистских лётчиков. Михаил Бобров, Алоизий Земба, Александра Пригожева, Ольга Фирсова, Михаил Шестаков — об их героическом подвиге напоминает барельеф, установленный на стене Петропавловского собора. О нём мы тоже узнали из рассказа экскурсовода в музее обороны города. А позже нам непременно захотелось отправиться в Петропавловскую крепость, чтобы

⁴Г. Станиславский.

своими глазами увидеть памятный знак и подняться на самую высокую точку собора, чтобы осознать всю сложность работы альпинистов в экстремальных условиях. Увидели, но осознали с трудом, потому что поверить невозможно. Откуда они брали силы на такие ежедневные подъёмы и работу на высоте при норме хлеба двести пятьдесят граммов, да ещё и в тридцатипятиградусный мороз?!

Герои Блокады — известные имена и имена тех, кого мы только открываем для себя, — именно благодаря их стойкости и мужеству город выдержал испытания и выстоял.

Пискарёвское кладбище, мемориал «Разорванное кольцо», барельеф на стене Петропавловского собора, Кобона, детский концлагерь в посёлке Вырица Ленинградской области... и многие, многие места, которые нам ещё предстоит открыть для себя в Ленинграде, — территории тишины, поклонения и преклонения, скорби и памяти. Памяти о тех, кого так жестоко уничтожили фашисты, о военнослужащих и простых мирных жителях, защищавших свой город, свою страну, своё (и наше!) право на мирную жизнь.

ПОЛИНА СЕМЁНОВА

2 курс

Наставник: Немченко Елена Ивановна,
преподаватель русского языка и литературы

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение Ленинградской области
«Гатчинский педагогический колледж
имени К. Д. Ушинского»

Ленинградская область

Забвеню не подлежит

С 13 сентября 1941 года по 26 января 1944 года — трагический период в истории моего города Гатчины, бывшей резиденции русских императоров, «музея под открытым небом».

*Любимица царей и фаворитов,
Хранительница тайн и тишины,
На сцене, как звезда в лучах софитов,
Сияла Гатчина...*

Восемьсот шестьдесят семь дней длилась оккупация в годы Великой Отечественной войны Красногвардейска. Тогда так называлась Гатчина.

С первых дней вступления фашистов в город трупы казнённых гатчинцев можно было видеть ежедневно. «Они висели по несколько человек на одной виселице с прикрепленной к ногам доской, на которой было написано совершенное ими «преступление»: «За связь с партизанами», «За кражу рождественских подарков», «За поджог». Трупы висели обычно по несколько дней, затем заменялись новыми» (Клейн А. С. Дитя смерти. Сыктывкар. 1993 г., с. 247). Среди повешенных были даже дети. Жителей окрестных деревень тоже привозили и уничтожали в Гатчине. Всего в городе было казнено семьсот пятьдесят человек.

Все, кто оказывал хоть малейшее сопротивление или неповиновение новому режиму, подвергались многочисленным фашистским репрессиям и карательным акциям. Одним из свидетельств кровавого режима служит

создание на оккупированной территории концентрационных лагерей. Самый крупный из них «Дулаг-154», расположенный на окраине Гатчины и рассчитанный на четыре-пять тысяч человек (*Durchgangslager* — пересыльные лагерь, располагавшиеся вблизи железнодорожных узлов). Филиалы этого лагеря находились на территории довоенного аэродрома, штрафной лагерь на территории бывшего граммофонного завода, «Дулаг-5» — на территории военной части «Красные казармы», а также и в других близлежащих населённых пунктах. Так, на территории торфопредприятия был концентрационный лагерь для гражданского населения, а в посёлке Вырица концентрационный лагерь для малолетних детей.

Отбор в лагерь был особенным. Кроме военнопленных, обречённых на смерть или каторжные работы, узниками становились не только по этническому признаку (цыгане, евреи) или политическим убеждениям (коммунисты, комсомольцы), в лагерь попадали и обычные мирные жители: старики, дети, мужчины и женщины — все, кто оказался под малейшим подозрением у немецкой полиции. Задерживали всех. Нередко жителей города специально записывали как евреев или большевиков, руководствуясь тем, что будет лучше, если большая часть населения окажется под неусыпным жёстким контролем оккупантов. Так «Дулаг-154» стал главной карательной машиной фашистского режима на гатчинской земле. В лагерях было два отделения: рабочее и нерабочее (смертники). Трудо-способное население должно было ежедневно трудиться на каторжных работах на благо Рейха. Часть рабочих насильно угоняли в Германию, где их распределяли как обычных рабов на фабрики, заводы и даже в немецкие семьи. В документах же фашисты писали, что люди «добровольно» согласились на переезд в Германию.

Вот реальные свидетельства очевидцев. Из акта Гатчинской городской комиссии ЧГК (чрезвычайной государственной комиссии) от 24 ноября 1944 года о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Гатчине Ленинградской области в период оккупации: «За период своего хозяйничанья в Гатчине немцы дважды проводили массовые эвакуации населения в Германию. Первая эвакуация прошла в октябре 1943 года, вторая началась в конце декабря 1943 года и не была доведена до конца вследствие панического отступления немцев, вызванного победоносным наступлением Красной Армии. Точно установить число угнанных в рабство не представляется возможным, но очевидец гр. Бруно Алексей сообщил, что по данным проведённой немецким командованием в конце июня 1943 года перерегистрации населения в Гатчине, вместе с эвакуированными из Пушкина, жителей было около 22 000, а в момент очищения города от захватчиков в нём осталось всего около 2 500 человек. Таким образом, учитывая убыль населения от насилия немецких варваров и по естественным причинам, можно полагать, что число угнанных в рабство превышает 17 000 человек. Большинство угнанных составляет молодёжь».

Остальных: больных, слабых здоровьем, стариков, нетрудоспособных, военнопленных — ждала только смерть. На территориях лагерей не было газовых камер, но всех неудобных оккупационному режиму расстреливали или истязали до смерти. Нацисты всячески изощрялись и каждый раз для заключённых придумывали новые пытки.

Из информационной записки от 10 марта 1944 года заведующего организационно-инструкторским отделом Ленинградского обкома ВКП(б) С. Залыгина: «По показаниям врачей Гатчинской больницы Любянского и др. в лагере военнопленных в городе Гатчина ежедневно погибало по 150–200 человек. В больницу поступало много раненых, так как гитлеровцы, забавляясь, бросали пленным заминированный хлеб».

Также на узниках нередко ставили опыты путём внутривенного введения различных ядов.

Из протокола допроса от 2 февраля 1944 года отделом контрразведки «СМЕРШ» 67-й армии А. Б. Клуйш: «В этом лагере [Дулаг-154] немцы систематически умерщвляли советских военнопленных путём внутреннего вливания жидкости, название её и количество мне неизвестно, после вливания жидкости смерть наступала через полутора суток. Кроме того, военнопленных также морили голодом, давая 50 гр. хлеба и пол-литра супа в день, позже давали 25 гр. хлеба и пол-литра этого же супа. После чего военные имели сильное истощение и в таком виде их умерщвляли внутривенным вливанием».

В посёлке Вырица в лагере для малолетних у детей выкачивали кровь для немецких солдат, отчего погибло множество детей. Этот лагерь — особенная боль жителей гатчинской земли.

Свидетельством о мученической жизни за стенами лагеря являются архивные документы. Из акта Гатчинской городской комиссии ЧГК от 24 ноября 1944 года о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Гатчине Ленинградской области в период оккупации: «Баракы в лагерях были без стёкол, не отапливались, на нарах не было никаких подстилок, зимой заключённые замерзали. В некоторые периоды переполнение бараков было так велико, что заключённые спали на голом полу, вповалку.

...Кормили их очень плохо, в большинстве они были оборваны и разуты, сильно истощены. При поступлении в лагерь заключённых подвергали обыску и отбирали всё наиболее ценное.

...Конвоиры жестоко избивали замученных и обессиленных голодом людей за малейшие промедления в работе. Кроме того, пороли розгами и резиновыми плётками за самое незначительное нарушение установленных правил: за курение, хранение ножа или табака, за поиски пищи на помойке, за попытку взять передачу, за дерзкие ответы».

Нетрудно догадаться, что смертность в таких нечеловеческих условиях была просто огромной. Люди ежедневно десятками и сотнями умирали от изнуряющей работы и голода, из-за скученности в бараках свирепствовал сыпной тиф. Немцы решили эту проблему очень просто. Чтобы эпидемия

не распространялась и никто из руководства не заболел, всех заражённых и подозрительных поместили в один барак. А в одну из ночей сожгли заживо.

Общее число жертв фашистского произвола неизвестно до сих пор. Если считать все филиалы «Дулага-154», получается не менее восьмидесяти тысяч замученных советских граждан. Такая неточность в подсчётах связана с тем, что немцы, чувствуя наступление Красной Армии, старались как можно скорее замести следы. Для массовых расстрелов нацисты выкапывали огромные рвы, куда кучами сваливали трупы. Это совершалось на всей территории Красногвардейского района: в парке, вдоль железной дороги, за чертой города. И по сей день при строительстве новых сооружений находят останки тел невинных жертв фашистской оккупации. Отступая и опасаясь возмездия, гитлеровцы уничтожали следы своих преступлений: документы о казнённых и замученных жителях города и военнопленных, останки заключённых в лагерях, бумаги, свидетельствующие об угоне большого количества советских граждан в Германию. Сжигали дома, разрушали памятники, заминировали и подожгли Гатчинский дворец. На одной из дворцовых стен они оставили надпись: «Здесь были мы. Сюда мы больше не вернёмся. Когда придёт Иван, всё будет пусто». Эта надпись с фрагментом стены была сохранена как свидетельство о целях «цивилизованных» представителей Запада, пришедших на нашу землю.

26 января 1944 года солдаты Красной Армии вошли в город. Они застали его опустевшим. Красногвардейск было не узнать: вырубленные деревья, разрушенные и сожжённые дома и исторические здания. Самый страшный урон был нанесён жителям. Город обезлюдел.

Впереди у моего города, как и у всей страны, был долгий путь восстановления из руин, «собрания» населения, возрождения полнокровной жизни. Когда знаешь правдивую историю своего рода, края, страны, не перестаёшь восхищаться людьми, сумевшими своим самопожертвованием, простой повседневной работой и борьбой переломить человеконенавистнический режим, который восемьдесят лет назад нам хотели установить европейские завоеватели. Причём их целью был не просто захват нашей земли, но прежде всего уничтожение населения.

А 6 апреля 2015 года Указом Президента России городу Гатчине присвоено звание «Город воинской славы».

К сожалению, в политической жизни современной Европы наблюдается возрождение идей нацизма. И правительства тех стран, которые во время Второй мировой войны в той или иной мере сотрудничали с фашистской Германией, встали на путь реваншизма. Прикрываясь словами о демократии, они вновь стали использовать в политике методы конфронтации, вражды, ограбления конкурентов и решения своих проблем за чужой счёт. В том числе и военными средствами. А для оправдания этого пути им нужно сфальсифицировать и переписать историю. Эта работа цинично ведётся по нескольким направлениям: преуменьшение масштабов злодеяния нацистов во время

войны, реабилитация фашистов или же вообще отрицание совершения ими военных преступлений. Как когда-то Гитлер хотел уничтожения Советского Союза, так сейчас Западный мир желает развала России.

Но вся многовековая история нашей страны показывает, что Россию победить невозможно. На нашей стороне историческая правда. Воля, сила духа и мощь великого советского народа переломили фашизм в мае 1945 года. И мы гордимся этим достижением наших предков. Теперь новым поколениям россиян предстоит доказать, что мы являемся их достойными наследниками и защитим нашу страну. Иного не дано.

Скоро я стану учителем начальных классов и буду причастна к воспитанию будущих граждан России. Я считаю, что у меня будет важная миссия — изучать с детьми историю нашей страны, сохранять память о героических, а иногда и трагических её страницах, и самое главное — любить и защищать свою Родину.

За уважение и внимание к миссии педагога

БОГДАН ГРОСУЛ

7 класс

Наставник: Гросул Вера Анатольевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Рослятинская средняя
общеобразовательная школа»

Вологодская область

Раненые мандаринки

Раннее утро, но холодное декабрьское солнце ещё не осветило продрогший до последнего камня Ленинград. Марии Михайловне, директору детского дома на Гражданке, не спится: холод веет по ногам и телу, пустой желудок заставляет думать о еде. И вместе с этими ощущениями просыпается тревога и беспокойство. Бедные, настрадавшиеся дети! Сколько горя они уже видели! Хочется порадовать воспитанников и вернуть им детство хотя бы в этот день, ведь сегодня канун Нового года.

Когда осенью 1941 года в детский дом начали поступать сироты теперь уже блокадного Ленинграда, она, молодая учительница истории, ещё только начала работать здесь директором. Нет в её учреждении обычного шума и гама: дети лежат или сидят тихо, боясь истратить последние силы. Воспринимать без сострадания ребячью судьбу Мария Михайловна не могла и не хотела. Осиротевшие, голодные и несчастные дети вызывали не только жалость, но и отчаяние. Как сохранить их жизнь? Чем накормить? Коллектив детского дома делал всё, чтобы спасти, уберечь, выводить этих маленьких погибающих старичков, не похожих на детей. Часто это были полуживые скелеты, они не могли ходить, их, найденных на улице лежащими без сил, приносили на руках. Необходимо было достать для них кровати, одежду, еду, обеспечить медицинскую помощь, оказывая которую, работники не знали ни сна, ни отдыха.

Во всём огромном старинном здании детдома на Гражданке было холодно этой зимой 1941 года. В доме есть паровое отопление: в подвале стоит котёл,

но дрова приходится экономить. «Надо срочно найти буржуйки! — проносится в голове Марии Михайловны. — Жить впроголодь уже научились, но холод оставляет слишком маленький шанс слабым».

Детей поступает много, сейчас воспитанников уже более сотни. Все их истории похожи одна на другую и ужасны в своём постоянстве. Мария Михайловна помнит все и по-прежнему каждый раз содрогается от ужаса и ненависти к фашистам. В последние предновогодние дни поступили две девочки, и их истории особенно чётко всплывали в памяти.

Малышка Валя Гершунина. Вале недавно исполнилось девять лет. Мама пропала на оборонных работах под Дудергофом, а у папы была броня от военного завода. На работу он ходил пешком, поэтому ноги покрылись мозолями, а потом началась гангрена. В одно утро, когда Валя проснулась, папа был уже холодным, и она не смогла его разбудить. Валя рассказала, что ей не было страшно, потому что в ту зиму повсюду были трупы. Сохранилось лишь одно желание: выжить и не умереть. Так Валя стала жить одна — подкармливали соседи. Дома не сидела: либо ходила в школу, либо в кино с подружками, или бегали собирать крапиву и искали всё, что можно съесть. Соседи делали потом из крапивы котлетки, из столярного клея варили студень. Когда Валу забирали из детприёмника, её голова была вся в расчёсах и вшах. В детдоме девочкам брили головы, и они друг друга мазали дегтярной мазью, которая хорошо помогала от чесотки. Мария Михайловна подумала: «Немцы хотят уничтожить Ленинград, но они здорово просчитались! Мы выстоим!»

У Региночки Зиновьевой, Валиной соседки по кровати, своя история. Когда зимой стало очень холодно, они все (Регина, мама, бабушка и дедушка) как-то помещались на десятиметровой кухне, которая была самой тёплой. Дедушка-художник нарисовал тогда картину на фанере: море, которое выбросило на берег ракушку с русалочкой. Дедушка потом умер, мама его оставила в холодной комнате, чтобы не регистрировать как умершего, и они смогли ещё полмесяца есть на его карточку. Региночка говорит, что дедушка этой картиной пожелал ей жизни. Потом умерла бабушка. Мама продавала всё, что можно было продать, чтобы купить хлеба. И вот недавно мама вела Регину в садик и упала в сугроб. Регина бегала вокруг и пыталась хоть что-то сделать. Военный подошёл на крики, отвёл девочку в сад, а маму отнёс в больницу. Из детского сада Регина попала в спецприёмник и сюда, в детский дом.

Утром Марии Михайловне особенно жутко было входить в подвал, где дети спали на топчанах, поставленных впритык друг к другу. В помещении полутемно, оно освещено фитильками, опущенными в керосин. Страшно идти по узкому проходу, вглядываясь в лица детишек, и увидеть среди живых мёртвых, лежащих неподвижно с открытыми глазами. «Нет уже никаких сил хоронить детей! Проклятые фашисты!» — думает Мария Михайловна и спешит к дежурной нянечке, чтобы успеть убрать мёртвых, пока не проснулись живые.

Исполнив страшную обязанность, Мария Михайловна проверила, как идёт подготовка к Новому году. Несмотря на блокаду, правительство страны распорядилось, и в Ленинград была доставлена тысяча ёлок. Одна из них и стояла сейчас в закрытом помещении, дожидаясь своего часа. Женщина бережно накрыла дерево тканью, боясь испортить сюрприз, показав ёлку раньше времени. Дети уже навыврезали снежинок из бумаги, но ещё не знали, что их ожидает чудо. «Сегодня ёлочку надо нарядить, — подумала Мария Михайловна. — Вот было бы здорово, если бы можно было достать мандарины!»

И чудо произошло! Когда она поднялась к себе в кабинет, то увидела сидящую в растерянности воспитательницу. Та держала на коленях ящик, остро пахнувший чем-то неуловимо знакомым из прошлой, довоенной, жизни. Валентина Григорьевна рассказала, что сейчас подъезжала полуторка и им передали эту коробку. Мария Михайловна заглянула внутрь и увидела мандарины. Все фрукты были в дырочках. В ответ на безмолвный вопрос директора, Валентина Григорьевна передала рассказ майора, доставившего чудесный подарок. С юга передали мандарины, их вёз на машине по льду Максим Твердохлеб. Транспорт обстреливали два самолёта, но водитель довёз фрукты, правда, они стали в дырочку, машина без лобового стекла, от баранки осталась только половина, а все руки в крови. «Очень хотел тот героический Максим порадовать детей в Новый год, спасибо ему! Теперь у нас будет настоящий праздник!» — подвела итог рассказу воспитательницы Мария Михайловна. Осталось незаметно украсить ёлку вырезанными снежинками и приготовить праздничный ужин — манную кашу.

Мария Михайловна едва дождалась вечера, она не могла себе представить, как произойдёт встреча с ёлкой её бедных, измученных воспитанников. А мандаринки?! Ей хотелось, чтобы эти маленькие новогодние чудеса заставили детей хотя бы улыбнуться и поверить в жизнь, в лучшую, будущую жизнь.

И вот все тихонько едят свою праздничную кашу и, конечно, не ждут никаких подарков и сюрпризов. Мария Михайловна распахивает дверь закрытой комнаты, и все видят её, ёлку, наряженную бумажными снежинками! Почти все заплакали и побежали к ней. Невозможно описать гамму эмоций на детских лицах! Даже самым слабеньким хотелось прикоснуться к пахучим еловым веточкам новогоднего дерева.

Навсегда запомнит Мария Михайловна детские глаза, когда она стала раздавать из корзины мандарины! Взрослые не могли скрыть слёз, видя, как дети отсасывают из этих раненых мандаринчиков сок, а потом долго нюхают душистую кожуру. Ради этих коротких минут счастья в детских глазах взрослые люди рисковали своей жизнью. А Мария Михайловна загадывает одно единственное желание: пусть быстрее закончится война и будут прокляты фашисты. Живые и стойкие люди героического Ленинграда провожали страшный 1941 год, мечтая о том, что скоро война закончится, блокада будет прорвана, и наступит прекрасный мир в самом лучшем городе на земле.

Уроженка Ленинграда, Мария Михайловна Шарый, работала учителем истории, а в блокадное время была назначена директором детского дома № 51 на Гражданке. Сотрудники детского дома, как и сама Мария Михайловна, по всему городу собирали измождённых осиротевших ребят, находившихся на грани гибели, и делали всё возможное, чтобы их выводить. Весной 1972 года, когда Мария Шарый уже вышла на пенсию, со своей спасительницей встретились её подопечные. И уже не дети, а взрослые мужчины и женщины благодарили своего первого педагога и главного в их жизни героя за спасённое детство. В июне 1943 года было подписан указ о награждении Марии Михайловны Шарый медалью «За оборону Ленинграда».

Список используемых источников

1. «Дети блокады» : сетевое издание («POMNIBLOKADU.RU») : [Электронный ресурс]. — URL : <http://pomniblokadu.ru/news/15348567>.
2. Детские дома блокадного Ленинграда : [Электронный ресурс]. — Санкт-Петербург : Политехника, 2002. С. 191–203. — URL: <http://www.world-war.ru/kogda-zakanchivaetsya-detstvo/>.
3. Сергей Назаров. Детдом на Гражданке. Послевоенные будни : [Электронный ресурс] //Санкт-Петербургские ведомости. — 18 января 2019 года. — URL : https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/shefy_iz_rambova/.
4. Учителя — герои Великой Отечественной войны : сборник. — Москва, 1974. — 272 с.
5. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». — (URL : <http://www.podvignaroda.ru/?#tab=navHome>).

За уважение и внимание к миссии педагога

СОФЬЯ ГОРЕВА

8 класс

Наставник: Коростелева Тамара
Анатольевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
Сосновская средняя общеобразовательная
школа № 2 имени кавалера ордена Мужества
И. Ю. Уланова

Тамбовская область

Януш Корчак и его дети. Улица в небо...

Осенью прошлого года в Тамбов вновь прибыл «Поезд Победы». Это первая в мире иммерсивная инсталляция, размещённая в движущемся составе. Экспозиции поезда-музея на колёсах рассказывают о подвиге советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В каждом вагоне — уникальная история, в которой переплетены события и факты военных лет, судьбы и воспоминания людей.

В первом вагоне посетителям выдают аудиогид. Вы слышите голос девушки Лиды, виртуального экскурсовода. Она рассказывает, что родилась в Тамбове в 1922 году, выросла в семье машиниста, во время войны водила эшелоны на фронт. Как приятно встретиться с землячкой!

Поезд отправляется в военное прошлое. В наушниках стук колёс, взрывы, стоны раненых, авианалёты и душевные песни на полустанках. В каждом вагоне, посвящённом определённому этапу войны, своя атмосфера. Дети и взрослые словно переносятся во времени и как наяву видят события той страшной войны.

Экспозиция «Поезда Победы» постоянно обновляется. Если бы я была в составе творческой группы авторов этого проекта, то предложила бы добавить ещё один вагон — «Детский». Почему? Война — не место для детей. Там нет ни книжек, ни игрушек, там горе и смерть. Война оставила свой страшный след не только на истерзанной земле, но и в душах детей.

Мультимедийное окно вагона создаёт ощущение движения поезда. Здесь прошлое на «расстоянии вытянутой руки», к которому можно прикоснуться, заглянуть в лица героев, пройти вместе с ними тяжёлые военные испытания.

В «Детском вагоне» вы узнаете много историй об искалеченных войной детских судьбах. Одна из них — о Януше Корчаке и его детях.

Януш Корчак — педагог, писатель, врач, общественный деятель. В 1911 году он основал в Варшаве «Дом сирот», воспитанниками которого были еврейские дети. Януш Корчак был здесь и директором, и воспитателем, и доктором. Он жалел и любил детей. Януш Корчак стал писать про них книги, в которых рассказывал о том, как трудно приходится беззащитным детям в холодном взрослом мире.

По вечерам, когда воспитанники «Дома сирот» укладывались спать, Януш Корчак присаживался на кровать, гладил по голове то одного, то другого ребёнка и рассказывал сказки. Самой любимой была трогательная история о благородном и великодушном мальчике-короле Матиуше, мечтавшем, чтобы все люди были счастливы.

В Варшаве Корчак под псевдонимом Старый Доктор вёл радиопередачу о педагогике. Его программы были очень популярны, и их слушала вся Польша. Старый Доктор рассказывал сказки, общался со слушателями и отвечал на вопросы.

Когда немцы оккупировали Польшу, у Корчака появилась возможность уехать, но он возвратился в «Дом Сирот», находившийся на территории Варшавского гетто.

Летом 1942 года поступил указ о депортации воспитанников приюта. Маленьких евреев отправляли в концентрационный лагерь Трешлинка, который находился на территории Польши и вошёл в историю как один из самых страшных лагерей смерти. По количеству жертв он уступает только Освенциму.

Наступил день, когда воспитанникам «Дома сирот» было приказано собраться на привокзальной площади. Что сказал Корчак детям, ведь он никогда не обманывал их? Какие нашёл слова и как объяснил, что они едут умирать?

Утром Корчак построил причёсанных и опрятно одетых ребят в стройную колонну, над которой развевалось зелёное знамя сказочного короля Матиуша. Знамя надежды. Двести детей шли по улицам Варшавы под собственные церковные песнопения вместе со своим Старым Доктором. Это было торжественное и зловещее зрелище. У Корчака не оставалось никаких иллюзий — они все обречены. Шествие маленьких смертников и их учителя к вагонам, что должны были доставить их в Трешлинку, очевидцы назвали маршем смерти. Казалось, в тот день плакали даже камни на мостовой.

Появление колонны «Дома сирот» на привокзальной площади вызвало среди карателей панику. Стройными рядами и с песней сюда не приходила ещё ни одна партия обречённых на смерть людей. Эта картина потрясла даже

эсэсовцев. Конвоирующие колонну фашисты вели себя, как побеждённые, не смели поднять глаза на детей.

Немецкий офицер, руководивший погрузкой, узнал в Корчаке автора своих любимых детских книг и предложил остаться. Всемирно известному педагогу-новатору гитлеровцы великодушно дарили жизнь. Однако Старый Доктор отказался и не покинул своих воспитанников в самый страшный час их жизни. Потрясённый мужеством Януша Корчака, эсэсовский офицер вытянулся по стойке смирно и отдал честь. Пройдя сквозь ровный строй автоматчиков с собаками, Доктор вместе со своей помощницей и детьми вошёл в товарный вагон, и поезд тронулся.

О чём думали дети и их учитель в пахнущем хлоркой и землёй пломбированном вагоне для скота? Не хватало воздуха. Дети задыхались и умирали от тесноты и давки — стоя, потому что некуда было упасть.

Может быть, в этот момент Старый Доктор вспоминал свою первую лекцию «Сердце ребёнка», которая была прочитана в рентгеновском кабинете. Корчак привёл туда детдомовского мальчика. Когда включился аппарат, слушатели увидели бешено колотившееся сердечко. Малышу было страшно, ведь кругом чужие люди, гудит машина. «Так выглядит сердце ребёнка, когда на него сердится воспитатель», — сказал Корчак. Это было давно, ещё до трагедии... А сейчас беспощадной волею войны стук вагонов и стук детских сердец смешались в одном большом горе, измерить которое нельзя ничем.

В виртуальное окно «Детского вагона» застучал дождь. Капли медленно сползают по стеклу, и кажется, что это слёзы маленьких узников, оказавшихся в самом пекле страданий. Сквозь пелену дождя вы видите детские лица. Они как живые, взгляните в их глаза! Сколько в них страха, растерянности и боли! Вам трудно дышать, в горле сжимается удушающий ком. Кажется, что уходит из-под ног шатающийся деревянный пол. Ты беспомощно ищешь и не находишь стоп-кран, чтобы остановить адский вагон смерти. А на глазах слёзы, скрыть которые нельзя.

На мультимедийной панели «Детского вагона» проступают очертания концлагеря Треблинка. Нацистская «Фабрика смерти» всё ближе и ближе. Мощённая булыжником пыльная дорога ведёт от железнодорожной платформы к газовым камерам. По этой дороге прошли сотни тысяч людей.

Возносились в самое небо вершинами печальные сосны, и казалось, что дорога уходила к солнцу. Никто не хотел думать, что она окажется такой короткой. От вагонов до газовых камер было всего десять минут пути.

Что же мог сделать Януш Корчак для двухсот своих детей, чувствуя дыхание смерти? Говорить правду или обманывать? Он выбрал третье — остаться со своими воспитанниками навсегда...

А ещё рассказать последнюю и короткую, как жизнь, сказку о путешествии к Солнцу. «Улица в небо» — сказка, которую когда-то в «Доме сирот» сочинил для своих воспитанников Старый Доктор. И так называлась дорога

смерти в Трeблинке. Двести детей прошли по ней бесконечные и такие короткие десять минут пути. Они верили, что учитель знает, куда их ведёт. Было выше всяких человеческих сил идти на смерть и не думать о ней. Януш Корчак вошёл в газовую камеру и погиб вместе с детьми.

Стук колёс замирает... Поезд останавливается. Невольно пробуешь поставить себя на место этих людей: хватило бы у нас силы духа и мужества вынести то, что вынесли они? Прикоснувшись к героическим событиям военных лет и увидев их глазами ровесников, мы познаём радость подвига во имя Победы.

Выходя из «Детского вагона», на память о виртуальном погружении в историю возьмём белого воздушного змея. Ежегодно 23 марта во многих странах проходят акции в память о Януше Корчаке и погибших детях. Давайте и мы запустим воздушных змеев, которые раскрасят небо красками мира и добра. Пусть они летят по *улице в небо*...

**За сохранение «мест памяти»
геноцида советского народа в годы
Великой Отечественной войны 1941–1945 годов**

КРИСТИНА ДОБРОВОЛЬСКАЯ

9 класс

Наставник: Патока Ольга Витальевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Школа № 145 города Донецка»

Донецкая Народная Республика

День, когда закончилось детство

Погода за окном снова не радовала: серость, низкое пасмурное небо, туман. Настроение соответствовало погоде — не хотелось ничего: ни играть, ни читать, ни даже общаться с подругами в чате. Я задёрнула занавеску и отошла от окна. В комнату заглянула мама:

— Леноч, поедem к бабушке, поможем ей по дому.

Мы с мамой часто ездили к бабушке, ей уже тяжело было справляться с домашней работой, а мы помогали то убрать, то продуктов купить. У бабушки было всегда тихо, уютно, пахло сдобой и чуть-чуть травами, у неё хотелось бывать. Но сегодня мне не хотелось никуда ехать. Я попыталась отговорить маму, но она только улыбнулась, погладила меня по голове и сказала:

— Собирайся, доча, немножко развеешься.

Бабуля была нам очень рада, как всегда, налила чаю, угостила вкуснейшим вишнёвым вареньем. Когда чай был выпит и мама решила, что мы будем делать, бабушка как-то поникла и попросила помочь разобрать вещи прабабушки. Прабабушка Валя умерла больше месяца назад, а бабушка всё не могла разобрать её вещи. Не могла без слёз прикоснуться к ним, гладила траурное фото на столе. Мама вздохнула и согласилась. Я редко заходила в комнату прабабушки при её жизни: последние годы она была лежачей, мне было неловко в пахнущей лекарствами комнате. И сейчас я как будто впервые рассматривала старую мебель, иконы в углу, маленький радиоприёмник на подоконнике. Мама сразу принялась за уборку, а меня попросила навести порядок в серванте. Я вытирала пыль с хрустальных ваз, статуэток, добралась до небольшой шкатулки в самом углу.

— Что тут, бабуля? — спросила я.

— Сокровища моей мамы, — печально улыбнулась бабушка.

Взяла шкатулку, погладила её и присела на диван. Мы с мамой присели рядом. Бабушка открыла крышку. «Сокровищ» было немного: чуть поцарапанное обручальное кольцо, медали прадеда, засушенный бутон розы, несколько сильно потемневших старых фотокарточек и небольшой мешочек, перевязанный когда-то голубой ленточкой с обгоревшими краями. Я удивлённо подняла брови и увидела, что бабушка вытирает слёзы. Она развязала ленточку, в мешочке было несколько почти рассыпавшихся пеплом угольков.

— Что это, бабуля? — я не могла сдержать удивления.

— Это всё, что осталось от маминого детства...

И бабушка начала рассказ...

— Валюша, доченька, торопись, времени нет.

Валя видела, что мама нервничает, и старалась быстрее уложить свои вещи в чемоданчик.

— Иди, помогу тебе косу заплести.

Мама быстро перебирала светлые пряди дочери, доплела косу, завязала голубую ленточку. Валя давно заплеталась сама, но маму успокоили прикосновения к шелковистым волосам дочери, движения перестали быть лихорадочными, хотя руки всё еще подрагивали.

— Ну что, детки, пойдёмте.

Валя окинула комнату взглядом: кругом чисто прибрано, всё стоит на своих местах, словно уезжают они на пару дней, а не оставляют родной дом надолго. У дверей два чемодана — побольше для мамы, поменьше для Вали. И узелок с небольшим запасом еды и жестяной кружкой. Валя подхватила свою поклажу, Вася взял узелок, и дети вышли во двор. Мама тщательно закрыла дом и присоединилась к детям. На улице было непривычно шумно: ехали грузовики, подводы, шагали солдаты, быстро шли гражданские, и всё это двигалось в одном направлении. Отчётливо слышалась не прекращающаяся вот уже неделю канонада, которая всё приближалась. Валя слышала, что бои идут на подступах к городу, что пока части Красной Армии держатся, но натиск фашистов слишком силён. Спешно эвакуировали предприятия и работников. Вот и они с мамой спешили на эшелон.

Выйдя за калитку, семья тут же влилась в людской поток и быстро направилась к вокзалу. Мама торопилась, Валя еле поспевала за ней, а братик быстро устал, и его приходилось чуть ли не тащить за собой. Хорошо, что Вася не хныкал и не просился на руки, он быстро перебирал коротенькими ножками и то и дело вытирал ладошкой лицо.

Когда они были в двух кварталах от вокзала, стал нарастать гул. Валя почувствовала, что душа её уходит в пятки — это приближались вражеские бомбардировщики.

— Воздух! — закричал кто-то.

Толпа бросилась бежать, каждый хотел укрыться от опасности, спастись от бомбёжки. Грохот взрывов обрушился смертоносным потоком, мама затащила детей в небольшой овражек и прижала к себе. Они с ужасом смотрели на несущее смерть небо. Земля содрогалась, всё затянулось пылью, отчётливо запахло гарью. Каждый взрыв скручивал все внутренности, заставлял вжиматься в землю, сводил с ума. Никогда ещё Вале не было так страшно. Она слышала тихое подвывание брата и тяжёлое, прерывистое дыхание матери. Когда бомбёжка закончилась, они бегом бросились к вокзалу. Здание горело, центральная часть обрушилась, горели вагоны состава, приходилось оббегать дымящиеся воронки. Валя увидела мёртвое тело и зажмурила глаза: она никогда не видела мёртвых, и это было очень страшно. Возле эшелона толпились люди, мама с трудом втащила в вагон детей и протолкала их вглубь. Старушка с узелком на коленях подвинулась, и мама устроила Валю с Васей на лавке. Дети ещё не успели опомниться, а эшелон уже тронулся. Состав всё набирал ход, но люди по-прежнему тревожно выглядывали в окна и вслушивались в звуки выстрелов, которые перекрывали и гул тепловоза, и стук вагонов.

Вася привалился к сестре и засопел, его измученное личико было грязным от пота и пыли. Лицо мамы, сидящей напротив, терялось в тени, но Валя видела её глаза, ни на минуту не отрывающиеся от детей. Перестук колес и покачивание убаюкивало, и Валя не заметила, как провалилась в сон.

Разбудил её страшный грохот. Вагон качнуло так, что Ваня упал на пол, мама бросилась к нему, но следующий удар свалил и её. Вокруг кричали люди, кто-то зажимал раны от посыпавшихся из окон стёкол, состав дёргалось, казалось, его ход всё замедляется. Вдруг кто-то истошно заорал:

— Танки!

Люди взвыли, бросились к выходу. Вагон дёрнулся ещё раз так, что попадали все, кто устоял на ногах в первый раз, и со страшным скрежетом остановился. Все посыпались из вагонов.

Снова выстрел, выворачивающий наизнанку сознание, и ещё, и ещё. Мама, судорожно удерживая за руки Валю и Васю, бежала к небольшому леску. Вокруг мелькали перепуганные лица. Совсем рядом земля взмыла вверх, окатив Валю тяжёлыми комьями. Она упала, но сразу же поднялась, не чувствуя мамину руку. Мама лежала совсем рядом на боку, Валя бросилась к ней, чтобы помочь подняться, но мама не отзывалась на её крики. Красное пятно быстро расплывалось на её груди, истошно кричал Вася, прижимаясь к откинутой в сторону руке.

Сердце оборвалось, Валя с ужасом поняла, что мама её не слышит и не услышит больше никогда. Она упала рядом и зашлась в страшных рыданиях, но новый взрыв отбросил её на несколько метров в сторону. Приподняв тяжёлую голову, стараясь удержать остатки сознания, девочка увидела танки со свастикой, прямой наводкой расстреливающие эшелон. Из последних сил она поползла к присыпанному землёй Васе. Братик был жив, на его лице застыла гримаса отчаяния. Валя схватила его за руку и поползла к маячив-

шим уже совсем близко деревьям. Поравнявшись с ними, Валя прижалась к шершавому стволу и оглянулась назад. Теперь танки таранили оставшиеся на рельсах вагоны и носились по небольшому полю. Валя с остановившимся сердцем поняла, что они давят разбегающихся людей: женщин, стариков, детей. Рёв и скрежет машин, звук автоматных очередей перекрывал людской крик, стоявший над полем. Сразу за танками появились автоматчики. Они улюлюкали, смеялись, посылая смертоносные очереди в пытающихся спастись людей.

Девочка снова схватила братишку за руку, и они побежали между деревьями. Лесок был маленький, деревья росли редко, пытавшихся скрыться в нём людей было хорошо видно, и автоматчики направились прямо к нему. Валя поняла, что бежать им некуда, и судорожно стала искать хоть какое-то укрытие. Силой запихала брата под вывороченный корень, обдирая руки, сломала несколько веток и накрыла его сверху. Потом бросилась к ближайшим кустам, пролезла в самую гущу, прижалась к земле, пытаясь быть как можно незаметнее. Теперь, затихнув, она через листья и ветки наблюдала страшную картину уничтожения. Немецкие автоматчики никуда не спешили, они методично расстреливали оставшихся в живых людей. Их не останавливали ни мольбы, ни слёзы матерей, ни крики детей. Валя, окаменев, не чувствовала, как по её щекам текут слезы. Немцы всё приближались к её нехитрому укрытию, девочка уткнулась в землю лицом. Пули свистели совсем рядом, сбивая ветки, листву и щепки с деревьев. Вдруг словно огромная оса ткнула девочку в плечо, обжигающая боль просверлила всё тело, и Валя потеряла сознание.

Очнулась она от прикосновений к лицу и волосам. Ей почудилось, что мама склонилась над ней. Она с трудом сфокусировала взгляд и увидела склонившуюся над ней незнакомую пожилую женщину со странно застывшим лицом. Валя застонала, заставила себя, преодолевая сильную боль, сесть. Оказалось, что она ранена в плечо, женщина уже успела её перевязать какими-то обрывками ткани. Очень хотелось пить, кружилась голова.

— Вася! — взорвалось в голове.

Девочка на четвереньках добралась до пня. Вася лежал рядом, остановившиеся глаза глядели сквозь листву в синее небо, в маленьком кулачке зажаты палая листва и трава, грудь разворочена автоматной очередью.

Плакать почему-то не получалось, слёзы застыли где-то в горле, горе сжало сердце. Валя погладила русую головку брата с такими же светлыми и шелковистыми, как у неё самой, волосами. Она увидела, что женщина, перевязавшая её, руками роет яму под тем самым пнём, под которым девочка спрятала Васю. Они вместе вырыли неглубокую ложбинку, уложили в неё Васю, накрыли ветками и забросали землёй, женщина принесла несколько крупных камней. Уже вечерело, когда они закончили. Валя немного постояла, покачиваясь, над могилой брата и пошла к полю. Она хотела найти и похоронить маму. Женщина остановила её и отрицательно покачала головой.

— Там лежит мама, — тихо сказала Валя, глядя в просвет между деревьями.

Но женщина снова отрицательно покачала головой, взяла её за руку и повела за собой.

К ночи они добрались до небольшой деревни, где их приютили, накормили и перевязали Валу. Ночью у неё поднялась температура, распухло плечо, пульсирующая боль растекалась волнами по телу.

Девочка пролежала в жару и бреде две недели, её выхаживали старички, жившие на краю деревни. Женщина, которая вывела её из леса, так и не сказала ни слова, утром следующего дня ушла.

Когда силы вернулись к Вале, она узнала, что фронт давно отодвинулся, что вся область уже оккупирована и что идти ей некуда.

— Так и закончилось детство моей мамы. А было ей всего десять лет.

Я вздрогнула от неожиданности. Эти слова бабули словно вырвали меня из мира, в котором я была Валею, я убегала от танков, я плакала над убитой мамой, я хоронила под пнём маленького братика.

Меня всю трясло, я видела, что маме не лучше. Мы с двух сторон прижались к бабушке, обняли её.

— Мама нам не рассказывала о детстве, сухо говорила, что его не было, и переводила разговор на другое. А мы не решались расспрашивать, беречь старые раны.

Бабушка взяла ленточку из шкатулки.

— Это та самая ленточка, которую заплела в косу Вале мама в день, когда закончилось её детство.

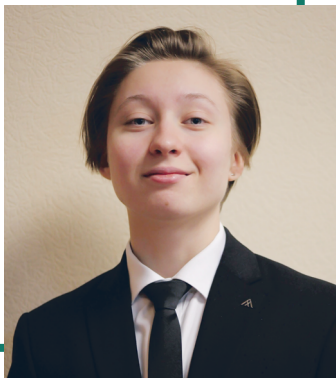
Совсем другими глазами я смотрела на поблёкшую полоску ткани с обгоревшим краешком.

— А это то, что осталось от деревни, в которой её выходили и приютили, — бабушка тронула уголки в мешочке. — Немцы сожгли всю деревню вместе с жителями в отместку за усилившиеся зимой 1942 года рейды партизан. Накануне, предчувствуя беду, несколько семей отправили детей в дальнюю лесную сторожку. Так дети выжили, и их потом забрали к себе партизаны.

Бабушка рассказала, что прабабушка Валя только один раз поведала свою историю детям в день смерти их отца, фронтовика, прошедшего всю войну.

Тогда она рассказала о гибели матери и брата, о жизни в партизанском отряде, где она помогала на кухне и шила, об освобождении, о поездке в родной город после войны, где она с трудом нашла среди руин свою улицу и то, что осталось от родительского дома, о поисках отца и известии о том, что он погиб, освобождая Польшу, о встрече с будущим мужем. И тогда же она попросила никогда больше не спрашивать её о детстве, но запомнить её историю навсегда и однажды рассказать своим детям, а потом и внукам, чтобы помнили. Помнили о зверствах фашистов, об уничтожении мирного населения, об убийствах женщин, стариков и детей. О том, что забыть и простить нельзя.

**За сохранение «мест памяти»
геноцида советского народа в годы
Великой Отечественной войны 1941–1945 годов**

ВЕРОНИКА ТЕРНОВЫХ

2 курс

Наставник: Гнездилова Татьяна Васильевна,
преподаватель гражданского
и административного права

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение Воронежской области
«Воронежский юридический техникум»

Воронежская область

**Земля их стон последний поглотила,
и лог Песчаный повторил его**

Здесь тишина слышней,
становятся здесь чище,
здесь прошлое видней,
здесь выгод мы не ищем.
Здесь на закате дня
Заря приспустит знамя...

У нас и у Огня
негаснущая память

С. Н. Никулин

Тих и спокоен сосновый бор, окружающий неглубокий песчаный овраг. Как будто память о давнем преступлении, свершившемся в этом мирном, на первый взгляд, месте, навсегда поселилась в кронах вековых сосен и ветром разносится по округе. Быть может, этот вездесущий шёпот и привёл меня к Песчаному логу? Всё тот же пронизывающий ветер сопровождал меня на пути к неприметному пригорку, на котором неприступной скалой, возвышаясь над лесом, стоит пятиконечная ротонда. Любого человека, проходящего мимо земляных валов по извивающейся змеей мощёной дорожке, ведущей к месту памяти, не оставит равнодушным вид застилающего небеса мемориала, тень которого, кажется, покрывает весь мир.

До глубины души это утопающее в безмолвии место на окраине Воронежа поразило и меня. Проходя мимо каменных плит с бесчисленными именами убитых здесь, невольно пытаешься представить: что же чувствовали люди, совсем недавно — видимо, 25 января, в День освобождения Воронежа — принёсшие сюда гвоздики, алыми всполохами выглядывающие из-под снега? Может, они вспоминали своих родных, пятна крови которых в далёком 1942 году расцветали на этой земле? Или кляли немецких оккупантов, желавших переокрасить весь мир в багровый цвет? Неискоренима память об их зверствах над мирным населением, чьи крики навечно похоронены в этой земле вместе с их верой, надеждами, мечтами, вместе с последним свободным вдохом и судорожным выдохом. Четыреста пятьдесят два человека навечно умолкли под хмурым взглядом сосен. Четыреста пятьдесят две души... А ведь их могло быть четыреста пятьдесят три. Анна Федотовна Попова стала единственным выжившим свидетелем бесчеловечной расправы. Она одна не оставила навсегда свой голос в этой земле. Однако это место её не забыло так же, как всю жизнь помнила его сама Анна Федотовна. Свободолюбивый ветер, гуляющий в кронах сосен, помнит эту историю и спешит рассказать её всем, кто приходит к Братской могиле № 565 почтить память погибших. Лишь он может рассказать о мыслях и чувствах заживо погребённой и чудом спасшейся женщины, которые открылись ему в тот памятный день 27 августа 1942 года. Эта история, пронизывающая ничуть не меньше, чем вдруг налетевший осенний ветер, стала известна и мне, из-за чего я считаю, что моим долгом является рассказать о ней так, как это было на самом деле, то есть от лица самой участницы этих событий — Анны Федотовны Поповой.

«Непрерывный бег: вверх, вверх, потом снова вниз. Спотыкаюсь о ступеньку и едва не лечу до самого конца лестничного пролёта, а в руках у меня крепко зажаты бинты и скальпели. Раненых накануне прибыло столько, что размещали их уже где могли, так что теперь мне приходится бегать с одного этажа на другой, доставляя хирургам необходимые материалы. Нет, я вовсе не медсестра, даже близко к этой науке никогда не стояла. Оказывать первую помощь и делать искусственное дыхание я, конечно, умею: этому меня научили ещё в начальных классах моей родной школы № 29, в которой и расположен сейчас этот госпиталь. Новая администрация города все больницы уж давно закрыла, поэтому всех немощных и раненых собрали в немногочисленных госпиталях. Я часто приходила сюда помогать: трудно сидеть в подвале дома, когда при самом незначительном воспоминании о раненых сердце кровью обливается. Да и всё же легче переносить кажудневные обстрелы и взрывы, когда занимаешься полезной работой: помогаешь людям вылечиться, а иногда и вовсе выжить. В один из дней, возвращаясь вечером по разогретым солнцем и жаром битвы пыльным улицам, я не смогла отыскать свой дом. Только бесформенная груда камня и железа свидетельствовала, что он когда-то у меня был. С того самого

вечера я и поселилась в стенах своей родной школы, помогая другим её жителям всем, чем могу.

Печально видеть, во что превратилось бывшее стройным и аккуратным здание школы, но я, как и многие другие, понимаю, что очень скоро нам придётся его покинуть. Правый берег немцы уже оккупировали, нам остаётся только дожидаться их. Уже доходят слухи, что с других госпиталей начали эвакуировать людей в сёла. Поэтому, когда 27 августа, под конец засушливого лета, к крыльцу госпиталя с громким рычанием мотора подкатили немцы на грузовиках, я не почувствовала удивления, напротив, только смирение перед необходимостью покинуть ставший мне новым домом госпиталь.

На шум моторов и призывных немецких выкрикиваний начали выходить люди, ещё способные самостоятельно передвигаться, остальные устало высунули головы из полуразбитых окон. Окинув нас взглядом и будто что-то мысленно рассчитав у себя в голове, появившийся из кабины грузовика немец (офицер, судя по форме) объявил вдруг на ломаном русском, что пришла и наша очередь эвакуироваться: всех больных и раненых надобно свести в сёла Орловка и Хохол. Делать нечего: раз надо — значит надо, да и, говорят, в сёлах всё же потише обстановка будет, поэтому очень скоро и в большой спешке все мы погрузились в крытые брезентом грузовики. Даже немощных и инвалидов вынесли на носилках и погрузили вместе с нами. Когда же мест уже не осталось, немцы опустили сверху брезент, погружая всех нас в угрюмый мрак.

В дороге кто-то посвистывал себе под нос, несколько пожилых людей закимарили, тихонько посапывая. По пути я разговорилась с молодой женщиной с маленьким ребёнком на руках. Она не была единственной матерью в нашей компании, однако только её лицо, среди всех находящихся в грузовике людей, украшала тёплая улыбка, сразу же привлёкшая моё внимание. Как потом выяснилось, темноволосая красавица, ещё казавшаяся юной девушкой, уже является женой молодого офицера — Ульяной Меньшиковой.

— Из родственников у меня муж и сестра только остались, да сын маленький, Витюша, — поведала она мне, нежно прижимая годовалого ребёнка к своей груди. — Муж на фронте, но всё равно, как только задаст фашистам жару, бежит сразу меня проведывать. Сестра тоже нам помогает всячески, хотя сама едва справляется. Теперь хоть я с сыночком буду в безопасности! Меньше волноваться за нас будут, а то ведь последнее мне отдают, себе ничего не оставляют, говорят, мол, питайся уж как положено, тебе ещё богатыря для земли русской растить. Да я и рада: Витюша как вырастет, тогда ещё одного витязя воспитаем! Мы с мужем уже решили: немцам-то недолго ведь осталось, это я лучше других чую. Ох и порадуются муж с сестрой за меня! Главное — чтобы не волновались попусту, ведь я нигде не пропаду. Как на место прибуду — сразу напишу им письмо!

Она так лучилась искренним детским простодушием, что меня в тот момент тоже вдруг охватило смутное радостное предчувствие: казалось,

ещё немного — и все мы окажемся в безопасности. Конечно, жизнь в прифронтовых сёлах не легче, чем в городе, но хотя бы не будет ежедневных обстрелов и непрекращающегося потока раненых. Я уже начинаю замечать, что звуки перестрелок потихоньку стихают. Но во вдруг нахлынувшей на нас тишине чувствовалось нечто недоброе. За разговором никто не заметил, что направление нашего движения в какой-то момент изменилось. Смутно чувствовался освежающий запах хвои, проникавший в грузовик, дорога вдруг стала слишком ухабистой, и мы наконец остановились.

— Видать грузовик, что перед нами ехал, заглох, — со знанием дела поделился своей догадкой молодой парень, едва успевший выпуститься из технического училища, но уже словивший пулю в плечо на поле боя. — Слышите, как прерывисто он тарыхтит впереди?

Мужчина постарше с давно небритой щетиной раздвинул брезент и, выглянув наружу, сказал обречённо, что нас, очевидно, привезли расстреливать. Я не поверила ему, однако при его словах ледяной озноб мгновенно пробрал меня до костей. Наконец немецкие солдаты полностью откинули брезент и тут же велели нам выходить. В ноздри ударил насыщенный аромат соснового бора, к которому добавился запах до боли знакомого смрада. Пока всех спешно выгружали, я всё смотрела на представшее передо мной ужасающее зрелище: в огромной яме лежали десятки трупов, бывших пассажирами первой машины, за тарыхтение которой мы ошибочно приняли автоматные выстрелы.

На негнущихся ногах я шла вместе со всеми по извилистой тропинке к этой зияющей дыре. Ноги утопали в песке и пыли, а перед глазами уже всё поплыло. Не помню как, но я поднялась на этот пригорок, а поднявшись, не могла дальше ступить ни шагу. Вновь разрезавший густой хвойный воздух выстрел наконец привёл меня в чувство, и в числе последних я всё же подошла к этой пропасти. Немцы, перекикаявая ужасные, пронзающие вопли, заставляли всех ложиться на ещё тёплые тела людей, истекающие кровью. А я пошевелиться не могу: стою у самого края и стараюсь не смотреть вниз, но взгляд сам собой выхватывает фигурку Ульяны, навеки сомкнувшей руки вокруг маленького и точно такого же, как и она, безжизненного тельца. Они лежат, прижавшись друг к другу в предсмертном объятии, а я ничего не чувствую. Меня как будто уже убили. Слышу только завывание ветра... Или это вой обречённых матерей? Бешеное буханье сердца в моей груди слилось со звуком тяжёлых ударов прикладом по головам сопротивлявшихся, мгновенно лишая последних жизни.

— Ложись! Ложись в яму... к остальным! — прокричал прямо в моё ухо тот немец, показавшийся мне офицером. Оглушённая, я в спешке начала спускаться в эту раззявленную в немом крике пасть тёмной бездны, наполненной свежими трупами. Смотреть на это было невозможно. Прямо под боком лежало ещё тёплое тело незнакомой женщины в длинном пальто. Слова прощания и проклятий звучали со всех сторон. Потому так неожиданно

и горько было услышать звонкий голосок маленькой девочки, вопрошавшей: «Где моя мама?», и последовавший за вопросом тоненький плач. На ломаном русском ребёнку ответил уже знакомый мне голос: «Она здесь, ложись рядом...» Я накрыла голову полой пальто незнакомой женщины, чтобы не видеть и не слышать происходящего. Сверху кто-то навалился, видимо, приняв меня за мёртвую. Под звуки вновь начавшегося расстрела я молча дожидалась своего конца, чувствуя, как по мне стекает кровь. Чужая кровь.

Вдруг всё стихло. Прошла минута, две, три, а я по-прежнему вслушивалась в эхо последнего выстрела, пытаюсь понять: жива я ещё, или больше нет меня. И тут сверху упали свежие комья земли, а потом ещё и ещё: сразу несколько лопат заработали в унисон, засыпая место недавнего преступления песком и суглинком. Я хотела молчать до конца, но колени предательски задрожали от осознания мучительной смерти от скорого удушья в этой тёмной могиле. Ужас охватил меня, я уже хотела поднять голову и закричать: так моя жизнь окончилась бы мгновенно и без боли, но тут раздалась отрывистая команда и работа лопат прекратилась. Всё в той же спешке погрузившись обратно в машины, немцы наконец уехали. И наступила звенящая, одуряющая тишина.

Я сижу в густом бурьяне и слушаю, а немцы всё привозят и привозят новых людей для того, чтобы здесь оборвать их жизнь. Бесконечные крики, стоны, вопли, мольбы... Всё перемешалось и превратилось в нескончаемый предсмертный хор. Не помню, как я выбралась из той бездны, как поднялась над грудой кровавых тел и, судорожно хватая руками комья сырой земли, вылезла на свет божий. Лишь когда наступила тёмная ночь и фары грузовиков в последний раз облизали возросшую гору трупов, я впервые за много часов позволила себе пошевелиться.

Ноги несли меня в направлении города по посадкам и пустынной дороге. Уже по-осеннему холодный ветер дул мне в спину, однако надежда вернуться целой обратно в город почти исчезла. Ближе к утру мои глаза, уже покрытые пеленой от подступающих слёз, едва различили очертания полуразрушенного дома. Внутри было пусто и всё так же удушающе тихо. Найдя в доме единственную лавку, я забылась на ней долгим и беспокойным сном.

Только через три дня я решилась идти дальше. Пробираясь от села к селу, я дожидалась победы наших войск, чтобы наконец вернуться в город и рассказать о совершившемся зверстве. Только ради этого я шла ночь напролёт, стерев ноги в кровь. Ради памяти. Ради того, чтобы имена невинных жителей, хладнокровно убитых фашистскими свиньями, не были забыты, ради того, чтобы родные погибших могли прийти и почтить их память. Чтобы муж Ульяны Меньшиковой после окончания войны смог попрощаться с нею и их сыном, теперь уже навсегда».

Попробовав взглянуть на эту историю глазами чудом выжившего свидетеля бесчеловечной расправы, уже по-другому смотришь на обдуваемые ветром тонкие стебли с красными, как кровавые слёзы, лепестками. За ка-

ждой гвоздикой тебе видится своя история, но не только о невозвратимой потере и горечи утраты, а о памяти, неискоренимой из сердца воронжца и любого русского человека. Память, которой люди, возлагающие цветы на могилы своих предков в этом открытом всем ветрам месте, обязаны Анне Федотовне Поповой.

С момента той ужасающей расправы не смолкает ветер над Песчаным логом. И любого человека, случайно или намеренно пришедшего сюда, он ведёт по извивающейся тропе к пригорку, увенчанному ротондой с пятью лепестками. Она хранит память о трагичной истории этого места, которую рассказывает непрекращающийся бурный ветер, вобравший в себя голоса сотен воронжцев, навечно умолкнувших здесь.

**За сохранение «мест памяти»
геноцида советского народа в годы
Великой Отечественной войны 1941–1945 годов**

СОФЬЯ ПОЖОГИНА

8 класс

Наставник: Подрезова Елена Вячеславовна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
Кромского района Орловской области
«Кромская средняя
общеобразовательная школа»

Орловская область

Овраг

Основан на реальных событиях, рассказанных
моей прабабушкой Марией Сидоровной

Густой аромат только что сваренного клубничного варенья разносил-ся по всему дому, а едва уловимый ветерок через распахнутую дверь приносил медвяный запах луговых трав. Мы с мамой сидели на крытой веранде, наслаждались тишиной тёплого летнего вечера и вели неспеш-ный разговор.

— Мам, а расскажи о прошлом, о моей прабабушке Маше. Я её немного помню, чудесная она была но... замкнутая.

— Рассказать тебе о прабабушке... — задумчиво повторила мама. — Ну что ж, Софья, давай заварим чайку, принесём сладкие душистые пенки, будем чаёвничать, и я тебе, пожалуй, расскажу одну историю.

— То было жаркое лето. Мы с мамой — твоей бабушкой — поехали на-вестить твою прабабушку Машу в небольшое село с поэтическим названием Яблочное, что недалеко от Воронежа. А знаешь, Сонюшка, я была настоящей атаманшей.

— Ох, — мама лукаво улыбнулась, — и доставляла я хлопот родным. С утра до вечера носилась по округе с ватагой мальчишек. Шишкам и ссади-нам числа не было! А вечером, когда все расходились по домам, я возвраща-лась к маме и бабуле, садилась рядом с ними на завалинку и прислушивалась к разговорам о детях и внуках, соседях и соседках.

Иногда они замолкали и задумчиво глядели вдаль, за овраг. В эти минуты глаза прабабушки увлажнялись слезами. Она тихонько промокивала их уголками платка и тяжело вздыхала...

В один из таких вечеров, заметив бабушкины слёзы, я спросила:

— Бабуль, а чего ты плачешь? Что там, за оврагом?

Бабушка, по своему обыкновению, осушила слёзы уголками платка, обняла меня и еле слышно прошептала:

— Там, унучечка, логово... логово смерти.

— Ба, — чуть отстранилась я от неё, — какое логово? Мы с ребятами там играли вчера. Нет там никакой смерти! Смерть — это страшно, а там, за оврагом, очень красиво! Кругом пчёлы деловито жужжат, да легкомысленные бабочки порхают. Вот! — моему удивлению не было границ.

Мама на секунду прервала рассказ, внимательно посмотрела на меня своими серыми лучистыми глазами и спросила:

— Знаешь, что мне на это ответила твоя прабабушка?..

— Что? — одними губами спросила я, чувствуя необъяснимое напряжение.

— Она сказала: «Там души людские неприкаянные летают!.. Эх ты, голова садовая! Давай, беги в дом, спать давно пора».

Ушла я тогда, не спросила ни о чём, но слова твоей прабабушки крепко мне в душу запали. И с ребятами я больше в овраг не ходила, как-то не по себе было.

— И что же, ты так и не узнала у прабабушки Маши, что это за «неприкаянные души»? — спросила я, ёрзая от нетерпения, чувствуя, что не переживу, если услышу: «Нет!»

— Почему же, к разговору о «логове смерти» мы вернулись спустя много лет, когда уже шишки и ссадины остались в прошлом и твоя уже совсем старенькая прабабушка переехала к нам.

Вот таким же тёплым летним вечером мы пили травяной чай с вареньем, и я спросила, прям как ты сейчас:

— Ба, а расскажи мне историю оврага. Он мне столько лет покоя не даёт!

— Об овраге, — повторила бабуля одними губами, а её глаза тотчас заблестели слезами, но она не обращала на них внимание. Мы довольно долго сидели в тишине, как вдруг бабушка тихонько всхлипнула и произнесла:

— Они все умерли... умерли. Не приведи, Господи, пережить такое никому...

Помолчав ещё несколько минут, бабушка начала свой рассказ:

— В первые дни войны мой отец Сидор Тихонович ушёл на фронт. Так и не дождались мы его... Сгинул в плену...

Все заботы по хозяйству легли на хрупкие плечи моей мамы Секлисты Илларионовны. В ту пору она была на сносях и в августе 1941 года родила мою младшую сестру Матрёнушку.

Время было страшное, вестей от отца не было. Мы выживали как могли, нас у матери было пятеро. И вот летом 1942 года к нам в село пришли немцы и мадьяры, собрали всех от мала до велика и согнали в овраг, тот прокляту-

щий, недалеко от Верлина леса. В тот лес мы с матерью и сбежали ночью. Там вырыли подобие землянки. Страшно было. Немецкие самолёты летали над лесом, а ночью ещё и прожекторами светили. Партизан искали. Ели мы травяные лепёшки да хлеб из толчёных гнилых желудей пекли прямо в земле. Но летом ещё терпимо было, лихо стало с приходом первых холодов. Голод толкал нас на колхозное поле, где собирали прелую мёрзлую картошку. Вкус этот я помню до сих пор, но голод не тётка...

Да и генерал тот...

Глаза острые, нос, что клюв у орла. Весь такой подтянутый, сытый...

Встретила я его в лесу, по грибы шла и встретила. Страх меня парализовал, чувствую: струя по ногам бежит, последнее, что услышала — гогот его, сознание я потеряла. Очнулась — его как и не было.

До сих пор понять не могу, почему он меня не убил.

Наши скитания продолжались почти семь месяцев. Бог, видно, всё-таки есть! Не сгнули мы, выжили. Мотя-то наша подросла. Маленькая, худющая, в чём только дух держался...

Бабуля замолчала...

Слёзы текли по её лицу, она, казалось, не замечала их.

— В 1943 году немцы отступать стали. Мы видели, как они в спешке грузили большие повозки. Но уйти-то не успели, наши, родненькие, подоспели, да задали этим фрицам и мадьярам проклятым жару.

Бой тот был прямо у оврага того, из которого мы убежали.

Ох, не знаю, как Господь уберег нас, как мы не сгнули...

Сбежали фрицы, побросав свои пожитки.

Мамка наша, как про то узнала, кинулась до дому с нами. Путь наш мимо оврага проходил, а там... — голос бабушки задрожал, и слёзы снова хлынули из глаз...

— А там... тела людские, прямо гора тел. Немец проклятый там всех наших односельчан и беглых воронежцев держал, концлагерь это был, а чтоб бежать мысли не было, казнили показательно... расстреливали десять человек в день: и детей, и стариков, и женщин.

— Господи, спасибо тебе, что уберёг, — бабуля промокнула платочком влажные глаза, — выжили мы да соседка, тётка Клава. Она-то и рассказала нам об ужасах оврага проклятого. Говорят, таких оврагов — концлагерей — в наших местах около двух десятков было.

— Не приведи, Господи, пережить такого никому.

— Так что души там неприкаянные летают до сих пор. Эх, голова садовая, пойдём, спать уж пора давно...

Моя мама замолчала, завершив рассказ.

Мы долго сидели в тишине, а из глаз лились слёзы, но мы не замечали их...

Не приведи, Господи, пережить такого никому...

Литературно-художественное издание

Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности»

Сборник сочинений абсолютных победителей,
призёров и победителей в номинациях

Составитель *Ю. Л. Кудрявцева*

Выпускающий редактор *В. А. Карамзина*

Корректор *Е. А. Грачёва*

Дизайн и компьютерная вёрстка *М. В. Козлова*

Дизайн обложки *А. А. Каргальцева*

Подписано в печать 02.05.2023. Формат 160 х 235 мм.

Усл. печ. л. 19.5. Тираж 300 экз.

ФГБПОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,

119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

Телефон: +7 (495) 245-38-25. E-mail: mail@mpgu.edu. Сайт: <http://mpgu.su/>.

Отпечатано в ООО «ФОТОЭКСПЕРТ»,

109316, г. Москва, ул. Волгоградский пр-кт, д. 42 к. 5.

Телефон: +7 (495) 601-96-96. Сайт www.netprint.ru.